

Л. Н. Большаков

Непридуманная повесть о будянском Петушке

Писатель Л. Н. Большаков - автор более двух десятков книг; о Тарасе Шевченко, Льве Толстом, декабристах, о советских писателях Николае Островском и Александре Фадееве, о нашем современнике. В "Прапоре" издано его документальное повествование "Нет ничего дороже".

В 1982 году писатель удостоен высоких литературных наград - премии имени Павла Тычины "Чуття едино и родини" и медали имени А. А. Фадеева.

Книга Л. Н. Большакова "Рисунок на фаянсе" посвящена одному из старейших в стране керамических предприятий - Будянскому фаянсовому заводу. Основу повествования составляет рассказ о жизни и деятельности художников предприятия, об их творческой эволюции, устремлениях и взглядах. Из совокупности индивидуальных портретов автору удалось создать своего рода коллективный портрет будянского художника, для которого характерны полная творческая самоотдача, тесная связь с истоками народного искусства, неповторимый почерк. Со знанием дела, с большой любовью, взволнованно повествует автор о своих героях, об их нелегком труде, о горячем стремлении дарить людям радость.

Об этой книге, или как все началось

Началось так.

Командировка привела меня в Харьков, и первое же воскресенье решил я посвятить музеям.

Но до историко-краеведческого добраться в тот день не смог - настолько увлек, заполнил художественный.

Зал за залом раскрывали передо мною неисчерпаемую сокровищницу искусства.

Коллекция музея складывалась на протяжении 175 лет. Она вобрала в себя то, что еще в начале XIX Века было приобретено для кабинета изящных искусств

Харьковского университета, и прекрасные дары Петербургской Академии художеств, и щедрое подношение родному городу от страстного его почитателя художника С. И. Васильковского, и множество произведений из собраний частных, из запасников других хранилищ. Создавались музейные фонды не легко, не просто. Многие претерпели они за свою долгую историю. В годы Великой Отечественной войны здание на Совнаркомовской сгорело, тысячи произведений погибли, бесценные полотна, которые не успели эвакуировать, оказались украденными и вывезенными фашистскими захватчиками. Среди них картина И. Е. Репина "Отойди от меня, сатана!", работы кисти В. А. Серова, Г. Г. Мясоедова и других. Но музей не погиб, не зачах, он выжил, выстоял и по-прежнему радуется, волнуется, вдохновляет людей.

Лишь предвкушение новых ярких встреч заставляло отходить от поистине неповторимых произведений.

От удивительной иконы слобожанского мастера "Троица", гипнотизирующей не традиционным сюжетом, но непостижимой выразительностью отнюдь не библейских, а, напротив, совершенно земных лиц, притягивающей удивительным колоритом и в передаче красоты человека, и в воплощении богатства мироздания.

От творений Брюллова, Кипренского, Тропинина, живопись и графика которых вновь и вновь утверждали в мысли о безграничных возможностях истинного художника видеть жизнь и воспевать ее в красках.

От всегда притягательного Шевченко с его "Казахскими детьми-байгушами", с достоверным и выразительным портретом Горленко.

От Айвазовского... Маковского... Левитана... Шишкина... Наконец, от Репина, особенно одного из двух существующих авторских вариантов всемирно прославленной картины "Запорожцы пишут письмо турецкому султану"...

И вдруг - "Будянский фаянс".

Ах да, еще и фаянс; объявление о нем я прочел у входа в музей, но в лабиринте залов об этом уже успел позабыть. Если говорить честно, шел в музей не для знакомства с выставкой. Так, может, до следующего раза? Но будет ли он - этот "следующий"? Когда еще выпадет случай побывать в Харькове? Да и ограничены выставки сроками своего действия. Нет, все же загляну...

В двух небольших залах я задержался на часы. И внесли они, эти часы, существенные поправки в мои планы.

Планы поездки и - планы писательские...

Только тут узнал, что есть под Харьковом поселок такой-Буды (извините, не подозревал даже), что в Будах находится одно из крупнейших в стране предприятий художественно-бытового фаянса (о Конаково слышал, о нем не знал ничего), что "разменяло" оно уже десятый десяток лет своего существования, что продукция "Серпа и молота" получила признание не только в СССР, но и за его рубежами, а эта выставка "впервые широко представляет деятельность завода изделиями различных периодов, начиная с момента основания".

Собственно "историческая часть" экспозиции задержала меня ненадолго - признаюсь в том прямо и честно. Вернулся к ней много времени спустя, когда перестал быть всего-навсего любопытствующим посетителем.

Что до остального, то впечатления буквально пронзили, обожгли Неведомое мне искусство властно схватило и притянуло к себе, да так, что по пространству залов я передвигался как по волшебному миру сказок.

Фамилии авторов не говорили мне ровно ни о чем. Николаев... Чернова... Пянида... Сень... Вакула., Рыбина... Кломбицкая... Еще несколько - таких же незнакомых, встреченных впервые; внес в свою записную книжку и их. Но более понятными они от этого не стали. Записал "просто так" - по журналистской, писательской привычке. Начал было заносить на бумагу названия понравившихся мне работ, но очень скоро от намерения своего отказался. Эдак я целый каталог составлять должен! Ведь тут ни одной не то что плохой, но даже посредственной работы не отыщешь! Каждая - привлекательна, каждая - талантлива, у каждого художника - свои открытия. Другое дело - кто созвучнее тебе. По мироощущению и миропониманию, полету фантазии и изобретательности поиска, представлениям о гармонии формы и содержания...

Смотрительница зала привыкла уже к странному посетителю, который не выходит из ее владений и час, и два. Когда зал опустел, она подошла ко мне и спросила:

- Нравится?

Я кивнул головой.

- Она была здесь вчера, - сказала женщина.

- Кто?

- Да Галина Ивановна...

- Какая Галина Ивановна? - удивился я.

- Кломбицкая, - отозвалась она с таким же удивлением: говорит, дескать, о самом понятном, а ее почему-то не понимают.

И вдруг я почувствовал: мне просто необходимо познакомиться с автором чудес, приковавших меня вот к этой витрине.

- Где она живет?

- А где ей жить-то, как не в Будах! Вернулся в гостиницу, стал дозваниваться.

- Ноль-девять? Как позвонить в Буды?

- Запишите номер коммутатора...

- Коммутатор? Нет ли телефона на квартире Клом-бицкой?

- Соединяю... - И несколько мгновений спустя: -о Алло, слушаю. Это была она Голос девчоночий, неуверенный.

- Да... Галина Ивановна... Чем могу служить?..

Кое-как объяснил ей, кто я, почему звоню, чего от нее хочу.

Хотел я, конечно, встречи. Но когда, где, как, если срок командировки заканчивается и подходит время отъезда?

- Не знаю, что и придумать... Сегодня мы с Сережей... Сергеем Александровичем... заняты - провожаем нашу соседку в аэропорт, она летит к мужу, на БАМ...

- Аэропорт в Харькове?

- Вот и прекрасно! - сразу поняла невидимая собеседница.- Приезжайте! Мы будем там к пяти часам вечера. Узнать нас легко. "Запорожец" красного цвета... ну я без особых примет, только роста небольшого... а вот Сережа... у него нет обеих рук, приметите сразу.

... Так состоялось у меня знакомство с первым в моей жизни художником фаянса.

На следующий день я поехал на завод, там познакомился с другими мастерами этого искусства, походил по цехам, по участкам, и... потянулась длинная цепь встреч, бесед, поисков, единственной целью которых было постижение незнакомого, неизвестного.

Постигал для себя, но со временем стало ясно: не рассказать, не написать об узнанном я не могу.

И начала вырисовываться эта повесть из многих совершенно документальных очерков-глав.

... Что касается Петушка - на суперобложке и в подзаголовке, так он тут не для украшения.

Петушок-марка Будянского фаянсового завода.

Прикосновение к истории

Одним из первых фильмов, которые мне запомнились, был "Соловей-соловушка". Смотрел его, помнится, с великим напряжением, и стал ОН для меня волнующим, навсегда памятным уроком классовой ненависти.

И вдруг я слышу это название через множество лет- сорок, даже больше.

- Вы, может, помните кинокартину "Соловей-соловушка", или, по-другому, "Груня Корнакова"? Так она, имейте в виду, про наш завод. Про наше прошлое-События происходили здесь?! И память услужливо высветила то, что когда-то прошло передо мною на "кране.

... Пожар. Горит завод. Ярче и ярче разгорается пламя. Впечатление непередаваемое - тем более, что на полотне кинотеатра изображение не черно-белое, а в красках огня (это первый в советском кинематографе цветной фильм). Но поражают не столько необычные для экрана краски, сколько сами события, их суть. Руки сжимаются в кулаки, когда видишь, как нещадно эксплуатируют рабочих все эти живоглоты, как помыкают они людьми и наживаются на страданиях трудящихся. Сколько бы ни наживались - мало, мало. И, застраховав старое заводское помещение, застраховав с очевидной для себя выгодой, хозяин - не сам, конечно, а руками прихвостней - пускает "красного петуха". Рабочим - новые беды: десятки их идут за ворота, остаются без куска хлеба. Ну, а хозяину опять же прибыль - и сейчас, и в будущем. - Фильм про наш завод, про наше прошлое...

... Нет, узнал позднее, точное место, где происходили запечатленные в ленте события, было иным. Их адрес - Кузнецове, теперь Конаково (это Калининской области).

Но и завод в Будах принадлежал Кузнецову. Значит, прошлое у конаковцев и будянцев одинаковым было - тяжким, каторжным.

Кузнецовское дело начиналось в деревне Ново-Харитоново, что неподалеку от подмосковной Гжели.

Жил да был в том искони гончарном, ремесленном селе бесфамильный крестьянин Яков Васильевич. Хлебопашество его не влекло - кузнецким делом больше занимался (вот и принял впоследствии фамилию - Кузнецов). Человек изворотливый, искал он заработок на разных стезях жизни. Лесом, например, подторговывал.

Но желаемые "миллионы" к нему не шли, пока, говорят, не появился в село торговец-татарин, человек при больших деньгах, наведаясь к Кузнецову, раз-другой в дом к нему пожаловал, а потом по-свойски и попариться в баньке не отказался. С той баньки торговец пришлый исчез, будто не было его вовсе, а Яков Васильевич стал ходить поважнее да поосанистее. Завел он гончарную мастерскую, но сам за круг не садился, рабочих начал нанимать все более и товару на рынок выбрасывать в количествах нарастающих. Мастерская постепенно целым заводом стала - фарфоровым заводом. Препоручил его Кузнецов-старший одному из сыновей - Терентию. Оказался тот в отца - таким же разворотливым, предприимчивым. Даже художника завел. Правда, люди утверждали, что художник ему нужен был не для росписи посуды, а для раскраски ассигнаций. Так или не так, но слухи жили долго. Чем иначе могли объяснить в округе бурный рост богатства некогда заурадной крестьянско-кустарной семьи?

Скоро на заводе в Гжели действовало уже четыре горна, а рабочих насчитывалось сорок четыре человека. Несколько лет спустя Терентий Яковлевич вложил свободные капиталы в расширение производства, организовал выпуск фаянса и полуфаянса, довел число рабочих до четырехсот, и о заводе узнали далеко вокруг.

Еще большую известность снискал к тому времени завод в Дулево, построенный тем же Терентием Кузнецовым; впоследствии он стал сердцем "кузнецовской империи".

В пятидесятые годы владелец растущего дела умер. Только осталось после него пятеро сыновей; они и подхватили "эстафету". И, прежде всего, Сидор, который стал буквально, скупать заводы, принадлежавшие различным владельцам, и всеми средствами добиваться одного: чтобы на фарфоро-фаянсовом рынке господствовали лишь они, Кузнецовы.

Осуществить это в полной мере удалось уже Матвею 'Сидоровичу. Он-то и прибрал к рукам чуть ли не весь фарфор-фаянс России. Одни фабрики скупил у обанкротившихся владельцев, другие - построил заново, в но-вых местах. Стал миллионером, но жадности не убавилось, и каждый год откладывал на его банковские счета полмиллиона, даже больше.

Кузнецовы были людьми изворотливыми, хитрыми, одеспотичными.

"В рабочем сказе - одном из тех, которые составили щигу писателя Юрия Арбата "Звонкое чудо",- старый Лфарфорист характеризует хозяина так:

- Росту немало, и дородностью его бог не обидел, черные глаза навывкате, с поволокою, борода надвое расчесана и усы кольчиками, - любил, одним словом, в приятности и красоте себя содержать. Но крапива ягодка, да на вкус горька: скупердяй несусветный, одно слово - жила. Всегда твердил: "Копейка покот-я: выпустишь из рук - не настигнешь". Умел он эту копейку к другой копейке прибрать, рубль накопить и в дело пустить. И с живого и с мертвого драл, со вдовы двухгривенный за покойного мужа - горновщика или точильщика - взыскивал...

Происходившие из гжелских староверов-старообрядцев, Кузнецовы не уставали твердить о своей приверженности заповедям "истинного благочестия". Что Сидор, что Матвей выставляли напоказ "любовь" к рабочим, подчеркивали ."заботу" о них, а платили скупее других, душили штрафами, эксплуатировали дешевый женский да детский труд. Матвей Сидорович во всем этом отца своего перещеголял. Так развернулся, что ни сказать, ни описать. Работали в цехах от темна до темна. Под страхом увольнения и штрафа находился каждый. Управляющие, смотрители,

приказчики лютовали неистово. Даже "харчевые лавки" в поселках принадлежали Кузнецову: продукты и товары были в них похуже, цены - подороже. А в других местах почитать не мог и - запрет на то полный.

Развивая свое дело дальше, затеял фарфоро-фаянсо-вый монополист еще одно предприятие - вблизи Харькова.

3

Место для него выбрали не сразу.

Когда в шестидесятых годах кто-то из работников завода натолкнулся в Большой Советской Энциклопедии на упоминание о том, что предприятие возникло в 1867 году, тут же пришла мысль о праздновании юбилея, притом не какого-нибудь, а столетнего. Но чтобы решить такой вопрос официально, одной статьи в БСЭ недостаточно. И заводские работники пустились в поиски материалов документальных.

С тех самых пор в заводоуправлении и хранится толстая папка переписки, которая велась с архивами в Москве, Ленинграде, Харькове, с крупнейшими библиотеками страны, с научными работниками.

В книге с длинным названием "Историко-статистические сведения о производстве фарфоровых и фаянсовых изделий с приложением чертежей изоляторов и других фарфоровых принадлежностей к телеграфным и телефонным проводам, вырабатываемых на фабриках Высочайше утвержденного товарищества Матвея Сидоровича Кузнецова с видами и портретами" (она была выпущена в 1893 году в Москве) оказалось упоминание о том, что управляющим предприятиями "в Будах и Славянске" с 1868 года пребывал Фома Васильевич Гусев.

Может быть, славянское производство вступило в строй раньше будянского? Нет, завод в Славянске начал действовать в 1892-м. Выходит, начинал Гусев с Буд. Но в ряде других, не менее серьезных, источников указывается иная дата основания предприятия, значительно более поздняя - год 1887-й, и даже подчеркивается, что официальное открытие произошло только 1 октября 1888 года, когда завод вступил в действие как вполне оформившееся "предприятие по производству хозяйственного фаянса при месячной производительной мощности в 12 тысяч пудов посуды, при 7 круглых горнах и 800 рабочих".

Так какая же дата истинная? Где подлинная точка отсчета? Откуда проистекает весь этот разнобой?

Поиски затянулись. Юбилей был отложен. И лишь дальнейшие разыскания помогли отыскать ближайшего предшественника завода в Будах.

Следы его нашлись совсем близко, в том же районе. Оказалось, что первоначально предприятие было заложено в 32-х верстах от Харькова и 9 верстах от Лю-ботина, в местности под названием Волчья Поляна. Там ему и ход дали. Старожилы утверждают, что в этой самой Волчьей Поляне, где от того завода и следов вроде не осталось, чуть ли не до последних лет находили в земле черепки выпускавшейся здесь посуды. Заправлял всем действительно Гусев. Он значился в документах "крестьянином Богородского уезда", то есть Происходил из того самого Гжельского керамического района, где родились и дело свое развернули Кузнецовы. азначение Гусева в 1868 году одновременно управляю-им фабрикой и торговым представителем в Харькове взывает на то, что в это время производство уже дей-овало и хозяина равно заботили как изготовление _вара, так и сбыт его.

Я- Дмитрий Яковлевич Емец, работавший в Будах более шестидесяти лет (начиная с 1896-го), вспоминал указы деда, который, бывало, любил поговорить "старом заводе", оборудование которого самолично евозил на новое место или иначе, но корни нынешнего предприятия тя-в Волчью Поляну. Почему же она стала не годна? Начальное место, выбранное для фабрики, оказались в стороне от затеянной тогда железнодорожной сфере - Люботин, а это означало, что грузы придётся бесконечно привозить и отвозить гужом. Медленно-ненадежно, дорого... Тут же винокур Котляр решил нести собственное производство в самый Харьков, стало возможным выгодно купить - "по случаю" - и остройки винокуренного завода, и земельные участки вокруг него. Да еще перспектива набора в ближайших * деревнях дешевой рабочей силы... Да обилие лесов в округе - наличие их решало очень большой для фаян-сового производства топливный вопрос... Все прикинув и взвесив, фабрику в Волчьей Поляне Кузнецовы решили свернуть. В 1883 году в Будах началась перестройка помещений бывшего винокуренного Котляра с расчетом размещения в них цехов иного назначения. Тогда же развернулось строительство новых зданий - капитальных, на века рассчитанных. Работы шли споро: время - деньги. Первый гудок, по словам того же Д. Я. Емца, в Будах услышали 2 мая 1886 года, и слышен он был далеко вокруг - чуть ли не в Одынке, Люботяне, Мереве. Промышленное производство началось здесь в 1887-м. Тогда-то и пошел фаянс будянский.

Так что столетие его впереди - теперь уже совсем близко. Но, конечно, в будущих юбилейных докладах не обойти и того, что фаянсовой истории Буд предшествовало. Волчью Поляну в них помянут. Может, и памятный знак поставят? Ничто не должно быть забыто... Ничто!...

I

Будяне - завода своего патриоты. А коль так, то уж очень им хочется знать о нем побольше, и знать с самого начала, от самых истоков.

История предприятия, составленная в 1895 году неким Г. В, Дорошенко ("Описание фарфоро-фаянсовой фабрики товарищества Матвея Сидоровича Кузнецова, находящейся в селе Будах, Харьковской губернии и уезда"), представляет новое тогда производство в тонах радужных.

Итак, основано в 1887 году. Расположено между селом Буда и железнодорожной станцией того же имени. Фасадом своим обращено к линии железной дороги, позади - поселок: "множество красивых домиков, содержимых в образцовой чистоте, предназначенных для жилья служащих и рабочих"; здесь же находятся школа и больница. Этажи фабрики разделены по роду работ на несколько "светлых, хорошо вентилируемых" отделений. С Харьковом предприятие соединено телеграфом и телефоном, все помещения освещаются электричеством. Станки, бегуны, шаровые мельницы приводятся в действие громадной паровой машиной в 270 индикаторных сил; другая, поменьше, обеспечивает четыре больших дуговых фонаря и несколько сотен лампочек накаливания. Ежедневно в цехах работает до 1200 мужчин, женщин, "мальчиков". Двести из них - это люди, привезенные с иных кузнецовских предприятий, тысяча - из окрестных сел: Буд, Комаровки, Од-рынки, Березовки и других. Работы в цехах начинаются в 5 часов утра и заканчиваются "для взрослых" в 8 часов вечера, а для "малолетних" - раньше (насколько раньше, не сказано).

Что дорошенковское "Описание..." сообщает далее?

В начале своего существования фабрика вырабатывала только полуфаянсовые изделия, в 1892-м уже специализировалась на фаянсе, а в 1894-м - и на фарфоре, причем все это производила из материалов "исключительно русского происхождения". Тысяча образцов - вот ассортимент Буд под конец века.

Читаешь написанное Дорошенко и думаешь: не предприятие - рай земной, нет и быть не может условий лучше.

Но, полноте, основательны ли они, эти восторги? Закономерны? Оправданы? Так ли гладко все, как на бумаге?

8

Объективным историк не был. Составлял он свое описание, основываясь на информации одной стороны - хозяйской. Оттого и подчеркивал только "выгодное", скороговоркой обходя все другое.

"Работы начинаются... заканчиваются..." Неторопливо сосчитаем: да ведь от пяти утра до восьми вечера - целых пятнадцать часов. Пятнадцать часов длился каждый день труд мастерового! На старых предприятиях - тринадцать, а здесь - потому что в цехах установили "вентиляцию" и "освещение" - на два часа больше!

"Множество красивых домиков..." Не такое уж и "множество" - всего несколько десятков семей, причем только мастеров, зрителей, приемщиков, переселившихся рюда при организации нового производства, по приезду действительно эти домики получили. Все другие "приезжие" оказались в будянских казармах, где в тесных комнатках ютилось по две рабочих семьи. А о "своих" - местных - и говорить не приходится: их устройством не занимался никто. Спали вповалку, в помещениях такой воздух был, что хоть "топор вешай".

Что рабочему "телеграф" да "телефон", если на каждом шагу притеснения, если за человека его не считают - головы поднять не дают?

Обратимся к собственноручно написанным воспоминаниям ветеранов.

Рассказывает Сергей Васильевич Климов, 1889 года рождения, коренной здешний житель, проработавший на этом производстве много больше полувека.

Начал он свою трудовую деятельность с 1902 года. Мать работала в живописном цехе и двенадцатилетнего сынишку своего привела сюда же. "Такова была в то время семейственность: в каком цеху работали родители, в тот цех и поступали дети..." Труд рабочих, вспоминает Климов, был очень тяжелым. Продолжительность рабочего дня была от 12 до 14 часов, мастера притесняли всячески, помыкали людьми как кому хотелось. Не поставишь могарыч, не сунешь взятку - и не возьмут в цех, и прижмут так, что ни здоровья, ни заработков.

В 1905 году, по воспоминаниям Сергея Васильевича, рабочим удалось добиться некоторого улучшения условий труда и быта. После забастовки, которая продолжалась немало дней, хозяева пошли на уступки. Рабочий день был сокращен до десяти часов, расценки по главным профессиям стали чуть выше. Вдохнули облегченно. Однако продолжалось "потепление" недолго, всего шесть-семь месяцев. И снова стал Кузнецов с прихлебателями закручивать гайки.

В апреле 1906 года всем на заводе был выдан расчет. Всем! А на следующий день объявили прием на работу. Желаете - попросись, поклонись и, конечно, об условиях не спрашивай. Все то, что было достигнуто во время забастовки, пошло насмарку. Разве только рабочий день существенно увеличивать не стали, да и то

потому, что убедились: можно так дело завернуть, что за десять часов человек сделает все, что прежде за четырнадцать делал.

Особенно невыносимые условия были в горновом цехе, где стояли тогда десять круглых горнов да туннельная печь. "Круглые горна работали на газовых длиннопламенных углях, никакой вентиляции не было, загазованность сильнейшая. По окончании обжига требовалось чистить приямки, в которые ссыпался шлак из топок. Для этого шлак заливался водою и газовые волны обволакивали все, вызывая удушье даже у "привыкших" к газу горновых. Еще каторжнее был труд чистильщиков приямков. Они спускались в горячие, загазованные ямы и лопатами перебрасывали весь шлак, после чего брались за тачки и так, вручную, вывозили отходы на двор. Вся продукция, которая шла на загрузку, подносилась самими формовщиками. Была на заводе профессия: "таскай". Сколько тонн в день перетаскивали они на своих плечах!.. Всюду рабочего человека эксплуатировали, но Буды славилась особенно. А что поделаешь: жить-то нужно!"

Воспоминаний удалось записать не так уж много - хватились поздно, неразворотливы мы в этом деле. Но и то, что накопилось, картину создает выразительную.

"Я, Кузнецов Василий Андреевич, поступил на завод в 1911 году..." И в эти годы труд легче не стал, никакого прогресса не наблюдалось. Работал Кузнецов в подвале - ногами глину месил, а потом готовую массу печникам подносил. На этих работах, наверное, как "более легких", - продолжительность дня была установлена в двенадцать часов. Платили за день двадцать пять копеек. Часто "просили" остаться. Оплатой за сверхурочные была водка. Либо соглашайся, либо убирайся - выбор только такой. Позднее Василий Андреевич перешел в "таскай". Тут платили побольше, но уж сколько таскать приходилось - не взвесить, не сосчитать.

"Я, П. Шуклин..." Шуклин поступил на завод в 1914-м. Мать получала сорок копеек в день, а жизнь дорожала, ей стало невмоготу, и сказала она двенадцатилетнему сыну: бросай школу, подсоблять надо. Управляющему маленький да тщедушный парнишка не глянулся - на работу тот его не взял. Потом разжалобили его просьбы матери и послал он Шуклина в дворový цех - глину месить. Как и Кузнецов, месил мальчишка глину ногами, таскал массу из подвала с горнам. За двенадцать часов труда - те же 25 коеек (расценки оставались прежними). Лишь в начале 1917 года удалось Шуклину перейти в точильный цех.

Взял его к себе в помощники мастер Слепов. Платить стал по полтиннику в день. Но эта работа была еще тяжелее прежней: глину от мялок носили сами, товар ' горнам перетаскивали на себе - десять потов сойдет с человека в час... Механизация хозяевам не требовалась. На всю жизнь запомнилось, как изобрел слесарь Кривогуз машинку для пробивки дырок в коробе (Прежде их делали трехгранным напильником). Кривооруза похвалили. Даже премию выдали: чуть ли не двадцать пять рублей. И вслед за тем... уволили.

Горькие воспоминания!

В "Описании..." Г. В. Дорошенко - том самом, которое мы уже цитировали, - упомянут "главный управляющий Ф. Я. Шепелев".

- Это какой же Шепелев?
- Тот, что в Кузнецове "отличался"?
- Он самый!

За несколько месяцев до пуска Будянского завода, в ноябре 1886 года, в Кузнецове на таком же фаянцево-фарфоровом предприятии произошло "возмущение", которое быстро переросло в стачку. Поводом к негодованию рабочих послужили штрафы. Помощник управляющего Шепелев, у которого попросили разъяснений, разговаривать с теми, кто явился к нему с жалобами, не пожелал, только сквозь зубы процедил: «Малы еще штрафы, можно и больше сделать». Это было вроде плевок (которым, надо сказать, тот "наделал" на заводе не одного рабочего; плюнет в лицо, отвернется - и все). Теперь чаша терпения переполнилась. Из точильного искры протеста перекинулись в - печатное отделение, а там и дальше, сразу охватив всё: и участки. На зов администрации прискакал исправник с полицейскими. Наиболее активных рабочих арестовали. Тогда сотни людей пришли к "холодной".

Чтобы товарищей своих выволить, а заодно и требования повторить: ликвидировать штрафы, упорядочить оплату, убрать ненавистных смотрителей. По распоряжению губернатора в Кузнецове отправили батальон 8-го Московского гренадерского полка. И все-таки люди продолжали держаться своего. Стачка длилась несколько дней. Добиться удалось не многого, но отзыв получился на всю страну.

...А Шепелев со временем объявился на новом месте. Помощник управляющего в Кузнецове стал главным управляющим в Будах.

Управляющим и... всему головой.

"Умение приготовить хорошую глазурь составляет одно из достоинств каждой фабрики, вся слава и гордость производства заключается в этом умении, а потому способ приготовления глазури держится в большом секрете и известен бывает, обыкновенно, только одному лицу. На Будянской фабрике таким лицом является главный управляющий ее Ф. Я. Шепелев..."

Техника на новом производстве была более совершенной, чем на действовавших ранее. Машин стало заметно больше - барабанов, станков, прессов, горнов, но и ручного труда затрачивалось немало, притом тяжелого, изнурительного. Меньше всего владельцу и его приближенным думалось об удобствах работы и здоровье людей. Одно поглощало все внимание: как бы давать продукции больше, да такой, которая не залеживалась бы, расходилась поскорее.

Буды очень скоро стали самым большим на украинских землях предприятием по выпуску столового фаянса.

Поначалу тут только копировали образцы зарубежные - и в формах посуды, и в ее декоре. Но Кузнецовы всегда держали "нос по ветру". Заметили, что могут приобрести покупателя в крестьянской массе, и явились миски-трактирки, кружки, кувшины, хозяйственные банки. "Особенную популярность среди крестьян,- читаем в "Очерках по истории украинского декоративно-прикладного искусства" (Львов, 1969),- приобрели фаянсовые миски и тарелки, украшенные букетами и цветами, очень близкими к народным настенным росписям и рисункам на сундуках; украшения создавались широкими мазками нескольких цветов".

Раскупалось все это достаточно быстро - особенно на ярмарках. Коммивояжеры "Товарищества" охватили своими щупальцами Москву, Петербург, Харьков, Киев, Варшаву, Одессу и многие другие города, стали "своими людьми" на Нижегородской, Казанской, Ярославской, Рыбинской и других крупных ярмарках, "освоили" азиатские земли России. Предприимчивость их узнали всюду.

Кузнецов расширял производство. Пусть не безупречного художественного вкуса продукция, пусть даже вкуса лишена вовсе - Матвею Сидоровичу выгодно и

...никакого своеволия. Индивидуальное творчество художника? Только если "самому" понравится, "сам" одобрить соблаговолит.

Одобрят хозяин многое, но все оно такое одинаковое: "Пьяные целуются", "Двое подсматривают", "Дева у бассейна", "Надевает чулок", "Купаться собирается", "Дева на тигре". И так далее, и тому подобное. Образцов множество, с каждым годом все больше, что на одной фабрике, то и на другой, а без "амуров"; "пси-хей" да "сатир" выгоды, по мнению капиталиста, не жди.

Правда, стали пользоваться спросом вещицы из народной жизни: крестьянка полощет белье... солдат играет на балалайке... Ну что ж - быть и им. Не в таких количествах, но для разнообразия можно...

А творчество жило. Вопреки "чисто коммерческим" устремлениям миллионера, думавшего только о прибылях. Вопреки потогонной системе работы и эксплуатации нещадной (додумались даже до того, что платили живописцам не за расписанное ими, а только за...уцелевшее после окончательного обжига). Творчество жило самозабвенным талантом и бескорыстным энтузиазмом лишенных всех прав, но призванию своему верных людей из народа...

8

Кто они, какими были первые художники Буд?

Вопрос этот не прост, и сколько-нибудь удовлетворительного ответа дать невозможно.

У хозяина российского фаянса с давних пор выработалась своя метода: рождается новое предприятие - к началу его свозятся туда надежные работники из других мест. Значительную часть их составляют живописцы, граверы, формовщики, мастера по моделям. Каждый имеет свой "репертуар" - изученный до тонкостей и знакомый настолько, что может быть повторен в любое время, чуть ли не с завязанными глазами. Истинные народные умельцы, они делают нередко такое, что составляет гордость известнейших музеев, а сами... сами остаются безымянными, никому не ведомыми.

И сегодня в Историческом музее, что на Красной площади Москвы, в других музеях СССР, во многих зарубежных хранилищах можно увидеть образцы фаянса Буд, фигурирующего в разговорах знатоков-ценителей, и даже в каталогах, как "кузнецовский". Но ведь не Кузнецовы были творцами красоты - они на этом лишь наживались, присваивая себе не только миллионные прибыли, но и славу художников. Считалось, что так угодно самому всевышнему. "Господи, благослови!" -и эти слова как эпитафия украшали любую конторскую книгу "Товарищества". Икона с горящей под ней лампадой была над каждой фабричной дверью.

Последние из сообщенных фактов привел в разговоре со мною И. И. Бурко, будянский старожил и патриот, энтузиаст сбора всевозможных реликвий прошлого.

В течение многих лет, день за днем, ведет он неустанный поиск. С неизменной своей спутницей - большой черной сумкой - идет этот старый уже человек от одного дома к другому. Иван Иванович в поселке знает всех, и в Будах все знают Ивана Ивановича, сочувствуют его делу, понимают, что старается он не для себя. Бурко, а затем и другие ветераны, много порассказали мне о кудесниках еще кузнецовских времен Михаиле Петровиче Куликове, Иване Трофимовиче Грамме, Дмитрие Яковлевиче Емеце, Михаиле Егоровиче Кирееве, которые создали несчетное количество замечательных изделий сами и - что не менее важно - обучили своему искусству десятки, сотни людей. Их вспоминают с восхищением, с благодарностью

Уместно сказать, что в дореволюционные времена в Будах была хорошо поставлена художественная печать. Несколько лет тому назад удалось отыскать стальные доски, гравированные неизвестными мастерами. Подолгу рассматривали затейливые узоры нынешние будян-ские художники, по-доброму восхищаясь искусством людей, которые весь свой талант отдавали любимому делу, а сами уходили из жизни и нищими, и безвестными. Сейчас эти пластины в заводском музее - пусть каждый воздаст уважение тем, кто пекся о славе российского фаянса.

Это их заслуга, что он - пусть медленно, пусть робко (хозяева думали не о том...) - приобретал и в формах, и в росписях свои черты национальные, народу близкие.

Как бы хотелось назвать всех наперечет, поименно, рассказав о том, что каждый делал, что новое в искусство внес! Сделать это, к сожалению, не удастся...

Много всяких событий заслуживает включения в еще не составленную летопись Будянского фаянсового завода.

Установка в 1901 году самой мощной по тем временам паровой машины "Компаунд". И огромный пожар 1908-го (Кузнецов к пожарам питал, как известно, "слабость"). И пуск в 1911-м туннельной печи для обкатки политых изделий - целый переворот в технологии. И августовская 1917 года забастовка рабочих, в которой участвовало 1740 человек...

Но если о многом можно сказать и скороговоркой, то есть события, требующие рассказа особого.

Итак, наступил революционный семнадцатый. В дни февральской революции рабочие хлынули из цехов, запрудили весь двор и потребовали всех своих управляющих вместе с хозяевами. Полиция пыталась прекратить смуту - разоружили полицейских.

-Мы требуем восьмичасового рабочего дня...

- Значительного увеличения оплаты труда...

- Прекращения эксплуатации подростков и детей...

-Вентиляции в каждом цехе, создания элементарных условий...

Владелец кивал головой: со всем, мол, согласен... все сделано будет... "Тише воды, ниже травы" были хозяй-ские прихлебатели; самим своим видом они подчеркива-ди готовность удовлетворить каждую из "претензий". Однако существенных перемен не произошло ничего ни через месяц, ни через три. Революция надежд не оправ-дывала. Временное правительство от интересов рабочих отстранилось. Тогда и объявили будянцы всеобщую забастовку. Не было в те дни человека, который вошел бы в цех и занялся привычным делом. „. Забастовку возглавили большевики. Каждый смог убедиться: вот это - справедливость, вот это - правда и сила.

В Октябрьскую революцию предприятие сразу же было взято рабочими в свои натруженные, мозолистые руки. Во главе коллектива стал заводской комитет: Макаров... Дугин... Бураков... О них, первых вожаках и организаторах новой жизни, в Будах вспоминают с особым чувством. И от стариков, и от совсем юных слышал я об Иване Федотовиче Буракове - коммунисте с 1904-го, активном участнике революции 1905-го, прошедшем университеты борьбы, выдержавшем все и всякие испытания. Много порассказали мне о Пантелеймоне Ивановиче Радченко, будянском рабочем, большевике с 1912-го, выдвинутом на пост красного директора. Сколько бы лет ни прошло, память о них не угаснет.

Немало горького выпало на долю Буд. Горького и героического. В начале 1918 года узнали они, что такое немецкая оккупация. Войскам кайзера противостоял красногвардейский отряд; только-только созданный, плохо вооруженный и почти не обученный, он стойко держал оборону, отступив лишь тогда, когда пришел приказ отойти.

"В этом отряде довелось быть и мне, - вспоминает Василий Андреевич Кузнецов. - Отступив из Буд, влились в Люботинский отряд, участвовали во многих боях за Советскую власть. Привелось сражаться под командованием Ворошилова и Пархоменко. Мы, будяне, чести своей не посрамили".

Буды стали в ряды активных бойцов за революционное переустройство жизни на Харьковщине, на Украине, по всей стране.

В 1920 году завод работал всего три месяца, а бездействовал - девять.

В 1921-м цеха выпускали продукцию на протяжении восьми месяцев, простаивали четыре.

1922-й... Трудовые - все месяцы, все до единого. И первый настоящий успех: включенное в состав всеук-раинского треста "Фарфор-фаянс-стекло", предприятие удвоило объем производства.

Удвоило против предыдущего, двадцать первого, однако и это говорило о многом.

В том году произошло еще одно важное событие: 1 ноября открылась своя, заводская школа ФЗУ.

Ее можно было бы назвать Школой искусства бу-дьянского фаянса.

10

Школа имела два отделения: живописное и скульптурное. Срок обучения на том и другом определили в три года. Сорока подросткам, в основном из потомственных "фаянсовых семей", надлежало получить и сколько-нибудь удовлетворительное общее, и вполне основательное профессиональное образование. В группах первого отделения изучали рисование, отводку, позолоту, роспись красками, всю другую технику живописной работы. Во втором отделении больше внимания уделяли лепке и моделированию, формовочному и литейному делу. Мастерству учили специалисты высшего класса - их имена тут уже упоминались. А если говорить точнее, так учил весь завод - каждый проявлял интерес к тому, какие люди на рабочие места придут, что они делать смогут, и охотно откликались заводские умельцы, когда просили их с "феззушниками" позаниматься, и охотно секретами своими делились - тем, что сами долгие годы узнавали.

-Елизавета Иосифовна Кондратенко - из первого вы-вуска. Ей сейчас уже далеко за семьдесят, живет на покое, хлопочет о синичках, сойках да дятлах, которые любят залетать на ее балкон. В общем, "пенсионерка с солидным стажем", как сказала о себе сама, когда Достучал я в двери ее уютной, ухоженной и обжитой Партирки.

- Да что я рассказать вам могу?! - удивилась Кондратенко, когда услышала о цели моего прихода.- О заводе? Так давно уже то было. О ФЗУ? Полвека Слишком прошло - и быльем поросло. "*"Но оказалось, что не забыто ничто. И с каким теп-каким увлечением говорила она о годах своего ничества, об удивительной атмосфере постижения рбтерства, о тех, кто учил-пестовал, ни времени, ни не жалея. И Куликов, и Грамма, и другие нас-ники по-хорошему гордились тем, что умели в фа-совом деле все. Но никакой утайки у них не было, старались скорее передать юным то, до чего сами доходили всю жизнь. Потом, когда ее вместе ругими учениками в поощрение

послали на знаменитый Ломоносовский фарфоровый, убедилась Лиза - тамошних мастеров убедить смогла, что ей под силу даже самая тонкая работа. "Могла в Ленинграде и Драться, - говорит Кондратенко. - Да только совесть никогда бы мне этого не простила!" Учились в школе и с семилеткой за плечами, и малограмотные - после трех классов. Общему образованию, общей культуре внимание уделялось особое. Малейшей возможности не упускали, чтобы приезжего директора послушать, с художником встретиться, выставку в Харькове посмотреть, диспут литературный устроить. Друг другу помогали, друг к дружке тянулись. Самодеятельность развернули такую, что концерты часами длились. "Синюю блузу" наперебой в каждый Цех звали.

Поступала Кондратенко на второй год существования школы - тогда только двадцать человек принимали. Но после первого курса ее перевели сразу на третий, или, как говорили тогда, "в старшую группу". В 1925-м пришла она на завод вместе с другими выпускниками, уже не ученицей- полноправной работницей.

..."Серп и молот" стал получать такое пополнение из года в год, и продолжалось это на протяжении многих лет.

"Серп и молот"? Да, как раз тогда, в двадцатые годы, получил завод нынешнее свое гордое имя - символ несокрушимого союза рабочих и крестьян, символ Советской власти. Инициатива "красных крестин" принадлежала коммунистам и комсомольцам.

Партийная ячейка возникла на заводе в революционные дни Октября, комсомольская - 26 июня 1922 года. Среди первого выпуска школы ФЗУ комсомольцы составляли большинство.

11

"Мое детство и моя юность прошли на заводе в Будах, здесь формировались мои взгляды и закладывались основы моей нравственности..."

Это из воспоминаний ветерана будянского комсомола Анастасии Дятловой, которая, как и многие другие, откликнулась на призыв комсомольцев 70-х годов поделиться с ними, сегодняшними, всем, что сохранила память.

И сколько же она сохранила! Читаешь и встает перед глазами -

... как после напряженного рабочего дня собирались в отряды и шли рубить лес, чтобы не замерзли печи и не остановилось производство;

... как ходили по дворам агитировать за передачу заводу дров, выделенных для отопления жилищ (и отдавали ведь люди свой скудный "топливный паек", обрекая себя на холод);

... как отправлялись в ночную смену к горнам или на формовку; называлось это просто - "на прорыв", а звучало призывно - "в атаку"...

Борис Львович Агронский, направленный в Буды августовским днем 1921 года из Харькова специально для организации ячейки комсомола, и до сих пор известный всем в поселке как "первый комсомолец", пишет о том времени скромно: "Людям нужна была посуда, и мы не могли ссылаться на то, что цехи полуразрушены, что трудностей небывало много; ударным трудом очень скоро удалось поднять выпуск до шести-шести с половиной миллионов единиц в год".

"Условия оставались тяжелыми, - переключается с ним уже известный читателю С. В. Климов. - Но каждый понимал: работаем не на Кузнецова, а для своего государства, для того, чтобы лучше, красивее становилась жизнь трудового народа. Только в 1925-м смогли мы начать серьезные, капитальные работы по механизации наиболее трудоемких процессов. Появились монорельсовый путь, и

"спускники", и ленточные анспортеры, в цехах стали бороться с загазован-и запыленностью. Конечно, это было только алом..."

В деисовисном цехе продолжали работать по старым образцам. Многие забылось, от чего-то отказались, но оставалось не более чем повторением пройденного.

Получалось так, что фаянс оказался вне вея-и времени, его словно не коснулись революционные и бури.

Пришел 1924-й, и в лютном, студеном январе, пришла страшная весть: Умер Ленин!

Скорбные дни П. Губичев положил перед собою необожженную форму, и на белом теле будущей тарелки появился знакомый, дорогой каждому вождя. Под портретом были вовек незабываемые "1870-1924" и тут же: "Ленин умер, но заветы живы". Изображение, надпись художник-гравер сделал в черном цвете; алая линия вокруг портрета подчеркивала торжественно-траурный характер работы.

Цединскую тему стал решать и П. Серафимов. Он живет в Будах - потомственный здешний, школу кончивший, тут рабочее крещение принявший. В двадцатые годы он был художником-гравером создавал советский агитационный фаянс, одним верных воплощал в нем образ Ильича. Много трудных дорог пройдено Петром Ивановичем По призыву омоло участвовал в подъеме угольной и метал-ческой промышленности, в Великую Отечественную вал, награжден медалями, стал коммунистом, потом В Буды вернулся - восстанавливал, строил, под-Но как самое дорогое хранит он в памяти, (когда делал свои "ленинские тарелки"...

чатлели Ильича не только Губичев и Серафи-овсем юная тогда выпускница заводской школы Е. Кондратенко предложила свой вариант "ленин-блюда": по центру - Ленин, а на белой ленте, тянутой по полю, золотом выписанные слова: "В нем для нас стремление, в нем веков борьбы», прочем, когда И. И. Бурко стал собирать наследие родного завода, ему особенно хотелось, чтобы эти, "ленинские" работы, но поселок пережил фашистскую оккупацию, враги лютовали, и найди они - расправились бы немедленно. Надежд, казалось, мало. И все же нашел. Памятные тарелки передали ему две простые женщины - Александра Андреевна Ивченко и Капитолина Александровна Синицына. В сокровенные тайники спрятали они от чужого глаза образ великий, образ бессмертный. Теперь тарелки - в заводском музее).

Таким и было начало нового в будянском фаянсе. Одна за другой стали появляться агитационные тарелки, агитационные блюда с изображениями и лозунгами, рожденными бурным временем. На столах художников Межигорья возникла динамическая фигура человека в рабочем фартуке с молотом в одной и серпом в другой руке; по окружности тарелки был протянут страстный призыв. Этому рисунку путь к людям откроет? Буды! И открыли. А потом агит-тарелки, как гонцы нового мира, отправились в путь необычный, нелегкий - в Париж. Всяк приходивший на Международную выставку декоративного искусства видел, чем живет сегодня Республика Советов, о чем она думает, к чему стремится.

Рождалась традиция, возникал стиль. Новая традиция и новый стиль...

Их создавали керамисты разных поколений. В Ме-жигорье - совсем молодой тогда Пянтелеймон Муси-енко. В Миргороде - уже опытный мастер-педагог Иван Украинец. Это его идеи осуществил в фаянсе завода М. Матвеев - один из любимых

учеников Украинца. Блюдо "Ленин-творец революции" было исполнено с помощью аэрографа, в тонах красного цвета - цвета крови и борьбы.

Фаянс понял и принял аллегии, символы новой жизни - коллективизации, электрификации, индустриализации. Тарелки, блюда, панно несли в себе неисчерпаемый оптимизм истинных хозяев страны. Поиски о сопутствовали каждому дню жизни мастеров керамики, страстно жаждавших, чтобы фаянс заговорил голосом свободного, строящего, поющего народа. Над этим думали, к этому стремились в Межигорье, в Подмоскowie, в Миргороде. И, конечно, в Будах...

12

Признаюсь честно: историю завода писать я не собирался. "Разве что фрагменты какие, если обойтись без них будет невозможно..." Но ведь фрагменты и даю. А в прошлое вглядываюсь для того, чтобы лучше разобраться в настоящем, увидеть, понять его истоки.

Давно уже стал москвичом Аврам Ефимович Рабинович, но стоило появиться в одной из центральных газет' статье о заводе в Будах, как всколыхнулись Воспоминания двадцатых-тридцатых годов, неотторжимо для него от "Будянки". Маститый инженер, лауреат Государственной премии СССР, автор многих изобретений и усовершенствований, он вспомнил молодые годы, когда, закончив Каменец-Подольский химический институт, приехал на завод "Серп и молот" "течение нескольких лет (1928-1931) активнее ратовал в совершенствовании технологии производства фаянса. Первые его технические новшества рождены там: перевод фриттовой печи на мазут, более ишальная окраска фильтропрессного полотна и т. д.

Не приятно было узнать о талантливых современниках - художниках Буд, - написал он на завод. - С удо-вствием вспоминаю тех мастеров художественной рамки, которые трудились тогда. Помню Иванченко, чинского, Подрябинникова, Грамму. Коллектив энергично боролся за советский художественный ; - чтобы его было больше и не уступал он луч-в мире. Коллектив... В память о нем храню я огую фотографию, на которой запечатлены все чле-нашей партийной ячейки. И еще одну рассматриваю енно часто. На ней - четвертый выпуск школы

ЗУ, состоявшийся в 1928 году. Вглядываюсь в лица узнаю многих. Вот это, например, Маруся Несте-ко- известная потом летчица, настоящая героиня... тор завода И. С. Визельский - крупный органи-фарфоро-фаянсового производства... Начальник полисного цеха и неумомимый воспитатель молодых

амма... За каждым человеком, запечатленным фо-рафом, - страницы славного, незабываемого прошлого.

Заслуженный инженер давно уже на пенсии. Но покоя не знает. Его имя часто появляется на страницах газет и журналов. Потом, когда мы познакомились, . Рабинович поведал мне немало историй, связайных с жизнью фарфористов и фаянсистов Украины. Вот одна из них: В Музее Владимира Ильича Ленина, в Москве, среди других экспонатов я увидел чайный сервиз, сожалению, не полный с надписью: "Вождю мировой революции В. И. Ленину от рабочих Барановского 'фарфорового завода. 1922 год". С волнением смотрел на знакомые мне чашки и вспоминал, вспоминал... - Было это в год пятилетия Советской власти. Барановский фарфоровый завод только что восстановили после военной разрухи. И вот на общем собрании, посвященном пуску завода, рабочие решили изготовить и преподнести Ильичу памятный подарок. Одновременно собрание постановило: просить разрешения назвать завод дорогим всем трудящимся именем.

10 декабря 1922 года посланец предприятия Алексей Васильевич Бродский пришел в Кремль и прямо в кабинете вручил Ленину подарок от фарфористов. Много потом он рассказывал, как радушно принял его, гостя из Барановки, Владимир Ильич. Внимательно расспрашивал о том, как живут рабочие, как пережили период оккупации завода немцами, как удалось своими силами, без всякой помощи извне восстановить разрушенное хозяйство.

Прошли многие десятилетия, а я и сейчас помню, как радовались благодарности вождя художник Афанасьев, формовщик Скорупский, мастер Михальчук и другие наши старшие товарищи, которые с любовью трудились над изготовлением каждой чашки, каждого блюдечка для бесконечно дорогого нам человека. Радовался и я, хотя в то время был еще новичком, только что окончившим профессионально-техническую школу и получившим специальность рабочего-формовщика.

И вот что мне думается: мы должны активнее воспитывать нашу нынешнюю рабочую молодежь на славных традициях своих коллективов, своей отрасли, чтобы каждый молодой фарфорист и фаянсист гордился тем, что причастен к производству продукции, которую ценил Владимир Ильич Ленин...

В Будах, как мог я заметить и убедиться, интерес к прошлому своего предприятия сейчас очень велик. Его художники, люди здесь видные, авторитетные, радуются каждой проясненной строке, а уж странице и подавно, не меньше, чем удаче творческой - в форме ли, в росписи, в технологии.

- Смотрите, какая тарелка. Чумак с быками, и какие точные приметы украинского села... А как хорошо решены картуши на полях! Виды Украины и гордость Украины - Котляревский, Шевченко, Гоголь, Короленко. Это Губичев делал. Прекрасный был гравер. Массовым тиражом тарелку выпускали - сколько хат она украсила!

- Это орнамент Базлова - одновременно с Губичевым у нас работал в те же двадцатые годы. И приехали, говорят, вместе - из Подмосковья. Из Конаково, наверное. Цветочно-растительный орнамент ему удавался - мазок уверенный, сочный...

— Позже славился Казимир Хмелевский - с Барановского завода перешел, инструктором в живописном цехе был. Как писал тюльпаны, розы! Черные тюльпаны, Глаз не отведешь. Очень он любил контраст чер-декора со сверкающей белизной материала, и в лнение - золото. Это впечатляло. Будете у Кондратенко - посмотрите ее пушкин-0 серию. Она в чем-то характерна для того периода. Кстати, вместе с Хмелевским Елизавета Иосифовна сервиз "Сказка о царе Салтане". На многих "_ как побывал...

Запишите фамилии: Мусиенко, Иванченко, Федо-Г". Это тридцатые годы завода. Встретиться бы вам ми - в Киеве сейчас живут. Известные мастера нического искусства! Нина Ивановна с первого енного года экспериментальной мастерской. Название у мастерской длинное - от какого-то научно-исследовательского института. Но в "Софии" найти ее не трудно!

Ниней Ивановной Федоровой я познакомился годе раньше, но о том, что годы жизни, и какие годы, у нее с Будами, Федорова при первых нашихвстречах не говорила и даже не упоминала. ... Мои "будянские тетради" разбухали от записей,

даже среди самых интересных бесед я вдруг вспомнил; о "Софии", мастерской в ней и... очень хотел пасть в Киев.

Обереги: из глины и не из глины о времени того первого - самого первого - знакомства с Ниной Ивановной Федоровой на стене моей квартиры появились-поселились забавные глиняные вещицы.

- Что это? - спрашивает каждый.

- Обереги! - отвечаю любопытным.

И рассказываю то, что знаю сам. Знаю со слов удивительной мастерицы и рассказчицы.

... Обереги... Это от слова "беречь", от всем понятного "оберегать". Начала их где-то в глубине веков - далеко за тысячу лет народной традиции нехитрых амулетов-талисманов. Тогда еще появились они, когда человек был бессилен перед непостижимыми и, казалось, непостижимыми тайнами природы, когда силы ее представлялись угрожающе-страшными, готовыми смести, уничтожить, испепелить все, что на их пути возникало, когда наседали враги, а противоборствовать им было ох как трудно.

И уверовал наш прапрапредок в могущество таких вот глиняных игрушек, которые должны были помочь, защитить, отвести все беды, уберечь от любых опасностей.

Не всякая глина для целей этих годилась и не каждому дано было наделить ее священной силой. Это мог делать только самый уважаемый, самый мудрый человек - глава рода, и делать в определенные часы, произнося одному ему ведомые заклинания; лишь тогда возникшие из бесформенной глиняной массы невиданные звери и птицы обретали, по убеждению всех, силу оградительную и охранительную. Верил в такое каждый, и каждый носил на шее свои обереги, храня их как самое большое богатство. Обереги были от врага и зверя, от злого глаза и смертельной стрелы - от всего, решительно всего на свете.

Шло время, в прошлое уходили год за годом и век, за веком, забвение окутывало еще недавно всемогущих языческих богов, а талисманы из глины продолжали жить. Их носили запорожские казаки, их можно было увидеть в войсках Богдана Хмельницкого. Тут уже надеялись на себя, свою саблю, свое единство, ... не отказывались и от оберегов: может, и подсобят, когда невоглоту станет.

Где-то там - в шестнадцатом-семнадцатом веках - затерялись глиняные амулеты-защитники; ушли они из жизни, из обихода людей под напором цивилизации, под натиском человеческого разума. Но о них не забыли - воспоминания остались. Много-много времени спустя в одном из строений прекрасной "Софии" занялись - между делом - художники опытной керамической мастерской "(невского научно-исследовательского института экспериментального проектирования. И возродили их... нет, не в прямом, конечно, смысле, а как сувениры, хранящие в себе живой дух истории, с умом и улыбкой напоминающие о том, что было.

И За ними, этими сувенирами, гоняются киевляне, а уж столицы Украины и подавно. На скольких международных выставках неповторимые глиняные вещицы побывали! Сколько их по всему свету разошлось!..

Обереги - от слова "беречь". Их по-прежнему лепят из глины, как и в века давние. Но мне вдруг подумалось: а разве те, кто делает такое, кто хранит "умножает" народные традиции, кто так талантливо развивает искусство мастеров-умельцев, не

могут быть названы таким же простым, понятным, строгим и одновременно ласковым именем?

Я думаю, прежде всего, о вас, Нина Ивановна Федоровна, неумной энергии человек.

Вот говорят все: "зодчий". А происхождение этого слива вам известно? Нет, не приблизительно - точно? Век-то у нас какой - точного знания... Не записывайте, Я так запомните. "Зод" или "зед" - в языке древних славян - означало глину. Подумайте только, с каких времен приобрела она славу великого чуда природы!

Без глины не могли строить - ни жилища, ни защитные стены. На глиняных табличках целую библиотеку создали. А посуда? Горшок - придумка поистине гениальная. Гончарный круг - изобретение из изобретений. Вы знаете, каков символ керамики? Адам и Ева! Из чего бог Адама сделал? Из глины! Такое оно, дело наше, которому служим мы с Паньком всю свою жизнь, а если точнее, то больше полувека каждый...

"Панько" - ее муж, Пантелеймон Никифорович Му-сиенко, художник, мастер керамики и исследователь керамического искусства. Имя, отчество его произнести не просто, уж очень длинное; "Панько" - слишком домашнее, семейное, не для постороннего уха; и в разговоре о нем говорит она больше так: "Мой Мусиенко".

- Все больше по фамилии его величали и в Будах,- уточняет Нина Ивановна.

О Будах оба вспоминают с нежностью. "Конкуренцию" им по части теплоты чувств составляет разве что Межигорье. Это, последнее, - их юность, их ранняя молодость. Сказочно поэтическое место в двадцати пяти километрах от Киева, на берегу красавца Днепра. С незапамятных времен прикипели к нему душой люди. Но использовали в разные века по-разному. Когда-то бушевала тут казачья вольница. А в конце восемнадцатого столетия фабрику создали - первую на Украине фаянсовую фабрику.

Причиной тому стало открытие поблизости огнестойких белых глин. Приглашенные мастера сделали из них несколько образцов посуды, в Санкт-Петербурге образцы поразили самого царя, и 5 июля 1798 года повелел Павел I основать фаянсовое производство по образцу английского.

Однако для Киевского магистрата оказалось оно делом невыгодным - надежд на солидную прибыль не оправдало. Четверть века спустя фабрика перешла в непосредственное ведение "кабинета его величества", а потому именоваться стала уже "Казенной Киево-Межигорской фаянсовой фабрикой".

Межигорский фаянс приобрел известность даже в Европе. Мастерство здешних умельцев - главным образом людей из народа - было всем на зависть. Они осваивали, совершенствовали стиль классический и в то же время создавали свой, народный, впитывавший живые традиции украинских гончаров.

Фаянс был на загляденье - не случайно до сих пор есть в Британском музее отдел Межигорья!

Недовольными оставались только владельцы - желанной прибыли фабрика не приносила. Она переходила из рук в руки, один хозяин сменял другого, пока киевские купцы братья Барские не порешили все дело разом, и в 1874 году фабрика существование прекратила. Межигорье перешло в руки духовного ведомства, которое разрубило узел по-своему: монастырь здесь оставило, монашек поселило. И продолжалось это до (кого Октября, который нашел монашьей обители : куда

более достойное - отдал ее молодым : создал керамический техникум, а потом для подготовки художников и технологов в керамики.

Чтобы и впредь росла, крепла слава украинского фаянса, украинской майолики, украинского стекла!..

В Межгорье они учились, мечтали, пробовали. Ну, а началом жизни самостоятельной, уже не студенческой - трудовой, производственной, стали для них Буды.... могут ли уйти они из памяти?..

С давних времен Буды выпускали сервиз "Грань". Выпускали в том виде, в каком родился он во времена на "кузнецовском" еще производстве. И форма и роспись оставались неизменными. Оставались до приезда сюда Мусиенко.

Не все молодой художник на виду делал. Оставался в закутке своем допоздна. Что-то рисовал, над чем-то "колдовал"... Но однажды люди увидели расписанное им блюдо. На нем во всей необозримой красе был запечатлен уголок родного края. Межгорье!.. Автор словно в любви объяснился – и Днепру, и берегам его зеленым, и "альма матер" украинских керамистов. Не до всех и дошло-то сразу, что это блюдо из привычной, хорошо всем знакомой "Грани". Нисколько не посягая на удачную, целесообразную форму, художник наполнил, насытил ее новым, каждому здесь близким содержанием...

Оригинальные работы были у будян и в двадцатые --ленинские, например, тарелки, блюда агитационного характера. Теперь, с приездом Мусиенко, эпизодические новинки сменились систематическими. Начался ежедневный поиск новых выразительных средств.

Под силу молодому художнику оказалось многое. Мусиенко родился в Ромнах, в семье слесаря-железнодорожника, в революционном 1905-м. Год семнадцатый -и последующие - запомнились во всей их неповторимости. Навсегда в "память сердца" врезались отряды и конные атаки. Вихрь революции тавлялся ему не иначе как в стремительности красной конницы, мчащейся на врага. "Красная конница" - так назвал он рисунок на круглом блюде. Даже активные участники гражданской войны, чьим мнением об этой работе Мусиенко дорожил всего более, признали его удачу. А это значит, что они признали право и способность фаянса вторгаться в "святая святых", в самые сокровенные пласты жизни. На выставках же... на выставках, кроме того, отметили тонкое, отточенное искусство молодого мастера, его умение использовать для создания образов художественных и различный материал, и разнообразную технику.

А он продолжал искать новое - искать в героике своего времени. Долго размышлял над символами охватившей страну великой стройки. Символом ее стал и мусиенковский "Паровоз". Не просто "представитель техники", но выразитель грандиозности планов и стремительности темпов. Композиция, колорит декоративного блюда отличались внутренним динамизмом, раскрывали пафос борьбы нового со старым, наступающего - с тем отжившим, что за жизнь цеплялось.

Это и многое другое шло в производство, давая ему иное, советское, направление. Мусиенко был и художником, и руководителем. Начальник живописного цеха - это сотни рабочих и работниц различных специальностей, это забота о количестве, ассортименте, качестве, одним словом о плане, это подготовка кадров и несчетное число всяких других забот. Но из Межгорья он вышел художником. Художник - его призвание и назначение. И сколько бы времени не отнимали заботы административные, творчеству не изменял никогда. Главным оставалось оно.

Истинными художниками были в цехе и другие. Ну вот хотя бы Козловы - что Василий Анисимович, что сын его Иван Васильевич. Граверы высокого класса. Они удивительно чувствовали материал, как бы изнутри его слышали, и их работа - по эскизам ли эталонным, по собственным - восхищение вызывала и чистотой, и сочностью. Отец в Будах умер, а сын с войны не вернулся - с Отечественной... Грамма, Красюк, Емец - немало назвать можно таких, которые не только мастерами отменными, а и художниками себя проявляли. Но были они художниками в своих профессиях - один в гравировании, другой в отводке, третий в элементах росписи. А фаянсу требовались художники-профессионалы, которые могли бы и общее направление этому искусству дать, и собственные оригинальные решения предложить.

Он, Мусиенко, смог увлечь этим своих коллег - и не только в Будах. Выделялся среди них Павел Иванченко. Был он старше других - родился еще "в том веке". Знания получил основательные - в Глинской керамической школе, а потом и в Киевском художественном институте. Учился у М. Л. Бойчука, Л. Ю. Кра-марёнка, других известных художников. Преданный искусству керамики, Павел Михайлович думал над ее судьбами "денно и ночью". Ради счастливой возможности творить и отправился он в Буды. Много поработали Мусиенко с Иванченко над тем, чтобы фаянс массовый стал фаянсом художественным, чтобы продукция их завода приобрела свое лицо, впитала в себя самую музыку украинского народного творчества - его глечиков, рушников, песен. Цветочно-растительный орнамент, созданный ими, долго жил в подглазурной печати будянцев и до сих пор людей радует. А что, скажите, приятнее радости, подаренной человеку?

Бидасюк Прокофий Яковлевич учился в том же Межигорском институте, что и Мусиенко с Федоровой, причем в те же годы, хотя был старше даже Иванченко. Ко времени Октябрьской революции он едва научился читать, писать, и образование стоило ему труда огромного. Бидасюка привлекала фаянсовая скульптура. Скульптора в штате завода не было. Но он тотчас согласился пойти формовщиком-модельщиком: главное - дело любимое делать. Статуэтки "Жница", "Пионеры" и многие другие пошли в производство сразу... Занимался Прокофий Яковлевич и росписью. Особенно удавались ему лошади. "Кони были рос-кош-ны-ми!" - до сих пор восхищается Нина Ивановна.

Тогда же творил в Будах Ковбаса Федор Конд-ратьевич. Он керамистом не был - специализировался в живописи, в графике, иллюстрированием книг заниматься любил. Но познакомился на какой-то выставке с Мусиенко, увидел, как тот работает, самому попробовать захотелось и - увлекся. ... Их работы тех лет сейчас во многих музеях.

В Будах тридцатых годов организовали своеобразную академию. О нет, я не преувеличиваю, хотя сразу же скажу: именовался сей удивительный центр в высшей степени прозаически - "о учебным комбинатом". Но был он и впрямь академией керамики: здесь готовили кадры, здесь и науку, и практику развивали.

Возник учебный комбинат по воле "Укрфарфорфа-янса", который надумал соединить вместе несколько специализированных техникумов - Каменец-Подольский, Миргородский, Глинский... - и одновременно приблизить их к производству, причем не маленькому, примитивному, а действительно крупному, ведущему.

Выбор пал на Буды - сюда и съехались курсанты, здесь объединились преподавательские силы, тут собрали наиболее совершенное оборудование. Но Нине Ивановне особенно ярко вспоминается музей. Он раскрывал такие удивительные

фарфоро-фаянсовые богатства разных времен и народов, такое изумительное многоцветье украинского искусства, что каждый уходил потрясенным.

Она вела курс технологии керамики. Рядом была технология в действии - завод. Федорова жила и его жизнью, его заботами, потому что эта жизнь, эти заботы составляли главное в каждом дне "ее Муси-енко".

Совместные свои придумки они не регистрировали - вводили в дело. Касались новинки не только производства, но и искусства. Так возрождена была популярная у гончаров, а тут не "праздновавшаяся" техника росписи ангобами. "Истинно народная!" - говорит о ней Федорова.

...А ведь "академией" назвал я Будянский учебный комбинат не случайно. Именно здесь в это время оказался один из центров научной разработки проблем развития искусства и технологии фаянса. В печатном бюллетене "Укрфарфорфаянса" из выпуска в выпуск публиковались статьи "академиков" из Буд. Среди них была Ольга Васильевна Черепова - жена Иванченко, такой же, как Федорова, увлеченный технолог керамики; впоследствии за создание безоловянных, бессвинцовых эмалей ее удостоили Государственной премии СССР. Среди авторов научных работ, выполненных тут, выделялись и Нина Ивановна с Пантелеймоном Никифоровичем. Она осуществила в Будах свои "Керамические расчеты", не утратившие значения поныне. Он написал книгу "Техника художественного оформления фарфора и фаянса", в подзаголовке которой было подчеркнуто: "На материалах Будянского завода".

В Будах определился круг научных интересов всея их жизни, без остатка посвященной керамике. Муси-енко стал автором многих солидных трудов, кандидатом искусствоведения, доцентом Киевского художественного института. И, между прочим, это он, вернувшись с войны, создал в стенах "Софии" экспериментальную керамическую мастерскую, которой в течение тридцати с лишним лет руководит Федорова. На обширнейшей территории Софийского собора мастерскую отыщешь не сразу, но работа ее видна со всех точек Советского Союза, о ней знают во всем керамическом мире".

Многое в их жизни оттуда, из Буд. Так, однако, получилось, что бывать там в дальнейшем приходилось ии не часто. Вот почему во время киевской встречи я не только слушал, но и рассказывал. Рассказывал то, о чем совсем недавно узнал сам...

О войне - со слов Бориса Иосифовича Якобсона; на директорский пост он был выдвинут в свои двадцать пять и славно поработал в Будах долгие годы.

...Грозовой сорок первый сразу перевел производство на рельсы военные. В считанные недели будянцы на-ладили выпуск боеприпасов - работали сутками, а нужное фронту давали. Но огненный смерч приближался. Октябрь... Демонтаж... Эвакуация... Урал... Там, в Ирбите, они продолжали ковать оружие победы. Не из белой глины - из металла. Уральского металла, который сокрушал врага, нес ему гибель.

А в Будах хозяйничали - и думали, что навсегда - Оккупанты. Они пытались завод оживить, они старались, чтобы фаянс украинский заговорил на чужом языке, славя "новый порядок". Сначала видимость итога создать удавалось - кое-что из выпущенного до прихода гитлеровцев со складов вывезти не успели. НО, 'Как ни свирепствовали фашисты и их наемники, йохнуть жизнь в "непокорное предприятие" не удалось.

Геройски сражались будянцы на фронтах. Смертью Храбрых пали Тарас Киреев, Петр Кудряшов, Григорий Сухарь, Степан Маркин, Александр Щедров, Алек-

сандр Нерадько, Григорий Рябов, Маша Нестеренко, Мотя Малыгина... ох, какой длинный этот список - тех, кто не вернулся, тем, кому памятник поставлен. Памятник в парке и... в сердце каждого, кто живет, кто работает на заводе сейчас... в сердцах Мусиенко и Федоровой, многих из них знавших... о Рассказал я "киевским будянам" о любви к заводу, которую явственно ощутил там, общаясь и со старыми, и с юными его работниками. Не мог, между прочим, не вспомнить о Четвертой симфонии Бориса Кожевникова - известного сейчас композитора, который в молодые свои годы тоже трудился в Будах. Слушая симфонию, посвященную Великому Октябрю, думал я о том, что автору ее удалось передать дух и пафос беспримерного преобразования жизни. Дух и пафос, которые он сам впервые по-настоящему ощутил здесь, в складывавшемся тогда новом, советском коллективе творцов фаянса.

Но, пожалуй, больше всего вопросов касалось дня нынешнего. Я только что приехал с завода, был в его новых цехах - больших, механизированных, беседовал с директором, Николаем Сергеевичем Вакулой, с инженерами, рабочими и мог, не кривя душой, сказать о том, что флагман фаянсовой промышленности Украины - в непрерывном, трудном и победном походе.

Судите сами. В 1940 году выпуск фаянсовых изделий "Серп и молот" довел до 44 миллионов единиц; это в четыре раза превышало уровень дореволюционный. В военное лихолетье оккупанты нанесли заводу огромный урон. Отступая, они разрушили формовочный, горновой и другие цехи, вывезли оборудование газогенераторной станций. Не один год потребовался для восстановления предприятия. Только в 1953-м удалось превысить довоенный уровень производства.

А каждый последующий год это новая веха на путях его развития.

1954-1956: сооружение трех туннельных печей вместо пяти круглых горнов периодического действия - малопродуктивных, да еще и требовавших больших затрат тяжелого ручного труда.

1958-1962: перевод всех тепловых агрегатов на природный газ.

1962-1963: переход на бескапсульный обжиг утильных изделий в туннельных печах.

1964-1968: механизация подачи фаянсовой массы, установка одиннадцати конвейерных сушил, пуск поточных линий, внедрение в эксплуатацию формовочных полуавтоматов.

1971-1974: осуществление первой очереди реконструкции - ввод в действие корпуса вспомогательных цехов, корпуса массозаготовительного и формовочно-литейного производств, электростанции, склада сырья, очистных сооружений.

И рост, непрерывный рост выпуска продукции: за девятую пятилетку завод произвел 358 миллионов единиц - на 42 миллиона больше, чем за восьмую. Десятая дает показатели еще более впечатляющие. Свыше 80, миллионов изделий в год - это звучит!

Ну, а о будянских художниках, их работах, их исканиях Федорова и Мусиенко знают: читали в газетах, видели репродукции, а, главное, на выставках бывали.

Искренне радуется Нину. Ивановну растущий интерес товарищей из Буда к росписи ангобами. Это она когда-то предложила два приема нанесения ангобов: во-первых - с помощью резиновой груши, во-вторых - кистями разной величины. Задумывалось ею такое поначалу только для майолики, но Федорова же подала идею использовать оба приема ангобной росписи и на фаянсе. Испробовали предложение все, но лучших результатов достиг, пожалуй, Николай Борисович с Николаев;

продвинулся он в этом дальше других. А какой эффект дало соединение ангобов с солями металла удивительна тональная мягкость декора, органично его сочетание с характером материала, с фор-посуды. Теперь на заводе действует целое ангоб-отделение, и все, что здесь выпускают, спросом зуется огромным.

О таком отряде талантливых художников – мастеров фаянса, какой есть сегодня на "Серпе и молоте", когда-то могли только мечтать. У каждого свое строение материала и его возможностей, свой взгляд о свои пристрастия. Почерки - индивидуальные почерки различимы отчетливо. И все-таки это единый коллектив. С полным взаимопониманием. С общностью целей коллектив, от которого ждать можно многого... в последнее время что-то редко из Буд приезжает-удивляется Нина Ивановна.

Мастерская в "Софии" столько и та-делает, что только смотреть и слушать, восприни-и перенимать - в общем черпать полными пригор-ии. Направленность у нее, конечно, иная - артурная, но поиск тот же - художественный, тех-огнческий, а в основе всего - забота о керамике как искусстве для народа. Искусстве с большой буквы... посвятили себя работавшие здесь прослав-ные мастера Емельян Железняк, Федор Алексеен-;, Степан Кацимон, этому служат, и с каким увлечение служат, сама Федорова и ее сотрудники - архитекторы. Л. И. Мешкова, А. А. Лобов, художники Г,-Шарай, Г. С. Севрук, Р. П. Батечко, мастера творчества Я. И. Падалка и Н. Н. Маринчен-Керамика высокого огня, эмали, соли, глазури, всех видов, различных оттенков - забота их и... вся жизнь добрых гениев украинской керамики Йантелеймона Мусиенко и Нины Федоровой.

Людам на радость

12

Галиной Ивановной Кломбицкой мы познакомились при обстоятельствах, которые вам известны; их я изложил на первых же страницах книги. Теперь пришло время представить моих новых друзей, так сказать, "по всей форме".

Никаких "формальностей" тут, однако, не будет - уж очень неказенны, неофициальны они сами. Но хотя анкет заполнять не станем, некоторые биографические данные привести все же нужно.

Галина Ивановна Кломбицкая

Я не настолько неделикатен, чтобы спрашивать даму о возрасте, но она его не только не приуменьшает, а, напротив, "выгодные" данные соответствующей графы своего паспорта "дезавуирует": по ее сведениям, родилась на два года раньше. Не комплимента ради, просто из справедливости, скажу: эта маленькая, изящная женщина удивительно молода.

Итак, родилась... Если хотите, можете посмотреть в справочнике Союза художников, членом которого она состоит с 1964 года.

Родилась Кломбицкая на Южном Урале, в Орске, где когда-то принял муки отданный в солдаты Тарас Шевченко, город, который с самым теплым чувством вспоминаю я, проживший там более двух десятилетий и многим ему обязанный. И здесь паспортные данные с истиной расходятся. В паспорте местом рождения Галины Ивановны записана Одесса: родители привезли ее туда вскоре после рождения, и

первый в жизни документ девочке был выдан на их родине. Так или иначе, но Одессу Галина Ивановна любит всем сердцем и считает себя коренной одесситкой.

Г.И. Коломбицкая

Отец был человеком мастеровым, многое изведавшем, а мама... просто мамой, к тому же очень молодой: Галю она родила в семнадцать. "Детство из головы моей выпало..." - говорит Клом-ия, и глаза ее затуманиваются. Не выпало - про-вспоминать тяжело. Оно ведь на военные годы при-ь. Эвакуировались, да не успели - в селе чужом. Повидала всякое: как враг в село входит... людей расстреливают... виселицы видела... голод, РД испытала... Еле-еле превозмочь все это удалось, выжила, то лишь благодаря добрым людям, приходилось делать в то тяжелое время: пахать и, вязать снопы, копать, садить, коров пасти. Мно-всего на неокрепшие девчоночьи плечи легло. Но сргнуло. Напротив, в суровую, страшную годину шлась она любить. Людей любить - носителей доб-Цр'ироду, все живое любить и относиться к животным, к растениям как к чуду. Недаром же так часто в названиях ее работ встречаются "Буренка", "Коровушка", "Теленок", "Ягненок", "Рябко", оттуда ведут начало произведения скульптора-художницы "Кричат совы, спит дубрава", "Лесовик", "Лесные мелодии", «Курочка ряба»? К этой сказке автор обращался не однажды. Одноименная статуэтка заслужила похвалу "многих выставках; рельефная расписная кружка «Дед, баба и Курочка ряба» получила отличную оцен-республиканского художественного совета и с тех пор не сходит с производства; декоративное блюдо на тот же сюжет является собственностью музея. И сейчас Кломбицкая в раздумьях над сказкой - только на этот раз в работе набор "ой посуды для детей. "Курочка ряба" из вОен-детства оказалась поистине неистощимой... Ну, а потом снова мир - только не вернешь ног Ивану Степановичу, и долго не заживут раны у тех, кто воевал, ни у всех других, войной меченых. Но все-таки снова любимая Одесса - и после класса сразу в четвертый (при оккупантах, подело, не до ученья было), и кружок юннатов, привела страстная любовь ко всему живому, бесконечное рисование. Рисовала всюду, везде и всег увлеченно и самозабвенно...

Иду в агрономы, - советовала старенькая учительница биологии, она же руководительница кружка натуралистов. - Что тебе художества дадут? А тут уж всегда хлеб-масло у тебя будут..." Жилось голодно, хлеб-масло порою только снились. Но "не единым хлебом жив человек" - пошла не в сельскохозяйственное . училище, а в художественное.

Дипломной ее работой была скульптура "Весна идет": мальчишка несет скворечник и радостно смотрит ввысь. Получила "отлично".

А сразу по окончании Одесского училища имени Грекова - в Буды, В трудовой ее книжке - одно-единственное место работы. С 1955 года и по сей день...

Сергей Александрович

Фамилия у него - Савиночкин; произносит он ее с ударением на предпоследнем слоге: "...ночкин". Так и отец произносил. На вокзале в Люботине, в зале ожидания, есть мемориальная доска в память об активных участниках революции 1905 года, провозгласивших "Люботинскую республику"; среди других там назван и Савиночкин Александр Григорьевич...

Руки Сергей Александрович потерял еще в детстве. "Война?" - спросил я его, кивнув на пустые рукава рубахи, когда Галина Ивановна отлучилась. - "Несчастный случай".

Только сила воли, помноженная на жажду знаний, помогла не пасть духом, выдюжить, выстоять, к учению вернуться и не хуже других учиться. Учиться, хотя писать он мог только держа карандаш зубами. Это теперь, с помощью им же придуманного самодельного протеза, пишет, так сказать, рукою. Почерк у него отменный - что тетрадь, что письмо аккуратны в высшей степени.

В 1941-м он закончил среднюю школу и поступил в университет. Но тогда учиться здесь пришлось всего один месяц. 'Ученье прервала война.

Работать на оккупантов отец отказался категорически, мать болела - так и не оправилась от потрясения, вызванного несчастьем сына. Семья голодала, Александр Григорьевич от голода и умер. Чтобы спастись, мать с сыном отправились к родне, в село. На родине матери и дождались освобождения...

В 1946-м Савиночкин вернулся в университет - на исторический. Дипломную работу писал о партизанском движении в Отечественную войну 1812 года. По окончании в аспирантуру собрался, но сразу не вышло, а потом школа к себе приковала, учительствование увлекло, и вот уже сколько лет преподает историю Родины, воспитывает, поднимает патриотические чувства своих питомцев. Только в Будах их у него сотни. А сколько по всей стране!..

Тут, в Будах, они и встретились художница и учи-.*Т Тут появилась на свет Оленька. -Оля Савиночкина

Она сейчас студентка Львовского института декоративно-прикладного искусства. До этого закончила тех-м. И настоящая, и будущая ее специальность: моделирование одежды.

Родителям, особенно маме, хотелось, конечно, чтобы " " пошла "по керамике". Галина Ивановна взды-"Я так мечтала передать ей любовь к фаянсу... и знания..." Но дети выбирают свой путь сами. Яшт старших и мечты их впитываются, чем бы ты занимался. И талант всегда талант. Это ваши работы? - спросил я хозяйку, указы-на три фаянсовые плитки, расписанные на мотив творения мира" Жана Эффеля. Не скопированные ; Эффеля, но знакомством с его серией навеянные и, вас, вполне самостоятельные. Нет, Олечкины! - живо откликнулась она. - Сиде-в моей мастерской, "алялякала", меня отвлекала, я и подсунула ей чистые плиты - фантазируй... молодчина, правда?

бы очень хотел иметь у себя хоть одну такую плит о Удивительно симпатичны они, Олины Адам и Ева. яблоко действительно соблазнительно - словно толь-что с дерева сорвано...

В тот первый вечер нашего знакомства мы много ди и о многом говорили. Галина Ивановна вела машину, как заправский шофер. Ездят они только вместе - так спокойнее, увереннее, если приходится показывать свой край новому человеку.. Навсегда останется во мне память о Соколово--месте боевого крещения 1-го Отдельного чехословацкого батальона - ядра будущей Чехословацкой армии; не забудутся партизанские леса, - тут воевал отряд Ивана Копенкина; и красота... земная красота Украины стала в е той еще роднее, дороже, ться в этот день в Харьков я не смог. Далеко ночь погасили мы свет, так и не наговорившись. веясных отблесках луны очертания фаянсовых фигурок, вылепленных и расписанных моей новой знакомой, обступали меня будто персонажи из сказок. А со стены подмигивал хитрющий боцман с шотландской бородкой и длинной трубкой в зубах; в трубке горела-вала стеариновая свеча...

Чувствую, что надо, что пора уже писать о ее творчестве, ан нет - снова подступает нечто другое, и властно так требует: рассказывай об этом, рассказывай о том.

Ну, например, что она любит и умеет.

Грибы-ягоды собирать любит, и так хорошо повадки их знает, что у нее с Сергеем Александровичем корзинки и лукошки наполняются раньше, чем у других. А это и соленья и варенья - тоже пристрастие, тоже дело творческое; удивлять она любит и в сфере сугубо домашней.

По душе Галине Ивановне коньки, лыжи. Лед, лыжня по-прежнему манят ее каждую зиму. Было время - стремилась к спортивным результатам; теперь рекорды, пусть даже местные, уже в прошлом, и главное для нее - общение с природой, всегда притягательной, неповторимой.

Любит велосипед, но больше - мотоцикл. И мотоцикл не какой-то там легкий, прогулочный - из всех прочих выделяет "К-750".

Одна из первых дальних поездок супругов была к Азовскому морю, а потом - в Одессу, где проходил слет участников Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Между прочим, в ту поездку они много больше узнали о партизанских делах Клавдии Трофимовны, матери Кломбицкой.

Чаще всего ездили с другими мотоциклистами Буд - команда подобралась крепкая, надежная. Никогда не забудутся дни и ночи на партизанских дорогах легендарного Сидора Ковпака, нелегкая и бесконечно волнующая поездка в Волгоград, на открытие мемориала Мамаева кургана... А слет в Севастополе? А путешествия по степным и горным дорогам Крыма, когда во всю свою силу раскрылась перед ними краса Ай-Петри и городов-курортов, виноградников и моря - Черного моря?

Во всех поездках-походах с ними была и Оля. Путешественница она с малых лет...

На стене в гостиной висят шлем и краги - от тех, мотоциклетных, времен хранятся.

Когда "Запорожец" появился, ездить стали еще больше. Такой уж характер - непоседы! Их "Рыжик" - так они свою машину прозвали - был поистине вездесущим.

Купили его в мае, а уже в июле всей семьей, даже с собакой Малышкой, матерью Трюфа (о нем-потом), отправились в Москву и Подмоскowie. В каждом дорогом местечке побывали, ни один музей не пропустил В тот незабываемый месяц

1969-го были они и в 'ой Поляне. Много порассказал встреченный ими из соседнего села - Льва Толстого сам видел, его помнил. рьков - Полтава - Кременчуг - Кишинев - Черновцы - Коломыя - Яблоницкий перевал - Ужгород - - Ивано-Франковск... - таким был маршрут сле-о лета. Четыре тысячи километров по украинской авской земле, с дневками-ночевками в самых ко-ых местах, с десятками, сотнями встреч-зна-. Как опишешь увиденное в Молдавии: праздник винограда... веселые, красочные свадьбы... мол-музыкантов? И во всех поездках минута отды-о с карандашом, с кистью - рисунки, наброски, рели. Ну, а если времени совсем мало, на выруч-яходил фотоаппарат...

так побывали и в древних русских городах, и в да Чернигове, во многих других местах. Иной вместе провести отпуск не удавалось. Тогда отпра-иеь в путешествие Галина Ивановна с Олей. м ездили в Ленинград, Новгород, Прибалтику, на русском Севере - в Архангельске, на Соло-островах.

что же она любит и умеет?

Четверть века работы на заводе прошли не зря. За эти годы сделано более 500 форм и росписей. В произ-были и остаются три ее столовых сервиза, три детской посуды, четыре - для напитков... Добрая сотня образцов заслужила высший балл. Многие грамотами и премиями. Дорогое признание - ВДНХ. А сколько ее произведений экспониро-на всесоюзных, республиканских, областных выс-х! Только всесоюзных на счету художницы десять. Кломбицкой объездили "весь мир" - выстав-рмарки в Париже, Загребе, Познани, Монреале, ие промышленные выставки в Бразилии, в Токио...

Искусство - главное дело ее жизни. О ее искусстве, ее творчестве речи здесь, по существу, еще не шло. Разве что в общих словах и оценках...

Истинное же творчество непременно индивидуально, всегда неповторимо. Как и сама личность художника. Но в широте и незаурядности жизненных интересов Кломбицкой вы, надеюсь, уже убедились?

Разумеется, путь от наблюдения, даже того, что глубоко поразило, от впечатления, пусть самого яркого, к воплощению их в художественной практике бывает длинным, извилистым, трудным. Кому из художников они неведомы - муки поиска единственно верного решения творческой задачи, которая - внезапно, вдруг - становится самой для тебя главной, хотя еще вчера, кажется, о ней и не думая?

Выходит, думал - только глубоко эта дума была в тебе спрятана. Как говорят - "в тайниках души". Но вот что-то ее освободило, исторгло и... тут-то начинается работа, труднее и сладостнее которой, наверное, не сыскать.

На первых порах, особенно в ученичестве, за муки творчества порою принимают количество затраченного на ту или иную работу времени. А ведь это просто добросовестность, если хотите - обыкновенное старание. Вот когда созревает твоя душа, когда приходит собственное понимание сути явлений и предметов, свое видение неповторимости жизни...

...Лепила Кломбицкая "Адажио". Это было уже давно, в начале ее творческой самостоятельности. И в репетиционных классах харьковского балета, и на спектаклях театра - особенно балетных - проводила она тогда долгие часы. Сотни зарисовок сделала, десятки фигурок вылепила, пока не зазвучала в ее балерине высокая, вдохновенная музыка... Говорят, Майя Плисецкая сказала Наде Рушевой, когда та показала прославленной звезде балета запечатлевший ее рисунок; "Я хотела бы танцевать вот так...". А мне довелось услышать, что заслуженная украинская балерина

после многих часов и дней, в течение которых ощущала на себе пристальный взгляд увлеченной ваятельницы, будто бы и впрямь поднялась в своем творчестве.

..."Теленка" Галина Ивановна лепила не с натуры. И правда - какое, скажите на милость, коровье чадло позировать согласится? Но именно этот "Теленок"- с многочисленными погрешностями перед зоологией и анатомией, явно условный, почти абстрактный - вдруг стал одним из кумиров "Экспо-67" в Монреале, а потом пришел в тысячи и тысячи домов. Он никого и ничего не копировал, но в нем была сама доброта души автора, звучал ее призыв к доброте людской, всеобщей.

"Теленок", да еще "Жирафенок" - обе эти работы 1967-го -памятны для Кломбицкой еще и тем, что с них началась ее самостоятельная работа живописца по фаянсу.

. На завод она приехала скульптором, только скульптурою и заниматься собиралась. Скульптор-керамист должен в совершенстве знать моделирование. Ничуть потому Кломбицкая не обиделась, когда по приезде ее зачислили модельщицей. Училась у каждого, кто учил, но больше - у старого мастера Ивана Тимофеевича Гаммера, у Фроловой Натальи, модельщицы молодой, но умелой и уже с опытом.

Две недели проработала она рядом с Федором Ивановичем Алексеенко, талантливейшим мастером-самородком: специально ездила в Киев, в мастерскую "Софии". "Он меня научил тянуть на гончарном круге... Близ него я по-настоящему поняла, как делается народная керамическая скульптура..."

Очень скоро присвоили ей в модельном деле шестой разряд. Но не моделирование было для Кломбицкой главным. Творчество и только творчество!.. Проходит год, и она скульптор в художественной лаборатории - талант оценили. Работает самозабвенно, каждый день насыщен поисками. Поначалу только в области формы. Однако со временем практика потребовала большего. И ВЫЕОД пришел сам собой: свою работу она видит готовой, в красках - ей самой и осуществлять каждый замысел, от начала я до конца доводить, ни на кого другого не надеясь: "Теленок" с "Жирафенком" страхи развеяли. А работы последующие - столовые сервизы, йаборы детской посуды, кружки, миски, квасники, сухарницы, декоративные вазы - в этой своей позиции утвердили бесповоротно. Добрыми учителями и помощниками в освоении живописи стали для Галины Ивановны художница Раиса Вакуя и копировщица Надя Ятло- люди большой, чуткой души.

...Стоп!

Мы ведь начали с рассуждений о непрямых и Нелегких путях от появления первых впечатлений к рождению окончательного варианта.

Биография замысла - дело рискованное. И все же как не усмотреть прямой связи Одессы детства да моря в Крыму с "вдруг" задуманной и "вдруг" выполненной декоративной вазой "Черное море", которая была отмечена комитетом выставки "На страже мира"? Или искрящейся весельем молдавской свадьбы с "Три-Мпты музыки" - "Тремя музыкантами"? Или соловецких впечатлений и "Соловецких настроений" в наборе'декоративных блюд "Соловки"? Весны - и "Весны", декоративной вазы, в росписи которой весна - это жизнь, труд, любовь, начало всех начал на земле?

о Ни в одном из названных (и неназванных) "совпадений" даже мысли не возникает о "дагерротипном подражании натуре", против которого так резко выступал художник Тарас Шевченко. Подражания нет, фотографирования тем паче -

хотя и море, и музыканты, и острова действительно навеяны виденным, и виденное - сама красота, не нуждающаяся в совершенствовании.

А она и не совершенствует - "просто" передает свое преклонение перед морем, свое восхищение музыкантами, свое ошеломление сказочными островами.

В многочисленных зарисовках и фотографиях, привезенных с Соловков, они легко узнаваемы для каждого, кто там бывал, и так же легко познаваемы для тех, которые "о поездках на Север мечтают. Зато звучит в них будоражащая, зовущая музыка - гимн суровой природе, столетним стенам, силе и искусству человека русского, которому нипочем любые трудности.

Хорошо, на удивление метко высказал свое мнение о работах Галины Ивановны один из посетителей выставки будянцев, который, подсев к столику с книгой отзывов, написал всего одну строку: "Я приветствую мысль Кломбицкой!"

Мысль Кломбицкой - в каждой работе Кломбицкой. Осуществленной и еще только задуманной. В тех далеких уже походах по местам революционной, боевой и трудовой славы доводилось ей встречаться с людьми из разных стран, но только годы и годы спустя захватила художницу идея восславить в фаянсовом декоративном ансамбле великое дружество, братство людей, видящих свое будущее, свое счастье в мирном единении. Волгоград и Ковентри, Одесса и Варна, Киев и Флоренция... Города-побратимы, люди, помогающие друг другу... По^рсе му свету разлетелись ее письма. На столе громоздятся книги и альбомы. Но того, что уже знает, кажется малою идея-то не простая - с борьбой за мир связанная. И она ищет, думает, волнуется. Она вся в преддверии завтрашней работы.

4

В квартире моих друзей - целый "зоологический сад".

Трюф. Пес, возможно, и породистый, но кровей разных в нем столько, что породу его не определить даже самому крупному специалисту-кинологу. Незнание родословной собаке не мешает. В семье пес пользуется широкими правами, во время ответственных бесед занимает место в собственном кресле и иногда высказывается, хотя особой разговорчивостью не отличается. Любит гулять, во дворе много друзей, а все-таки дома ему приятнее. У хозяев слывет существом "себе на уме"

Чап. Очень степенный кот. Солиден, но-любезнате лен. Консервативен, но - изобретателен. На ночь устраивается только в "гамаке", который придумал для себя сам: оконная портьера, пропущенная над спинкой стула, образует выемку, в которой коту и тепло, и уютно. С Трюфом у него договор о невмешательстве, живут мирно.

Львы. Какой же "зоологический сад" без "царя зверей"? И потому в квартире моих друзей львов более чем достаточно...

Несмотря на симпатии свои к Трюфу и Чапу, героями своих произведений Кломбицкая не делала их никогда. Что касается львов, то они и в мастерской, и дома, и... в планах.

Вот их имена:

"Совсем не страшный лев"... i

"Лев с цветком"... ;

"Лев старенький"...

"Лев юный"...

Все это кружки: из них можно пить и ими нельзя не любоваться.

"Лев с голубыми глазами" и просто "Лев" - сосуды для холодных напитков; между прочим^ делала их не одна - вместе с Олей, когда приезжала дочка на каникулы.

Как она родилась, ее "львиная сюита"?

Галина Ивановна в ответе затрудняется. Может быть, это от арсеньевского "Дерсу Узала"... Но возможно, что и от Володи Гамырина, миргородского студента, который, заканчивая практику, подарил ей, своей наставнице, декоративную пластинку "Лев" с такими-то-вами в фаянсе: "Ему торочили, что он"1 владыка, а он Хотел быть маленьким котом"...

- Так почему же все-таки львы? ' Долгое, задумчивое молчание и, наконец, ответ:

- Я не хочу, чтобы убивали зверей... Не хочу, и все этим сказано! "В ее "зверях" легко узнаешь так ценимые самой

-Кломбицкой человеческие качества: доброту, душевность, юмор. В известной мере она "баснописец в фаянсе".

"Вот "Важная птица". Это и впрямь птица, но мы-то думаем, на нее глядя, о чванливости иных, не в меру гордых собою должностных лиц, которые от неукротимого тщеславия вот-вот, кажется, лопнут. Автор таких не любит, и об этом на заводе знают все. Но если на партийных собраниях она критикует противную ей черту в ком-то одном, то тут, клеймит позором явление, еще, к сожалению, не редкое.

И все же, по самой своей натуре, она не обличитель, не сатирик. Лирик она. Лирик во всем. И мудрый фантазер-сказочник.

Оттуда, из сказки, выходят ее львы и вылетают голубые птицы. Оттуда же ее "лесовики", "черти", "ведьмы".

...А Трюф и Чап живут не в фаянсе. Просто живут. Они ее друзья.

Утверждают, что патенты на изобретения художникам не положены. Лично я согласиться с этим не могу. И одним из действительно заслуженных претендентов на звание изобретателя считаю Кломбицкую.

...Квартиры ныне в основном малогабаритные. Мебель соответствующая - не слишком вместительная. Но как обойтись в хозяйстве без столового сервиза? И почему, собственно, обходиться надо? Двадцать восемь предметов оригинальной формы составляет придуманный Галиной Ивановной набор обеденной посуды. Тарелки как тарелки - объем их вполне стандартен. Все другое тоже и поместительно, и целесообразно. Ну, а сложить вместе - легкая, изящная пирамидка. Площади она требует минимальной... Вот уже пятнадцать лет как этот сервиз в производстве, а заказов на него поступает год от года больше.

...Симпатичное блюдо с оригинальной крышкой - будто волшебное. Поднимешь крышку, перевернешь ее, на стол поставишь - вот тебе и расписная хлебница. Из самого же блюда доставай все, чему на столе быть положено. Тарелочки самых разных форм - и для сельди, и для салатов, и для всяких прочих закусок... Девять ярких салатниц как девять знаменитых русских матрешек. Они входят одна в другую, они складываются так, что почти не занимают места. А возьмешь в руки, рассыплешь по столу и сразу является ощущение праздника. Огромный праздничный набор... Удобно? Да. Практично? Конечно. Красиво? Что и говорить! Мечта любой хозяйки...

Предаваться фантазии способен каждый: на то он и человек. Превращать фантазии в явь куда сложнее. Неистощимая фантазерка Кломбйцкая свела расстояние между мечтой и делом к одному-единственному перегону, имя которому - поиск, творчество, работа.

Так появились ее наборы для холодных напитков - кувшины, в горловины которых легко входят две-три чашки; в "собранном" виде они представляют собою единое целое.

Так возникли наборы кухонной посуды "Горох", "Круглый"; обилие самых различных, в хозяйстве нужных, предметов и абсолютная портативность - на полке для них места требуется совсем мало.

Таков и кофейный сервиз на двух поддонах. На полке он "двухэтажный": внизу кофейник, молочник, сахарница, сверху - чашечки и блюдца. Все необходимое для неторопливого, домашнего разговора за чашкой кофе.

Нет, что бы ни говорили, а художники фаянса заслуживают патентов. И я настоятельно прошу заводское бюро по рационализации и изобретательству в Будах считать это мое заявление вполне официальным.

Изобретений - много. И разных притом. Конструкторских: новые принципы моделирования, оригинальные формы. Живописно-химических: не применявшееся прежде наложение красок, расширение гаммы используемых солей металлов, сочетание нескольких разновидностей материалов для разнообразия цветовой палитры.

Это издревле знают: хром дает зеленый цвет, никель - фисташковый, кобальт - синий. Но нужны не только тона, а и оттенки, не три и не пять цветов, а во много раз больше. Только так фаянс засветится, заиграет - "оживет". Между тем у каждого из металлов свой норов, свой характер. Наложил растворы разных солей в одно время и из обжига выйдет нечто невообразимое. Сколько было сделано проб, прежде чем пришло решение: соль марганца наносится за три-четыре дня до обжига, кобальта - за два-три, меди - непосредственно перед отправкой в печь.

Использование солей металлов - дело тонкое. Секретов-загадок тут хоть отбавляй. Положишь железо поверх кобальта - и кобальта нет. А кобальт на железо - цвет шоколадный. "Люблю соли металлов... Комбинируя их, можно делать чудеса..."

Но позволительно ли ограничивать себя чем-то одним? И она думает над разнообразием цветной глазури, над выявлением красоты натуральных земляных красок, над сочетанием того, другого, третьего - сочетанием, которое открывает новые возможности развития фаянсовой живописи и при всем этом развивает национальный украинский стиль росписи, идущий от дедов-прадедов, из глубин веков.

Но и техника, и химия, и технология - это лишь инструменты ее творчества.

Она - скульптор. Она - художник. И она - в по" иске.

Поиск идет постоянно.

...В шуме леса ей внезапно послышится голос милого сердцу Черного моря, и звуковые ассоциации родят зрительные, и "тема моря" представляется уже по-новому. Значит, будет оно, продолжение ее марины.

"Кто-то подарил книгу о кактусах. Все, связанное с природой, ее чудесами, Кломбйцкой очень интересно. И вдруг в книжные кактусы вторгаются ее, вполне миролюбивые, львы. "Лев и кактусы" - это уже целый набор, в котором разнообразие и кактусов, и львов.

...Прямо возле дома, в котором живет художница, стоит старое-престарое дерево. Проходя, она мысленно здоровается с бывалым дубом, издавна облюбованным воронами. Фантазия подсказывает мысль: декоративный пласт "Долгожители". Старый, полузасохший дуб и - древняя, мудрая сова... Грешит против правды? Напротив, осмысливает жизнь!

"По безграничной игре фантазии выделяется мастер Клрмбицкая. Она поражает воображение и формами, и сюжетами, и бесконечно прекрасным разнообразием красок..."

"Хочется особенно отметить работы Кломбицкой. Они неповторимы по своей композиции и своим краскам. Кружка "Танго", декоративное блюдо "Лесные мелодии", ваза "Вальс", пласт "Рябко", разнообразнейшие столовые сервизы... Невозможно не восхищаться всем этим..."

"Самобытные, блестящие фантазией..."

"Вызывают теплые чувства..."

Это все - из записей посетителей выставки в Харькове. А там была лишь часть того, что она сделала. Кое-что ни в какие выставочные залы не втиснешь. Например, огромное панно из шамота на фронтоне Харьковского театра кукол - коллективная работа Г. И. Кломбицкой, Н. Б. Николаева, Б. П. Пяниды, И. П. Сеня и А. М. Щеглова. Но и без специальных выставок его видели (и видят) десятки, сотни тысяч харьковчан и гостей города.

Когда однажды я заговорил о трудных дорогах творчества, Галина Ивановна с горячностью прервала меня:

о^Трудных путей не знаю. Радость не может быть трудной!

Высказывание сугубо субъективное, но об авторе сообщает нечто важное. Как и другое, тоже выношенное:

- Работы не должны пахнуть потом...

И это говорит человек, который не жалеет времени на поиск новых и новых вариантов каждой - без исклю* чения каждой - своей работы.

Поиск, всегда поиск... Когда я был у Галины Ивановны и Сергея Александровича, пришли "Известия" со статьей "Русские улицы Парижа". Она заметила статью тотчас, прочла про себя, а потом вслух, и сразу же отложила газетный номер в заветную свою папку. Никаких пояснений не требовалось. Понял: продолжается накопление материала, расширение и обогащение идей той, будущей большой работы о человеческой солидарности, о людском братстве, о мире.

На заводском дворе сидят сказочная "Синяя птица" и вполне земной "Гончар". Лепила их Кломбицкая и в минуты затишья среди рабочего дня, и после окончания смены, оставаясь наедине с припасенным шамотом. "Ух, и натягалась я с ними!" - говорит Галина Ивановна, но почему-то улыбается. Улыбку ее "читаю" так: дел было много - я лепить, и на обжиг относить, с обжига забирать, и на месте устанавливать, да вот ведь ожили теперь бывлые пустыри и встречают-провожают заводской народ птица из мечты, вся в цветах рукотворных и цветах живых, и этот умелый, работающий, на добрые дела охочий мастеровой родной их Украины - один из тех, чьими преемниками и наслед-йиками они являются. . .

Ключ к рисунку. Силуэты

Вакула

Полтавщина-Полтавщина, скольких ты вдохновила! Песнями своими задушевными, Вишневым цветеньем садов, ночами зорьяными - тихими и пахучими...

А ей всего больше лес вспоминается.

Жили они в Поповке (Миргородщина это) на самой окраине села. Деревья к их хате подступали совсем близко - так близко, что только со двора, как уже в лесу. Не боялась Рая леса - даже самых дальних его чащоб, которыми малышей пугают. Сколько помнит себя, любила лес, как дом родной, а маленькие березки да дубочки, как сестренки и братиков. У каждого дерева был свой, особый характер, только все они друзьями ей казались. Друзьями и оставались - нашептывали собственные тайны, с "пониманием" выслушивали ее. Ох, эти тайны девчоночьи, девичьи...

И сейчас она без леса дня прожить не может. Дом, в котором Раиса Саввична живет в Будах, торцом своим входит в лес - не такой как тот, в селе, но тоже знакомый и приятный бесконечно.

Вот где корни твои, "Лес" - набор столовый.

Вот откуда "Ясени" - сервиз кофейный.

И новый прибор для кофе навеян воспоминаниями о лесе детства - именно там стелется-цветет "хрещатый барвинок".

Так прозвали в народе ласкового лесного жителя, что к людям тянется, добрым людям радуется. Так назвала эту свою работу она.

Природа дружна с песней. В маленькой своей мастерской не распоешься - для творчества нужна сосредоточенность, нужна хотя бы относительная тишина. Каждый занят своим, и песню поет свою - про себя поет, не выплескивая чувств наружу. Но сколько раз вторила она Оксане Петрусенко, ее волшебному исполнению "Ой, стелеться барвшок"? Не на все ли лады перепела "Ясени-ясени" - прекрасную песню Александра Билаша и Михаила Ткача, на народном фольклоре возвращенную?

В техникуме музыке и пению не учили - нет таких предметов в программе, она и без того перегружена. Но вот что интересно - гордятся в Миргороде не одними только художниками да скульпторами, а и знаменитым украинским тенором Михаилом Микишей, долгие годы украшавшим киевскую, харьковскую и даже московскую оперные сцены.

Искусство нераздельно, нерасторжимо - живопись и музыка, ваяние и зодчество. Музыкой в Искусстве пронизано все. Фаянс должен звенеть не только под палочкой приемщика - всегда. Он должен петь!..

В работе Вакула чувствует себя и композитором, и Вервым-наипервейшим исполнителем. Порою вдохновение приходит к ней вроде бы нежданно. Ворвется стремительно, захватит властно, и что остается? Схватить чистый черепок и вот так, сразу, без предварительных эскизов бросить на доверчиво ждущую глину все, что душу полнит, что выхода требует - выхода в творчестве. Это истинная цветомузыка - мелодия в красках, Йритом единственная мелодия в единственно уместных адесь красках.

Так родилось немало ее композиций - и лирическая "Ой, под вишнею...", и юмористическая "На ярмарку", в щемяще-драматическая "Дан приказ". Но так ли вне-9апно, "сами по себе", выплеснулись они - эти сюжеты- настроения - на подготовленную, обожженную, только до поры, до времени безголосую глину?

Задумаешься и головой покачаешь: нет, иной из этих "экспромтов" усмотрел в ней месяцы, а то и годы. Пока не почувствовала: Вора. Вот так говорит, когда позовет его земля, пахарь: "пора сеять" - и ошибается редко...

"Ой, под вишнею..." - это миска. Однако сказать так о- значит ничего не сказать. Ладная молодница в расшитой плахте с полными ведрами на коромысле, а 'оад нею спелые, налитые соком вишни, а понизу цветы, один другого ярче, - они родом из песни, из ее родной Поповки.

(Представляю себе, как любуются работами своей Землячки в полтавском том селе. Говорю об этом не Случайно. В Поповке создан теперь народный музей, и Я с превеликой радостью узнал, что основу музея составляют произведения двух родившихся здесь больших, Настоящих художниц фаянса - Веры Григорьевны Филянской из Конаково и Раисы Саввичны Вакулы из Буд. И разве погрешу я против истины, если подчеркну, что она, Поповка, стала истинным соавтором Вакулы во многих, если не всех, ее работах?).

"Дан приказ" - панно. "Фаянс, соль, подглазурная краска...". Да нет же, не только это, а и трепетная душа художницы, которая видит себя на месте той дивчины-украинки, что прильнула к груди юного буден-новца. Мазки скупые, автор не гонится за тончайшей проработкой всех деталей, но нет тут ни одной черточки, которая была бы лишней, не работала на идею произведения, на его - и наше - настроение.

Вакула, безусловно, следует образцам украинского народного примитива и этого тяготения ни скрыть, ни приглушить не пытается. И миска "На ярмарку" (окружность ее как шлях, по которому везет крестьянин в город свое добро для продажи), и миска "Доярочка" (веселая дивчина, нарядные бидоны, и цветы, и дерево - все праздничное), и миска "ХТЗ" (трактор-радость и трактористка-радость) - все это в традициях национального примитива. Но современная художница самостоятельна, самобытна во всем.

Вакула любит работать без заранее сделанных набросков.

- Когда сразу - лучше, - роняет художница.

А я вижу вокруг себя работы ее неоконченные, и думаю: удачи по-всякому приходят, только нет такой, которая бы без труда явилась. Трудного, терпеливого - хоть и самому мне ведомо это несказанно-блаженное "вдохновение момента".

В техникуме она закончила отделение художественное. Учителем-наставником ее был Григорий Яковлевич Павелко - художник-керамист, как говорится, "божьей милостью". Не раз, бывало, говаривал: в нашем искусстве, Рая, сторон много, и уметь надо всякое дело делать, не только карандашом да красками работать, хоть для художника это и главное. Тогда, в Миргороде, Раиса Саввична, конечно, и к скульпторам приглядывалась, и за спиною народных мастеров часами выстаивала. Но то было просто "для интереса", и думалось: одному бы, своему научиться, где уж там за другое браться. Другое - чужое...

Теперь ей кажется, что таких, или подобных, рассуждений у нее и не было. А если сказать по правде, так над этим, давно забытым "свое - чужое", не думает вовсе. Сама жизнь единственно верный путь указала, и путь этот: синтез искусств, конкретнее - живописи и ваяния, еще точнее - искусств, науки и техники, потому как художнику-керамисту знать нужно и химию, и технологию производства. Без такого синтеза даже самый щедрый талант может остаться "при тебе", не раскрыться.

Это она и Вале говорит. Дочь училась в Харьковском художественно-промышленном институте на отделении интерьера, но фаянс занимает ее серьезно - не

зря ведь работы В. Родионовой получают одобрительные отзывы на выставках. Матери это приятно, но... больше всего боится она самодовольства, самоуспокоенности... На завод Вакула приехала живвписцем. Художником фаянса она стала в Б.удах, и по-настоящему тогда, когда пришло к ней полное слияние с материалом - послушным и неслухом, податливым и неподдающимся, материалом с "настроением", с "капризами", даже "причудами", - будто вовсе не глина то, а живое мыслящее существо.

Одной из первых ее удач была декоративная тарелка "Воссоединение" - душевный отклик на событие, к которому готовились тогда как к празднику дружбы: трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. Так испытала она волшебную глину на... публицистичность. Испытание прошло успешно. Потом, в разные годы она снова и снова обращалась к публицистическим возможностям фаянса, и заулыбалась с плиты боевая дивчина-трактористка, и зажглись на блюдах излучающие новый , свет "лампочки Ильича".

Но исключает ли публицистика лирику? А лирика - Публицистичность? Конечно же, нет. И без символ'иче-; ских атрибутов времени понятна высокая идея, зало-о женная в форме и росписи столового набора "Красная гвоздика" - мир дороже всего, мир всему основа. На выставке, посвященной 60-летию Советской власти, работу признали одной из лучших и по мысли, и по во-;; шющению. Утверждению жизни служит и другой ее набор - "Радость", созданный еще раньше и тоже к великому юбилею: на этот раз - 100-летию со дня рождения "Владимира Ильича Ленина. Художница не поскупилась на самые сочные краски орнамента, и стали они про-никновенным ее "словом" о вожде, о сбывшейся его мечте, о счастливой нашей нови.

Р.С. Вакула

Вакула глубоко чувствует музыку народного слова, народного искусства. Удивительно певуче звучит ее украинская речь. "Ви все розушете?" - спросила она еня в разгар увлеченного рассказа. "Звичайно!" - отозвался тотчас. Да, истинно народное перевода не требует, в переводе не нуждается.

Потом пришлось к слову и я спросил, любит ли она рфоэзию, кто в поэзии ей ближе, роднее, и в ответ услы- " шал не только то, что ожидал, нет, гораздо больше.

Само собою разумеется - любит. Особенно - Шевченко и Пушкина, Блока и Лесю.

У меня в руках был новый сборник стихов Новеллы Матвеевой, а в нем - очень точные и емкие ее строки в Пушкине. Захотелось прочесть их собеседнице.

К чему изобретать национальный гений? Ведь Пушкин есть у нас: в нем сбылся русский дух. Но образ родины он вывел не из двух Нужд или принципов и не из трех суждений; Не из пяти берез, одетых в майский пух, И не из тысяч громких заверений; Весь мир - весь белый свет! - в кольцо его творений Вместился целиком. И высказался вслух...

- Завидую поэтам,- проговорила Вакула, помолчав. - Истинная правда тут, и как выражена: лаконично, точно. Мы от поэтов отстаем, а перед великими в должниках ходим вечных.

Она свой долг "платит". Есть у нее целая серия работ, навеянных творчеством Шевченко: "Шел кобзарь в Киев", "Катерина", "Оксана", "Бандура". Не иллюстрации к шевченковской поэзии-собственное отношение к творениям гения, свое, глубоко личное понимание их. И постижение будет продолжаться - сколько живет, сколько творит сама. А Лесе Украинке она воздвигла памятник. Не такой монументальный, как тот, что украшает ныне Лесин бульвар в Киеве, но для художника фаянса ваза - форма крупная. Впрочем дело не в размерах - в чувствах. Удалось выразить - успех, холодом веет - неудача. О Лесе и вдруг холодно?- нет, нет и нет! Работа получилась (это свидетельствую и я, зритель). Другое дело, что к теме, к идее вернуться хочется сызнова. Что ж, и вернется.

Синтез живописи и ваяния, живописи и химии, живописи и технологии... Художница пришла к нему, как пришли все ее товарищи по лаборатории. И раздвинулись границы творчества, работать стало интереснее, поиск развернулся активнее. Так появились на рабочем столе, а там и на выставки, в музеи, в иные страны отправились декоративные сосуды Вакулы "Лев", "Баран", "Коза", удивительно теплый набор "Коровка" и другие ею вылепленные, ею расписанные, ею через все горнила проведенные произведения милого сердцу фаянсового искусства. А нежноакварельный сервиз с красавцем-самоваром во главе?

Как легенду передают от поколения к поколению рассказ про то, как прославленный скопинский гончар Федор Оводов из простой глины вылепил настоящий самовар: золотом отливал, будто медь начищенная, внизу, сквозь дырочки, угли виднелись, и чай из него таким вкусным казался, что опорожняли быстро, о "подвохе" и не помышляя. Мастер же, потчuya гостей на свадьбе сына, вдруг крикнул: "На счастье!" - тив самовар за ручки, бросил его оземь; лишь после этого, глядя на черепки, поняли все, что самовар-то не простой - гончаром великим сделанный, настоящее чудо, хоть и из глины.

У Вакулы самовары на загляденье. Красуются они на выставках, зависть вызывают, а тех, кто сомневается, можно ли чай из них пить, Раиса Саввична я попотчевать может. Все тут как самовару положено - пейте, горячего да душистого на здоровье. "В производство такое не запустишь - невыполнимо... - слышатся голоса сугубых рационалистов. - Можно запустить, - говорит Вакула, и чтобы на "невыполнимость" не ссылались, раскрывает свои "технологические карты". Художник фаянса про технологию не забывает...

2

Рыбина

Рыбина-Конарева Александра Васильевна, - человек особого склада.

Живется ей нелегко, огорчений всяких на долю вы-Спало много, но в людях она не разуверилась, людей "любит больше, чем себя самое, и на заводе, в поселке

цлатят ей чувствами добрыми, улыбками щедрыми. "' Дети - вот ее счастье. ' Ну, а жизнь? Жизнь - работа.

Александра Васильевна, или как зовут ее товарищи - "Шурочка", родом из российской глубинки. Детство прошло на Тамбовщине, там и художник в ней проявился. Счастливое детство... Отец Шуры, майор, коммунист, был большим любителем прекрасного. Учась в Ленинграде, он знакомил дочку с шедеврами мирового искусства в Эрмитаже и Русском музее, вводил ее в красоту улиц и площадей этого неповторимого города, же привил любовь к театру, музыке, книге. Худо-грественные способности девочки заметили еще в школьные годы. В Одессу, когда поехала туда, чтобы поступить в училище, захватила целый чемодан рисунков. Даже тот, кто никогда на земле тамбовской не был, рассмотрев их, составить достаточно точное представление об этом крае. И влюбленные в свое прекрасное Черное море одесситы признали юную абитуриентку, никогда прежде моря и не видавшую, достойной учиться в "самой Одессе". Одессу полюбила и она. Шумную, веселую, единственную... С удовольствием вспоминает Рыбина своих учителей. Они и знания давали, и к искусству приобщали. По вечерам студенты "бегали" в театры - их пропускали без билетов. Тогда-то прослушала весь оперный репертуар, познакомилась с творчеством художников театра. "Время было нелегкое, порою голодное, но мы были счастливы тем, что учимся в таком красивом городе и живем в такой замечательной стране..."

А.В. Рыбина

Но это уже из тайников памяти. Почти три десятилетия как училище закончила. И столько же работает по единственной на всю жизнь специальности, на единственном (и тоже на всю жизнь) ее заводе.

Тут все ее, решительно все. В лаборатории... в цехах... в поселке... Затеяли осенний бал молодых - и сколько вечеров проведут они с Галиной Кломбицкой, чтобы сделать соответствующие - осенние - панно для зала клуба, а потом долго еще радоваться будут, слушая, как в цехах вспоминают открывшуюся молодежи красоту: "какие были листья на березках - золотистые, как живые!.." В поселковом клубе - ее подарок Будам: четырехметровое декоративное панно "Песня Украины", созданное по эскизу и при горячем участии Рыбиной... Приглашают в школу, где учились ее Таня и Вася) она не только сама идет, но и товарищей с собою кличет: "Может там будущее нашего завода... не только расскажем, но и покажем... побольше да получше покажем..."

К ней приходят радостью похвалиться - своей собственной или детей-внуков, посоветоваться по делам житейским, а то и поплакать; всякое в жизни бывает - ей-то это известно, не занимать-стать опыта. Недаром в поселковый Совет выбирали - народным депутатом! Дорого стоит такое доверие.

К чему все это здесь? - вправе спросить меня читатель. Про детей... бал... слезы?..

По мне - к месту. Душа художника-душа фаянса. На мир, на жизнь смотрит она глазами небезразличными - заинтересованными, дружелюбными. Мир для нее - не только природа.

О, природу эта немолодая, усталая женщина чувствует, как немногие среди нас! Цветы для Рыбиной, как люди, - общаются между собою, улыбаются друг другу, полный смысла разговор ведут. Разговор, понятный им самим, да еще ей. И потому нет неодушевленных узоров на фаянсе, который она расписывает, все тут продуманно и оправданно.

Навсегда полюбились ей Украина - во всем богатстве и разнообразии земных красок, в радужном цветении садов и полей, в неповторимых переливах рек и озер, в талантах и доброте людей. Тамбовщина иногда снится, а Харьковщина с нею всегда. Настенное блюдо "Харьков" она расписала так, что без нагромождения деталей - природы... индустрии... - сумела передать и щедрость первой, и величие второй. Сотни квартир по всей стране украшает сейчас это блюдо - память о славном городе. Но куда ярче разноцветье украинских орнаментов в росписях прибора для завтрака "Народный", столового сервиза "Мечта", еще одного набора - "Веселка", и еще - "Охристого", и декоративного блюда, и задорного жбана... множества произведений, рожденных ее истинно народным талантом и отмеченных высокими премиями на самых ответственных выставках. Перечисляю и вижу, как хмурится Александра Васильевна, как торопится поправить меня: "не одна... не одна... не одна..." Знаю: форму "Веселки" придумывали втроем - с Иваном Сенем и Борисом Пянидой, "только" расписывала она сама, и "Мечта" родилась в том же содружестве, и жбан для кваса лепил Сень. Ей мило, ей любо содружество, оно вдохновляет на творчество и рождает новые придумки. Не от бедности собственного воображения - его у нее с избытком, а оттого, что людей она любит и быть с ними ей интересно, что щедра и на доброе слово, и на хорошее дело, идет Рыбина на творческие контакты со всеми, кто их не чурается.

В работе она всегда. На стенах квартиры - ее акварели. Пришел как-то поутру в гости. От завтрака отказался, но кувшин с холодным-прехолодным и вкуснейшим соком да ваза со взгромоздившимися на нее яблоками* нами оказались тут как тут. А вместе с ними... На цветастом блюде лежали фигурки, одна на другую непохожие, одна другой замысловатее. Ими можно было любоваться. Но есть? Сама мысль об этом казалась кощунством! Ни одной из фигурок я так и не коснулся. К явному огорчению гостеприимной хозяйки: "безделицы" были из теста и предназначались не для музея. Многие работы художницы музеи и выставки украшают. Ваза, например. "Родина" называется. В крепком и дружеском сплетении рук стоят по кругу будено-

; вец-боец гражданской, космонавт - наших дней герой, а меж ними, скрепляя союз времен, дивчина-кра-

йсавица в нарядном национальном уборе, само олицетворение цветущей и богатой Советской Украины. Не та дивчина и на декоративном блюде "Весна"? День за днем поет Рыбина красоту и красоту свою творит, Причем - главным образом -

не для выставочных экспозиций, хоть и побывали иные ее работы во многих странах. Ориентируется она на производство. Пусть люди пользуются, пусть радуются...

...Вася хормейстером будет - в Институте искусств учится, и успешно. Таня институт радиоэлектроники выбрала - во Львове она, от матери далеко, только в отпуск и видятся. У каждого в жизни свой путь. Пусть он будет счастливым. А что для счастья главное? Радость творчества!

3

Сень

Фамилия у него как веселый мячик. И весь он - лицом и телом - округлый. Что в разговоре, что в деле неспешный, с теплым, ласкающим взглядом по обыкновению прищуренных глаз - такой Иван Порфирьевич Сень на людях, в мастерской своей, дома.

Думаю, и даже уверен: когда человеку посвящают стихи, человек этот стоящий.

Его товарищ по работе и признанный заводской поэт Николаев подарил свое стихотворение Сенью, когда тому "стукнуло" пятьдесят.

Отак задумався собі,
Згадав т! давш роки,
Коли були ще молод!, -
І дивний б!ль-непокш
Запав у душу, і печаль
Заполонила груди:
Тих славних роюв стало жаль -
Ім вороття не буде!
Бурхливо котиться життя,
Як безкшечна повють:
Старе зникає в небуття,
Нове стшить натом!сть.
І хочеться в цей день мен!
Тобі сказати, друже:
Хай не сшшать л!та твоГ,
Хай серце б'ється дужо!

В те же дни он, Николаев, в заводской газете вспомнил, как три десятилетия тому назад в одном из коридоров Миргородского керамического техникума увидел группу знакомых ему ребят, а среди них парня не по возрасту солидной комплекции. На круглом розовом лице его сияла широкая улыбка. Рассказывал он явно интересное. Подойдя ближе, Николай Борисович, тогда просто "Микола", услышал увлеченный рассказ Вани (так обращались к парню все) о первых месяцах его работы на фаянсовом заводе в Будах.

Прошел год, и этот же завод свел их навсегда.

...Свой выбор Сень сделал в седьмом классе. Правда, заканчивал его много позднее, чем обычно. Широкая Долина, как и вся Полтавщина, была под фашистом, и к учебе, прерванной в сорок первом, вернуться удалось лишь после изгнания захватчиков. Так вот в седьмом и попал он с одноклассниками в Миргород - на экскурсию поехали. А Миргород это, конечно, техникум. А техникум - разные мастерские, среди которых гончарная. И возле гончаров задержался Ваня настолько, что все уехали, и он добирался обратно на попутной. Зато решил для себя твердо: учиться только здесь.

Иные на заводе обиду строят, когда назовут их - шутя или всерьез - "горшечниками". Его такой титул никогда не оскорблял, не печалил. Дорости бы до искусства прославленных народных мастеров гончарного дела, художников-самоучек, что поколениями красоту творили... Всякий раз, когда ездит он в родные места, не преминет взглянуться в решетиловскую вышивку, опо-шнянскую керамику, старые-престарые миски, кувшины, жбаны, куманцы и всегда возвращается с новыми идеями, новыми замыслами. Часто вспоминает своих миргородских учителей Г. Я. Павелко и В. С. Панащатенко, и эти воспоминания зовут-будоражат - работать и работать!

В фаянс Сень просто-таки влюблен. "Народный он весь, сам к людям льнет, душу свою им раскрывает..." - это его слова, от него услышанные.

Не только мастер материал, но и материал мастера чувствует. Будто бы понимает белая глина, что из рук Ивана Порфирьевича безликой ей не выйти. Спешки в деле он не терпит. Уж так скрупулезно шлифует каждую деталь задуманной формы... С таким тщанием выводит малейший, даже не так чтобы важный, штрих накладывает любой мазок будущего декора... Покажется ему, что "не достиг" - никого слушать не станет, ни на какие уговоры не пойдет. И все сначала. Воля, требовательность, трудолюбие Сень вошли на заводе в поговорку.

И.П. Сень

Художник владеет чуть ли не любой техникой деко-рирования, которая сегодня в керамике используется. Глубокая печать, аэрография, шелкография... ручная роспись надполивными и подполивными красками... роспись ангобом, солями металлов, цветной глазурью... Сень до всего страсть как любопытен, а смелости в работе, того, что дерзанием называют, ему занимать не приходится. Если не врожденное это у него, так приобретенное на заводе, - родном ему заводе, на котором и художником стал, и коммунистом, и партийным вожаком.

Иван Порфирьевич не скор на подъем, когда речь идет о поездках, тем более дальних. Не любит надолго отрываться от дела, и когда его уговаривать начинают, отвечает улыбочиво: "Пусть уж за меня фаянс ездит... Он покрасивее меня и поклонниц найдет скорее..."

Поклонниц (и поклонников) у его фаянса действительно много. Они могут и не знать, кто все это сотворил, но от витрин их не оторвешь.

Сужу по себе.

Вчера был день воскресный, пришли к нам друзья, и хозяйка начала выставлять на стол еще никем не виданный фруктово-ягодный набор "Майские цветы", купленный мною в маленьком будянском магазине посуды. Откровенно признаюсь: в

первое мгновение мне стало даже обидно за яблоки и груши, персики и виноград, за которыми я специально ходил в это утро на рынок. Никто на них не смотрел - все внимание поглотил сам фаянс. Удивительно уютный по своим формам, он вторгся, властно вошел в комнату полпредом природы в ее майском цветенье, волшебным превратив стол в уголок весеннего сада. Между тем тут не было ни одного красного, оранжевого, желтого мазка, ни малейшего намека на золото, а только различные тона и оттенки синего цвета - от густого черно-синего до самого бледного, серо-голубого, едва выделяющегося на естественной белизне поверхности. Подглазурные краски выглядели так свежо, что оторвать от них взгляд было невозможно. И настроило это чудо на разговор о далеком еще мае и о прекрасном искусстве, способном возвышать настроение, украшать быт и жизнь.

Конечно, я рассказал друзьям о Сене - авторе рукотворной красоты, и по добромудрому порадовался единодушию оценки, данной его работе. Одной из многих работ, которые он выполнил за три десятилетия своей жизни в прикладном искусстве. Мне вспоминаются и его сервиз "Харьковская осень", и его по-особому нежный "Малышок", и "Вечерний холодильник" - набор для кухни, сделанный в содружестве в Варварой Афанасьевной Куц, и бесчисленные подарочные кружки, деко" ративные миски, тарелки... перечислять и не перечислить.

Работ много, стиль и почерк мастера едины, но при всем том одна вещь на другую не похожа, одна с другой будто спор ведут.

"Харьковская осень" - сервиз, а точнее набор столовой посуды. Сам подбор ее выдержан в украинском национальном характере - тут глек и глечики, миски и кружки. Мягкие золотисто-зеленые тона, народная традиция декорирования, украинский орнамент.

- Почему "харьковская"?

- Это как воспоминание о валковском мастере - настоящем искуснике. Со времени той, давней уже, встречи много воды утекло, а забыть первые, и самые острые, впечатления не в силах. И захотелось "не то что посостязаться, но свое слово сказать...

"Малышок" - работа совсем иного характера. Она ".т светлой, доброй души любящего деда. Тоже набор, но детский. Кувшин и чашечки для молока, подставки ля яиц... Серо-голубой тон, веселые по нему полосы . будто разбежались по столу цыплята... Внуку нра-Итсья. Нравится другим детям. А он рад - его подарок... Есть у Ивана Порфирьевича награды; орденов и званий, правда, пока нет, но медали получал - и государственные, и ВДНХ. Не обойден за работы свои премимии - что на местных конкурсах, что на республиканских. Проходил в Вильнюсе международный симпозиум ерамиков - посвящался он национальным традициям декоративном искусстве. Сень вместе с Вакулой и Николаевым представляли там украинский фаянс. представили достойно: жюри отметило, что их работы развивают классические традиции народного искусства В одновременно являются оригинальными произведениями нашего времени". Это, конечно, признание, которое е радовать не может.

Но радоваться, по правде говоря, некогда. Работать надо - искать, придумывать, пробовать. Линию свою искусстве продолжать - пока и увлеченность есть, и ал не занимать. ".Эти стихи Николаев посвятил ему!

Доки думка легкокрила, Доки дужа творча сила, Доки серцем не банкроти - До роботи, до роботи! Щоб сказали потім люди, Коли нас уже не буде: То були майстри дбайливі!, В творчій праці не лшив!, Не для слави працювали - о Людям радість дарували.

Жизнеописание Николая Николаева

Родился на Григория, а назвали Николаем. В селе рожден был, значит пахать-сеять, а стал художником.

Из неожиданностей, из контрастов жизнь соткана. Ну, а всмотришься пристальнее - всему свое оправдание находится, все в дело идет, в ряд выстраивается. И выходит - никаких тебе случайностей.

1

Барановка - так село то зовут, наипервейшее в его жизни.

На Полтавщине оно, совсем близко от Диканьки. Той самой, что Гоголем воспета: "Вечера на хуторе близ Диканьки". Между прочим, до Сорочинцев от Барановки и вовсе рукой подать. Опять же не просто Сорочинцев, а тоже гоголевских, им, бессмертным, прославленных.

У каждого из этих названий своя биография, своя доля, а мы - поколение за поколением - всякий раз Гоголя вспоминаем. Он первым истинную поэзию их почувствовал, первым хвалу им воздал.

Мать из вольного казачьего рода вышла. Сулим - ее фамилия по отцу, по деду. Слыхивала от них, что запорожцами давние, коренные Сулимы были, и гордилась этим; репродукцию с картины Репина на видное место повесила, вместо портретов предков, которые изображений своих не оставили.

Отца на Полтавщину занесли буйные ветры гражданской войны. Новгородский родом, из мужиков тамошних, рано стал он питерским мастеровым-пролетарием, в мировую войну горя горького хлебнул вдоволь, а в семнадцатом путь себе выбрал на всю остальную жизнь - в партию коммунистов вступил, воевать за Советы начал, комиссаром в полку красных гусар прошел сотни верст. На боевых путях и суженую встречу тил - гусары как раз на земле этой банды громили.

Николая - он родился в двадцать пятом - назвали в честь деда по отцу. Святых в их хате, сколько помнит, не праздновали, а в красном углу висел портрет Ленина.

Земля полтавская стала для Бориса Николаева навсегда своей, дорогой. Тут налаживал совместную обработку земли, тут колхозы строил. Одним из первых председателей в Барановке был он. Мать жила его, мужа, интересами, и быть "председательшей" для нее означало одно: так вести себя, чтобы никто сказать не мог, будто жинка у "головы" от дела прячется. Да и без того не пряталась бы - с малолетства к работе привыкла. Ко всякой работе...

Он рано постиг полноту речи. От матери - украинской, от отца - русской. И когда нахлынет на него желание писать стихи, мысли, чувства выливаются то в слова украинские, то в русские.

Тэту... мамо... Давно уже нет их на белом свете, но в сердце его они живы, и жить будут всегда, сколько ходит по этой земле сам.

Мамо, мамо...

3 малечих л!т

До билих скронь
Тепло шорстких
Твоих долонь
І доброти
Просту красу,
Очей задумливих
Ясу
І лагідність Речей твоїх,
И посмишку,
І щирий см!х,
І слив отих
Душевний стрий –
"Дитя мое,
Синочку мое..."
Ношу як скарб
В душ! своей,
Безцінний скарб,
Едино м!й,
Любое! скарб, .
И вогонь...
З малечих л!т.
До б!лих скронь.

А эти - об отце, и тон их, при всей сыновней любви, по-мужски сдержан, суров. Отец мой многое видал, С суровой явью жизни споря. Он три войны отвоевал, Хлебнув беды и вдоволь горя. Но в пламени военных гроз. И в жарких буднях мирной жизни В душе своей, как светоч, нес Любовь великую к Отчизне. Он видел Ленина живым. Он слушал ленинские речи И шел в борьбе путем земным, Весь пр~1вдой Ленинской просвечен, Я верен памяти отца, И жизнь свою по нем сверяю, Ту память в сердце до конца Хранить и внукам завещаю...

Вот они, начала всего доброго, что в нем есть, истоки его жизни и творчества: нежность матери и сила отца - любовь и мужество.

Там, в Барановке, начал Николай рисовать.

В роду Сулимов это была "семейная болезнь". Иван Демьянович, брат матери, в будущем генерал-майор войск связи, пронес свое увлечение через всю жизнь. Начальствуя после войны в училище, он организовал там изостудию и редко когда пропускал занятия. Писал, в основном, пейзажи... Хорошо рисовала Ульяна Васильевна Самойленко - их близкая родственница; она даже училась этому искусству в Харькове, но помешала война... Стала бы художницей, непременно стала, сестренка Оля - жизнь ее оборвалась в шестнадцать, в военном 1944-м...

Николаев вспоминает:

"Помню, в годы, когда отец председательствовал в Барановке, в колхоз как-то приехали шефы-студенты и преподаватели одного из харьковских вузов. Студент, по фамилии Огурцов, полюбился отцу, и он часто приглашал его к нам. Однажды я нарисовал карандашом его портрет - в профиль, за обедом. Получилось как будто похоже и даже "в характере". Огурцову портрет понравился, он взял его себе "на память" и сказал, что мне бы поучиться в детской художественной школе... Уехал, а

скоро пришло письмо: привозите, мол, Микрлку, определим его на учење. Но мать, прочитав письмо, в предчувствии разлуки со старшим чадом расплакалась и решительно сказала: "Не пуцу дитё, подрастет повезем"... Было ли у меня самого желание ехать куда-то в незнакомый город, не знаю, но учиться рисовать хотелось..." ...Учиться удалось лишь много позже.

Из Барановки переехали Николаевы в Сагайдак.

Тоже Полтавщина, но степная.

Поля и поля - раздолье...

Новое поначалу непривычно, но прекрасное в нем шаг за шагом подманивает, притягивает ближе, и становится вся эта новизна органичной, неотторжимой частью глубинного твоего "я", всей тебе родной, тебя чарующей земной красоты.

Шовков! травы,

квत्व барвограй,

Зелен! луки,

хвшп блискотлив!,

Л!си, поля, дороги - рщний край

Носи довшу

У душ! щасливш.

Красотой любитесь каждый - на то и глаза даны. Но просто любоваться землей, рекой, небом - это еще не значит быть художником. Вот когда властно захватит желание посостязаться с красотой нерукотворной на бумаге, на холсте - карандашом ли, краской, тогда-то знай: в тебе проснулся, тебя в полон берет художник. И не противься - не совладаешь.

Н.Б. Николаев

Рисовал, лепил, выпиливал. Что видел, то и воспроизводил. В школе хвалили, дома тоже. "Учись..." Учиться рисованию хотелось все больше. Но после семилетки не на художника пошел учиться - хотя совсем близко, можно сказать "под боком", находился Миргородский техникум. Нет, автодорожный выбрал. Дорожники, решил, нужнее. А решил так оттого, что земная красота с малолетства для него стала неотделимой от круговерти дел, которыми занимался отец, председательствовавший и в Сагайдаке, от всего, чем жили правленцы и партийцы, допоздна обсуждавшие в их хате бесконечные нужды сельской жизни. Хотелось стать с ними Вровень, а значит обучиться тому, что для дела важнее.

Дороги были важнее его художественных увлечений, и решение он принял без колебаний.

И стал бы неплохим дорожником, но...

В пятнадцать годков солидность к человеку не приходит. Иной раз сдается, будто за спиной крылья. А упал, ушибся - эка важность: "до свадьбы заживет". И то правда - заживает...

Ушиб, полученный в начале ученья, дал себя знать, когда Николай поехал на практику. Беда подкралась к нему в шестнадцать, в лихолетье военное.

Про войну он узнал на Ворошиловградщине. "Замените техника-дорожника, - сказали ему .. - Два курса проучились, кое-что знаете. В зачетке как?"...

В зачетке было все в порядке - учился лучше многих. Только одно дело учебные отметки и совсем другое- стройка. Да еще какая! Дороги к запасному полевому аэродрому... Мост через речку Белую, которая у Белолуцка сливается с рекой Айдар... И чтоб даже танк мог по мосту пройти... Рабочих человек двести - старики, женщины, такие же подростки, как он. Энтузиазма сколько угодно, но надо сжать его в один, и крепкий, кулак, надо в дело направить. Это на его совести, а он... он не у-м е-е т. "Ты, парень, мне растолковывай, а я людям разобъясню... Моей бороде поверят хутчее..." Мудрый старик-десятник - век помнить будет. До самой осени вместе работали. Пока тот же дед Опанас сказал: "Сматывай отседова, сынок, больной ты - одни глаза и остались. Как только до села своего доберешься..."

Добирался шесть дней, шесть ночей.

Дома хватило сил только для того, чтобы вместе с братишкой Алешей помочь матери поставить печь в хате, которую Николаевы строили в предвоенный год.

И свалился: отказали ноги.

Про это тоже в стихах его есть.

Було: щербатою косою

Смерть замахнулась над! мною,

Страшный недуг - огидний спрут -

Гнув юнь мою, неначе прут...

І в т!м, що вижив в боротьб!,

Примусив лихо вщступати,-

Тоб! завдячую, тоб!,

Моя кохана мати.

Мамо, мамо... И вторым своим рождением обязан я тебе-твоей любви, твоему самоотвержению. Просто ли было отвести неумолимую смерть от тяжело, безнадежно больного сына, да еще в такую лихую пору, когда ей, костлявой, фашист открыл все дороги? Не верила она в "безнадежность", хоть и твердили все- "не жилец".

На родной земле лютовал враг, а смогла же, ухитрилась переправить неподвижного сына в Полтаву, где - как только дозналась? - чудом продолжал свое существование диспансер для "костных". И не проста переправить, но и находить - опять же, как? - лазейки, чтобы подкармливать сынка и таких, как он, тем, что удавалось утаить от врага. Не раз останавливали, перехватывали, обирали дочиста, но делала свое снова - лишь бы жил ее "Миколка", стал бы на ноги.

Верила, надеялась, боролась...

Больничка на Садовой оставалась советской. Вопреки всему - советской. Фашист опустошил все сусеки, вывез все припасы. Чтобы отвадить непрошенных гостей, персонал объявил: "тиф". Тифа оккупанты боялись и наведываться перестали. А среди закованных в гипс подростков и детей появились люди взрослые. Например, Шрамченко Михаил, парень из Волчанска, покалеченный летчик. Сколько порассказал

он им о боях с гитлеровцами, о героизме красных авиаторов, пехотинцев, артиллеристов! "Наша возьмет!" - говорил уверенно и повторял это день за днем.

Под впечатлением его рассказов Николай сочинил стихи о войне; в них звучала та же уверенность, что и в словах недвижимого сокола. Сочинил и прочитал, под шумное одобрение всех.

"Стихи свои, помнится, я записывал на чистой стороне листов с иллюстрациями в книге Жюль Верна "Таинственный остров". Ни один из них не сохранился. Да и не искал потом, конечно..."

Шрамченко первым дал Николаю понять, что и рисунки его - не забава, а занятие полезное, нужное. Может, в первый раз тогда увидел неподвижный художник, как зажигаются глазенки скованных гипсом ребятишек при виде живых красок на бумажных листках.

Голод давал о себе знать. Очень хотелось есть... "очень... И опять сгодилась придумка неистощимого авиатора. В палате, лежа на спинах, организовали целое производство. Какое? Игральных карт! Михаил с Васей Тараном заготавливали "полуфабрикаты", он рисовал королей, дам, валетов. За неделю успевали сделать колод пять. А это - не шутка - пять буха-

*нок хлеба, картошка, может, сало. И самим подкрепление, и младшим поддержка, и нянюшкам гостинец. Когда сыт - известное дело - настроение поднимается; Еще больше поднималось оно от вестей с фронтов: 'Мишины товарищи перешли в наступление. А как радовались в палатах бомбежке, устроенной советской 'авиацией весной 1943 года... Дрожали, вылетали стек-!ла в окнах, а они что есть силы кричали: "Наши! Наши!"

"Как-то одна из бомб, во время очередной бомбежки, угодила на территорию диспансера: по соседству, в парке имени Панаса Мирного, фашист маскировал свои танки и самоходки. Осколками был ранен в обе ноги врач. Когда его проносили мимо коек, он приподнялся на локтях и ободряюще воскликнул: "Ничего, ребята, это наши бомбят!" - и потерял сознание. Эти слова запомнились мне на всю жизнь. Жаль, запомнил фамилию мужественного человека и патриота..."

...Шрамченко до освобождения Полтавы не дожил. Уж слишком покалечен был - в чем только жизнь держалась...

Есть в Полтавском краеведческом музее уголок Ляли Убийковк. Его украшает декоративная ваза с портретом отважной комсомолки по центру.

Вазу создали Николаев с Сенем. Как памятник героине создали. А памятники раньше всего в сердцах рождаются...

В его сердце "Лялин уголок" образовался еще тогда, в сорок втором.

Константин Григорьевич, отец подпольщицы, был отцом и им, неподвижным затворником. Каждый приход врача приносил радость общения с душевным человеком, который умел вызвать улыбку, согреть участием даже тех, чьи дела были совсем плохи, и тогда даже, когда самому ох как было невесело.

Он приходил к ним и на другой день после рокового 26 мая 1942-го, когда перед заходом солнца, за городским кладбищем в Полтаве, гестаповцы расстреляли Лялю и ее друзей по борьбе - Сергея Сапегу, Бориса Сергу, Валентину Сороку, Леонида Пузанова, Сергея Ильевского. Накануне казни добрые люди передали ему прощальное письмо дочери: "Сегодня-завтра - я не знаю когда - меня расстреляют за то, что я не могу идти против своей совести, за то, что я комсомолка. Я не боюсь умирать и умру спокойно..."

О подпольной группе, которой руководила дочь, врач Убийвовк знал - пусть далеко не все, но знал.

Она была очень талантлива, его девочка. о На физмате Харьковского университета Лялю считали одной из самых способных студенток.

Война застигла ее в родительском доме. И с первых дней оккупации включилась Ляля в борьбу. Она сплотила небольшую группу надежных товарищей, наладила прием и распространение сводок Совинформ-бюро (две тысячи листовок за несколько месяцев!), организовала сбор оружия для будущих активных вылазок. Удалось связаться с партизанами в Дикань-ских лесах - командовал отрядом коммунист Жаров. По заданию партизанского штаба "Непокоренная полтавчанка" стала устраивать побегии военнопленных, которые тотчас переправлялись в расположение народных мстителей. Восемнадцать бойцов и офицеров удалось вырвать из неволи.

Но были они доверчивы и неопытны - Ляля, Сергей и другие подпольщики. Небольшой промах и вот... арест... "Папа, родной! Ты мужчина и должен перенести все, что будет, как мужчина, - писала она отцу. - У меня один на сто шансов выйти отсюда... Смерти я не боюсь... Я выполню свой долг - не впутая невинных людей и, если нужно, стойко умру..."

Так и умерла - с гордо поднятой головой. А выстрелы за кладбищем разбудили многих. В бой позвали, сил придали. И им в больнице тоже - хоть не могли стать на ноги.

...Лицо у Ляли светлое, одухотворенное. Взгляд проникает в самое сердце. Она будто спрашивает: как живешь, человек? достоин ли нас, погибших?

Но и Ляля, и многое другое, тоже сокровенное, при-шли в его фаянс гораздо позднее. Дорога к своему, индивидуальному, а потом неповторимому, пролегла через всю - именно всю - жизнь. , "Гипсовую кровать" (как нежно, мягко именуется та страшная, и спасительная, "клетка на годы"...) снять ; него рискнули только летом 1945 года. Августовским днем того великого года сделал он 1Вый свой шаг - робкий, неуверенный, тревожный, шаг на встречу непонятному и неизвестному пока будущему. Шагнул и упал. Будет ли ходить? Шагнул еще раз и - не упал. Поддержал отец. На венгерской земле получил он тяжелую рану, но язмог, выстоял. Не один месяц лечился в госпи-ие - вышел "на своих двоих". Сыну нужны были его чо, его рука...

Менее всего, понимал Борис Николаевич, будет поле-Николаю покой - удел болящих. Нет, жить - так всю катушку. Пусть поглубже окунется в тревоги заботы колхозной жизни труднейшего послегрозья, учёт - в учетчики! Приемщик - в приёмщики! Ни от чего не отказывался Николай.

С особым чувством писал Николаев свою землячку-полтавчанку. Было то в пятидесятые годы.

Возвращался к жизни. Стенную газету кому поручить? Николаеву-младшему. Правление к празднику украсить? "Давайте я..."

- Учиться тебе надо,- сказал как-то за семейном столом брат матери, что учительствовал в Тульчине, а в село наезжал, когда выпадало время. - Гляжу в твою зачетку: отличник!..

- В дорожный мне теперь заказано...

- Про дорожный не говорю. Дорога у тебя другая - в художники!

Николай безнадежно покачал головой. Но дядька был человеком упрямым и упорным. Перед отъездом собрал все рисунки Николая - все, что на глаза попались, а заодно прихватил и зачетную книжку с отметками за два курса - отметками впрямь отличными.

"Ну и пусть себе берет - рисунков он понаделает сколько угодно, а зачетка только глаза мозолит, и вообще предмет уже не нужный..."

...Вызов из Миргорода был для него неожиданностью. "Явитесь для решения вопроса о зачислении на третий курс художественного отделения" - значилось в бумаге со штампом в углу.

Просить себя, понятное дело, не заставил...

В Миргородском керамическом техникуме он забыл, кажется, обо всем, и о болезни своей тоже.

Такое уже это место - сама атмосфера его пронизана, напоена искусством. Народным, исконным, украинским. Каждому тут близким и всех соединяющим...

О техникуме вспоминаем мы часто, и это закономерно: для доброй половины художников Буд жизнь в искусстве начиналась здесь, в его классах и мастерских.

В Миргороде впервые раскрылись перед ними все богатство национальных традиций, весь артистизм тех, кто искони стремился вносить прекрасное в быт, не просто украшая, но возвышая действительность. Любой орнамент, каждый узор рассказывал им о характерах мастеров, их щедрых душах, их жизненной силе, и в причудливых сплетениях петухов, коней, цветов, трав читали они повесть о светлых чувствах и фантастических надеждах безымянных гончаров, вышивальщиц, резчиков - сынов и дочек народа.

Сколько мощи, оптимизма в этом радостном, красочном искусстве, полетом своим устремленным в будущее...

Но оно, искусство, не может жить повторением пройденного. Копирование сделанного не тобою - ремесленничество, не более. И занятия в техникуме несли убежденность в том, что можно подняться выше, добиться большего, раскрыться ярче.

Спасибо вам, наставники, за то, что ввели в замечательный мир живописи, графики, ваяния, познакомили с Микеланджело и Репиным, Рембрандтом и Фаворским, Роденом и Мухиной, показали истинные возможности обыкновенной глины, которая в руках творца способна стать прекрасным изделием фарфора, фаянса, майолики - таким изделием, перед которым надолго замирают у музейных витрин мира. И снова, снова вспоминаются Григорий Яковлевич Павелко, Валентина Степановна Панащатенко, Михаил Григорьевич Мирошниченко - учителя в Миргороде. Их уроки не забыть...

Первую практику Николаев проходил в Будах.

В далекие юные годы Судьбу здесь свою я нашел, Сроднился с любимым заводом, Товарищей верных обрел...

Но нет, эти стихи он написал много позже. Тогда же, на практике после третьего курса, особого впечатления на него завод не произвел. Он "гнал массовку", то, что выпускалось, лица своего не имело; художники занимались расписыванием мисок - одно и то же каждый день. С любопытством смотрел на изделия давние - действительно художественные. Однако мало верилось в то, что скоро придет время заниматься и этим.

После четвертого поехал в Коростень, на завод фарфора. Дипломной его работой стала декоративная ваза "Мичурин". Роспись понравилась. В техникум пошла именная заявка: "откомандируйте выпускника Николаева в наше распоряжение..."

Коростень так Коростень. Если говорить без утайки, честно, - ему было все равно. Приятно, что зовут, но...

Когда товарищ по ученью, Собко, попросил "сменяться назначениями" - по каким-то причинам однокашнику нужен был именно Коростень, - Николай без лишних уговоров согласился на завод в Будах.

Он всегда мечтал о красоте - сколько себя помнит. Но как превратно представлял ее порою даже когда начал учиться в техникуме! А потом, став "художником с дипломом", не подменял ли иной раз истинно красивое украшательством, истинно изящное зрешней помпезностью? Что уж тут говорить - было. И незачем оправдываться: не у него, мол, одного, а чуть ли не во всем декоративном искусстве.

Молодые в начале пятидесятых годов художники Буд отдали и свою дань распространившемуся тогда "новому стилю". Заповеди его - простота! лаконизм! утилитарность! - звучали вполне убедительно, импонировали им, а оборачивались огорчительной "похожестью" одного мастера на другого.

Но будянкам всегда помогала исконная, природная их близость к живительному источнику украинского народного творчества, и на этот раз победила единственно плодотворная линия - на развитие всех художественных склонностей, манер, стилей.

...Первые полгода корпел он над росписью не им придуманных узоров все тех же мисок в "украинском стиле". Удобные в быту, в меру нарядные, они раскупались хорошо, заказов поступало больше, больше. Но ведь это было одно и то же - никакой фантазии, никакого творчества. А стремился именно к творчеству. Месяцы, конечно, проходили не впустую. На подготовке, на формовке, у печей обжига и в своем, живо-писном цехе, все глубже постигал он сокровенные тайны белой глины, ее возможности и капризы. Со всеми "стариками" знакомство свел - и столько порассказали ему о фаянсе художники-самоучки Василий Егорович Ка-луцкий и Елизавета Иосифовна Кондратенко. "Производственные образцы-эталоны, выполненные ими, были на очень высоком, по тому времени, уровне; они отличались точностью линий, смелостью мазка, композиционным изяществом. Мы, младшее поколение, - И. Сень, А. Рыбина и я, работая вместе с ними, учились у этих самородков мастерству керамической росписи. И надо отдать им должное - они никогда не прятали от нас "секретов" своего творчества и мастерства..." Много дало молодым общение с такими ветеранами, как Иван Трофимович Грамма, Владимир Николаевич Беспалов, Николай Васильевич Климов. Климов был живым хранителем истории завода, ревнителем лучших его традиций - слушать его могли бесконечно.

Но Николаев и его товарищи не только слушали. Не терпелось испытать себя в деле, силы собственные проверить, свое, новое внести. И снова из рассказа художника: "Много лет на заводе работал отличный гравер и клишист Александр Федорович Конарев, мой ровесник. Совместно с ним мы освоили, вернее впервые применили декорирование фаянса штампом с так называемым цветным пудражом. В этой технике я выполнил несколько циклов рисунков птиц и животных, соответственно стилизованных: "Курочка", "Синичка", "Журавль", "Зимородок", "Ежик" и многие

другие. Все они, или почти все, в республиканском художественном совете получили отличную оценку и выпускались на тарелках миллионными тиражами..."

Жил и работал Николаев увлеченно. В мир вглядывался, рисовал карандашом, писал красками. И продолжал свой неизменный дневник в стихах. Каждое стихотворение было ненарисованной картинкой.

Отцветает под кустом смущенно Медуница радугой живой, И береза шарфиком зеленым Ловит ветер шалый, озорной. Зазвенели ласточки под крышей, Золотятся ивы над рекой... Отшумел апрель и гостем вышел. Машет всем прощальной рукой.

Хотелось, очень хотелось воплотить это в фаянсе.

Это и многое другое...

Исполнение сокровенного приблизилось с переходом в художественную лабораторию, которую не спеша, но настойчиво создавал Сергей Панасюк, назначенный главным художником завода.

Теперь трудно припомнить, какая работа была первой, что и в какой уже последовательности выполнялось. Кажется, будто сразу, одновременно рождалось несколько вещей. Одна идея зажигала другую.

А ранком знову буде день новий, Засяє сонце л!тне, променисте. Я принесу за ст!л робочий свш І запах трав, і шум рясного листя, І бигай цв!т ромашок польових, І сити сМіх дзвшочюв лшових... І св!тла рад!сть в серц! буде жити, Уяву творчу квапить і будити.

Тогда-то родилась его с Сенем "Ляля Убийвовк" - Ц^аза-памятник, ваза-воспоминание.

И еще одна - монументальная, величавая: "Десять Победы". Делали ее почти год. Большой группой пали. Панасюк, Пиманкин. Сень, он, Николаев,- художники и скульпторы. Анатолий Мирошниченко - модельмастер. А сколько людей еще - в каждом цехе, на каждом участке, через которые необычайная ваза проходила...

Но главное - проходила она через сердца людские, через судьбы авторов.

10

Порою спрашивают: как родился замысел? о чем думал, когда над осуществлением его работал? какие чувства в то или иное свое произведение вкладывал?

Спросить просто, а вот ответить...

На этой, полутораметровой по высоте, вазе он живописал, главным образом, орден Победы и всеобщее, всенародное ликование, Победой рожденное.

А вспоминалось во время работы не только светлое, и бывало так, что вынужден был откладывать кисти - к горлу подступал ком, на глаза наворачивались слезы.

Среди полной тишины мастерская внезапно взрывалась ружейным залпом: то расстреливали Лялю и ее товарищей в сорок втором. Привычный, казалось бы, запах гари, доносившийся от печей обжига, вдруг вызывал в воображении пожар в родной Барановке, сожженной карателями. Представлялись солдатские, партизанские, стариковские, женские, детские могилы военных лет по всей Украине: куда ни едешь - они всюду. В одной-дед его, убитый захватчиками за непокорность, в другой - покалеченный войной Миша-летчик...

Шел жестокий кровавый бой

За свободу земли родной

В сорок третьем далеком году...
Вдруг в атаке упал солдат,
А домой-то - рукой подать.
Близок дом - белый-белый, в саду.
...Но горело село...

Сердце болью щемящей жгло -
Болью гнева и светлой любви...
И рванулся в предсмертный миг
Над землею прощальный крик:
- Здравствуй, Родина! Вечно живи!

На великий тот Парад он вывел и отца-фронтовика, и мать, и Лялю Убийвовк, и деда-десятника со строительства полевой дороги, и Шрамченко Михаила, и сверстников по Барановке, по Сагайдаку - тех, кто с орденами вернулся, и тех, кто головы в боях сложил; они всегда с ним и в нем... всегда, сколько жить будет...

На вазе он запечатлел их живыми, увековечил победителями. И потому не было в нем скорби-печали. Народ бессмертен - народу слава!

...К этой теме Николаев возвращается снова и снова.

В стихах. В росписях своих. В памятнике тем, кто погиб под Будами.

Памятник - творчество коллективное. Его - тоже...

11

Поначалу Николаева все больше тянуло к темам масштабным, даже глобальным. Подступали они к нему со всех сторон, и каждая для воплощения своего требовала места, площади. Это к тому, почему появилась целая серия декоративных ваз.

Три вазы были расписаны в содружестве с Владимиром Жежемским. Сейчас он преподает в художественном институте; дело это нужное, даже очень нужное, но, к сожалению, для собственного творчества времени оставляет не так уж много. Тогда же, работая вместе могли они сутками не уходить с завода, сутками искать единственно приемлемое решение и придумывать, пробовать, спорить без конца.

У Жежемского за плечами были основательная школа Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени Мухиной, постижение искусства советского и европейского фаянса. Николаев нес в себе глубокое понимание народных, украинских традиций керамики. Друг друга соавторы дополняли прекрасно.

...Космосом Николаев "заболел" невесть когда, еще в босоном своем детстве, сохранил восторг перед бесконечностью Вселенной в скованной гипсом юности, не растерял его - ни крупинки - потом, в жизни взрослой.

О космосе, его покорении написано им много стихов.

Лети, ракето, шляхом таемничим, Мчи назустр!ч незнании свггам... Слава, слава рукам робггничим, Слава смшивим творчим умам.

І прийдешиш людськ! поколшня, Як легенду, цей день збережуть... Мчи, ракето, кр!зь сонця промшня, В далях космосу креслячи путь.

Ту вазу свою они начали делать вскоре после запуска ервого искусственного спутника Земли. До полета Юрия Гагарина оставались годы дерзких исканий и сарюзабвенного труда многих-многих людей. Неукротимость полета подчеркивала уже сама форма азы, придуманная художниками вместе с их товарищем культптором

Пиманкиным. "Ваза-ракета" сужалась ерху - будто изготовился на старте стремительный корабль.

— По темно-синему фону шел великий мечтатель Циол. рювский - взгляд его был устремлен .ввысь, в звездное небо, а космические ветры трепали-развевали' бороду. Звезды художники выписали то золотзм"то люстром, одни светили, другие мерцали, и вся эта россыпь манила к себе - манила Циолковского, и их самих, и всех.

А понизу, образуя символически-многозначительное кольцо, опоясывали вазу силуэты Кремля и Заводов, Обсерватории и Земли - того, что поднимало ввысь. .

...Николаев работал с упоением. Его окрыляла жажда высоты, шедшая к нему от Жюль Верна, от немыслимо далеких звезд, на которые глядел, лежа навзничь, ночами, от рассказов Михаила, сокола с опаленными крыльями.

Лети, ракета, шляхом таемничим...

Теперь фантазию художника возвышала сама жизнь.

12

А сколько их все-таки вмещает жизнеописание "обыкновенного чудодея"?
Новых форм, новых рисунков?

- Не считал, - отвечает, пожимая плечами, Николаев.

- Не счесть, - вносит маленькое, но существенное, уточнение его коллега и друг Борис Пянида. А все же* как человек дотошный, не любящий оставлять без ответа ни один вопрос - свой ли, со стороны, он производит скрупулезный подсчет и скоро сам себя опровергает: - За тысячу... Больше тысячи...

Это лишь в фаянсе и на фаянсе. Рисунки в альбомах и на картоне... карандаш, акварель, масло... люди, природа, орнамент... - тут подсчеты и впрямь невозможны.

Что касается тиражей... О, им позавидует самый популярный поэт! Десятки миллионов тарелок, мисок, чашек, сувениров, наборов - поистине астрономичны количества воспроизведений того, что придумал, чему жизнь дал он.

Однако рядом с миллионами у художника, работающего "на производство", всегда идут единицы. Одно украшает быт многих, другое определяет высшие возможности мастера. Их, эти возможности, узнали уже не только в нашей стране. Где только не экспонировалось то, что он расписывал!

Марсель: прибор для воды, кофейный сервиз, куманец.

Монреаль: набор для вареников, солонки.

Чикаго: столовый сервиз "Новый", вазочка "Спираль".

Рио-де-Жанейро: прибор для холодных напитков.

Познань, Лейпциг, Загреб, Дамаск, Брно, Токио, Салоники. И сколько раз Москва, Киев, Харьков...

Но кто станет настаивать, что уникально только то, что существует в одном-единственном экземпляре? Кто рискнет сказать будто не уникальны "Баба Палажка", кувшин "Юбилейный", сервиз для кофе "Весна"?

...Любуются фаянсом звонким люди, Благодарят за вдохновенный труд. И, ласково шутя, поселок Буды Столицею фаянсовой зовут...

Так поется в песне о Будах. Песне, сочиненной им, Николаевым. А все-таки намного известнее песня иная, которая звучит в каждом листочке и каждом мазке на теплой, чуткой, живой поверхности фаянса.

Декоративные вазы по душе Николаеву и сейчас. А это значит, что быть им на пути его и дальше.

Но со временем приходит понимание: не в монументальности форм и тем - высшая радость художника. Зрелость подсказывает и убеждает: воплощение самой большой идеи возможно даже на крохотной площади миниатюры. Лишь бы сумел подняться до утверждения красоты и величия жизни...

В цех искусства механиком или технологом не входят - не тоже это, ни к чему. Ну, а если без технологии, без химии, без станка художник тут и не художник вовсе?...

Николаев владеет - да еще как виртуозно - разноликой техникой росписи.

- То, что делает Николаев, можно, с моей точки зрения, сравнить с работами золотых дел мастера. Они не выделяются колющей глаза яркостью, но их можно очень и очень долго рассматривать, как прекрасно отшлифованный драгоценный камень, находя все новые оттенки, всплески, грани.

Так говорит о товарище Галина Ивановна Кломбиц-кая. Она пытается быть спокойной, рассудительной, но... взрывается эмоциями:

- Превосходный рисовальщик! Неистощимый экспериментатор! Ювелир!

Непосвященному кажется диковинным: художник накладывает на черепок - пористый, прошедший всего-навсего предварительный обжиг, всасывающий краску, словно губка, - какие-то блеклые, однообразно-серые мазки и, сколько ни смотри, видишь только оттенки одного и того же невыразительного, "скучного", серого цвета. А это рождается многокрасочный художественный ансамбль, который поразит на выставках многих. До форы, до времени истинные краски его видеть лишь автору, и гораздо позже, после обжига, явятся они Другим. Он, как композитор, вслушивающийся в себя, в рождающий неповторимую мелодию... веноч мелодий...

Именно неповторимое - в том-то прелесть. Диву даешь ся, как достигается такое живописное многоцветье, которое способно передать торжество живой, бурлящей, полной внутренней силы природы.-

Язык узоров для него родной, до малейших оттенков понятный, как понятна, дорога и милая земля, и песня народная, и душа матери. В этих узорах, в этих соцветьях- сама Украина.

Она и в национальных характерах. Влекут к себе Николаева народные типы, и приходят к нему из сказок и дум, из давнего и недавнего прошлого...

14

У деда с трубкой имени нет. Дед да дед - и так все его знают; маленького, веселого старикана с большущей люлькой, которую он старательно, не первый уж час, посасывает.

Нарисовал сначала "просто так", в порыве разыгравшейся фантазии - видел этаких хитрющих дедуганов в Барановке, в Сагайдаке; да и собственный дед - тот, которого фашисты убили, - представлялся таким.

Рисовал, конечно, не без мысли о фаянсе, но показывать не спешил - смысла в этом не видел. И лежать бы "проекту" долго, не кинь на него взгляд Пиманкин.

- А давай-ка вылепим!

- Если охота, можно...

Вылепили. Форма удалась сразу - просто на удивление. В глине дед был еще забавнее. Теперь уже не терпелось пройтись по нему красками, оживить ангобами. И совсем заулыбался старичок, пуще прежнего заулыбался.

Любовались им все. Пиманкин же выдал:

- Бабку надо!

- Какую-такую бабушку?

- Подумай!

Вот так появилась баба с макитрой - едва ли не большей, чем она сама. А потом и еще одна: такая же лукавая, такая же хозяйственная, только помоложе чуть-чуть да с макитрой поменьше.

- В макитру соль можно...

Как солонку, и художественному совету показали.

Одобрили...

Поехали дед с бабушкой по заграницам, аж до Монреаля добрались. Да так в Канаде приглянулись, что оттуда заказ, и крупный. Прошло какое-то время - выпускать перестали. АН нет, опять просят. И у нас этот сувенир потребовался. В какой-то из книжек про сувениры одну из баб поместили с подписью: произведение это народное и автор неведом. Николай Борисович апеллировать не стал; пожалуй, даже возгордился. А что же, от такого и загордишься: это все равно как быть создателем песни народной.

Дед без имени родился, без имени и остался. А баб окрестили: одна стала Палажкой, другая Параской. Совсем по Нечую-Левицкому.

Между прочим, к крестинам приложила руку и его, Николаева, жена, которую все в поселке зовут Сидо-ровной,- сама хозяйка хлебосольная и мастерица отменная...

Но она - домоседка. А "Бабе Цараске" с "Бабой Палажкой" по всему свету ездить - такая, выходит, их доля.

15

Мне все кажется: что-то я упускаю, какие-то важные моменты творчества от меня ускользают. А хочется, чтобы каждый из вас представил, чем один будянский мастер отличается от другого, в чем именно его неповторимость.

Подружившись с Николаем Борисовичем, я попросил художника подумать над "автохарактеристикой" особенностей своего искусства. Задача не из легких, но Николаев отнекиваться не стал и - сделал.

Результаты его "самоанализа" привожу почти дословно:

"В детстве я не знал ни акварельных, ни масляных красок, рисовал графитными и цветными карандашами" Видимо это и явилось причиной моего особого тяготения к графике в зрелом возрасте.

Работая художником-керамистом на заводе, много времени и сил я отдал созданию рисунков "под печать"- для художественного оформления изделий, выпускаемых массовыми тиражами. Живописью занимался меньше, и до сих пор она дается мне труднее.

Любимая моя палитра: коричневые, зеленые, синие, черные керамические краски и их смеси. По душе красящие растворы солей металлов, дающие акварельной мягкости тона при росписи по так называемому "сырцу" (высушенному, но не обожженному черепку).

В моих орнаментальных разработках преобладают растительные и анималистические "лементы". "Материалом" мне служат наблюдения над жизнью животных, птиц, растений и, конечно, народное творчество, любимое и изучаемое постоянно.

В тематических работах - события славной истории Родины, ее Будни (с большой буквы), люди героической судьбы. Выполняются они, как правило, в условной манере росписи, но не настолько условной, как у моих товарищей - например, Вакулы или Черновой, которые порою величают меня реалистом. В этом, видимо, доля правды есть.

Неизменная моя забота - поиск новых форм в керамике. Люблю точность и плавность линий, пластичность силуэта, соразмерность деталей, простоту без вычурности и манерности. Привлекает меня пластика малых форм, где есть простор для юмора - мягкого, доброжелательного.

Творческие замыслы я вынашиваю долго, разрабатывая множество вариаций и вариантов. Многие из них - по различным причинам - так и остаются на бумаге.

Кстати, композицию рисунка нередко ищу прямо на плоскости декорируемого изделия - так мне кажется удобней и наглядней.

Тяготение к тщательной проработке деталей рисунка, точности и аккуратности красочных мазков приводит иногда к некоторой "сухости" - особенно в работах живописных. Чувствуя это, стараюсь преодолевать излишнюю тщательность в проработке, но это у меня получается не часто.

Люблю экспериментировать. Возможности художественного оформления фаянса (цветные глазури, эмали, цветные массы, новые виды декора) использованы пока лишь в небольшой степени. В творческой работе, особенно при выполнении сложных, крупных работ, охотно кооперируюсь с другими".

Что делает он, Николаев, в эти минуты? Вот сейчас? В каком направлении идут его поиски? Чем озабочен?

Ветры времени гудят неумолимо И, как песчинки в вихре огневом, Куда-то в даль истории незримо Уносят годы - день за новым днем.

Но нет для грусти веских оснований, Лишь надо мигом каждым дорожить, Чтоб из страстей, волнений и страданий Свою строку для вечности сложить.

Жизнеописание заканчивается - жизнь продолжается.

Ключ к рисунку

Силуэты (Продолжение)

12

Чернова

Просматривая, с позволения хозяйки, рабочие ее тетради, прочел я несколько строк, написанных уже знакомым мне почерком Черновой.

- Ваше? - спросил Галину Денисовну, толком не зная, как определить прочитанное. И впрямь - что это: выписка из книги? дневниковая запись? афоризм?

- Мое... - улыбнулась она. - Первый день нового года всегда подталкивает к раздумьям.

Испросив разрешение, я тут же слова из тетради переписал.

Вот они:

"Я буду счастлива, если в моей живописи зазвучит музыка рассвета, полдня, ночи." В красках я чувствую музыку, как в поэтическом образе. Наибольшую радость мне доставляют цветы. В них я ощущаю гармонию формы, цвета, музыки. Самая

большая печаль умирает, когда рождается настоящее искусство, способное пробудить в человеке любовь к прекрасному".

Это ее кредо - кредо художницы.

Бесталанных среди "моих будянцев" нет - я в том уверен. Но каждый из них талантлив по-своему, и сознание этого доставляет мне особое удовольствие.

- Мы, конечно, еще не на вершине, классики пока не создаем, но свой фаянс уже есть,- говорит Чернова.

Ее фаянс - цветущие самовары, разномыслие настенных украшений, нарядные сервизы, вазы, миски, и каждая работа - "выставочная" или "тиражированная" - это крупные, щедрые, но при всем том удивительно точные мазки, яркие, буйные, сочные, и всегда "фаянсовые" краски.

Еще на выставке в Харькове - той, с которой началось мое знакомство с искусством Буд, - заметил и запомнил я произведения этого мастера - очень динамичные в их композиции и пластике, подчеркнуто декоративные, эмоциональные. Но повидать автора долгое время не удавалось. Приеду на завод, а мастерская закрыта: то в творческой командировке, то в отпуске, то причина иная. Художники же не перестают твердить: "Вы еще с Черновой не говорили", или в другой интонации: "Вот встретитесь с Черновой..."

Она оказалась женщиной яркой, собеседницей интересной, натурой поэтической. В общем, гюдстать делам рук своих - не вызывающим, не кричащим, но по-особому уверенным и во многом даже дерзким. Как говорят на Украине - "с перцем". Упоминание о "перце" относится и к ее фаянсу, и к ней самой.

Только что Галина Денисовна вернулась с Кавказа, переполнена впечатлениями месяца, увлеченно рассказывает о путешествиях по горам, озерам, пещерам, но чаще всего звучат имена Люши и Ньюши, ее маленьких внучек, для которых увиденное стало сплошной, непрерывной сказкой.

- В самой большой новоафонской пещере трехлетняя Люша своим звонким голоском, как лучом солнца, темноту пронзила: "Здесь Снежная королева живет?> И я сама почувствовала себя в сказочном мире, где феи и гномы, бездны и высоты, волшебные клады, сверкающие, изумрудные краски. От всех этих волшебств прямой путь к творчеству. Но такому, которое должно рождать не обыденное, будничное, а именно сказку...

Однако сказка человеком создается, из труда людского рождается, и речь уже о труде - самом дорогом для нее труде художника. Считанные минуты тому назад была веселой, доброй "бабушкой Галей", придумавшей для своих озорниц способную на любые хитроумные проделки козу "Беку-меку", а вот теперь она с поднятым забралом в бой ринулась, и сразу стало мне ясно, чего от искусства Чернова требует, каким его и себя в нем представляет, что ей близко, а что противно. Потом в ее тетради для записей я прочту: "Преклоняюсь перед талантом, перед искренностью и непосредственностью, перед трудом и мужеством. Но с тем большей нетерпимостью отношусь ко всему, что омрачает радость души".

Она такая...

А вот почему такая? Вопрос, пожалуй, риторический, ответ никогда полным не будет. Только разобраться в нем все же нужно. Ну хоть попытаться это сделать.

Собеседница читает мне только что полученное письмо от матери - темпераментное, полное живых красок, пронизанное печалью и юмором, возвышенное, когда о красоте, гневное, когда о недобром, и я думаю о силе

"наследственности". Александра Евдокимовна, как и рано умерший отец Черновой, многие годы работала агрономом, всю жизнь на земле - украинской... казахстанской... потом снова украинской. Она по другой стезе пошла, другому делу служит. Только не было бы ее с матерью бесконечных поездок по селам, по полям, садам-виноградникам, не было бы встреч с людьми и чудесных песенных вечеров - откуда пришло бы к ней понимание прекрасного? Все в округе вышивали, каждая хата нарядными рушниками встречала, любая дивчина и молодница уменьем своим перед другой выхвалялась. А носил ли кто еще такие красивые юбки да сорочки, как "агрономша"? Не художница - земли работник! И выходит, одно другому не помеха? Даже тогда, когда на землю эту пришел фашист, когда мать - в первый и единственный раз - отреклась от своей агрономии, когда голодали, мерзли в нетопленной хате, не отступилась женщина от красоты, и вышивала, и песни народные вполголоса пела, и Шевченко с Гоголем ей, Гале, читала - брат и сестра совсем маленькими тогда были...

Почему она такая? "Мне везло на людей, которые красоту понимали..." И вспоминает учительскую семью Галищук, что сама поэзию да живопись любила и ей свою любовь передавала. Одессчину вспоминает, где впервые узнала искрометное, во всем бурное искусство молдаван. Тогда и потянуло ее к рисованию. "Не было в доме такой книги по агрономии, которую я не разрисовала бы цветами, петухами, барышнями, орнаментами украинскими и молдавскими..." Заходя в дома почтальоншей - семилетку заканчивала в вечерней школе, она теперь по-особому внимательно, специально присматривалась к узорам и краскам. А когда мать заводила разговор о сельхозтехнике или педучилище - отмалчивалась. Упрямо думала об училище другом - художественном...

Почему она такая? Потому что была в ее жизни удивительная, шумная и веселая, ни на какой другой город ие похожая Одесса. "На керамику поступала из-за относительно малого конкурса..." Но очень скоро, нежданно-негаданно, услышала: "Да вы, голубушка, для керамики рождены!" Оказалось, что все, чем разрисовывала агрономические книги, все эти цветы, петухи, барышни, народные узоры и орнаменты будто для керамики и предназначались. Для фарфора, а еще больше - для фаянса...

Почему она такая? Одесса несла ей не только приобщение к искусству. На первом курсе пришла любовь, а с нею вместе, почти тут же, - замужество. Заканчивала училище матерью, с двумя детьми. Ждали в Будах юную выпускницу, а приехала семья, и немалая. Рассчитывали получить покладистого новичка, а новичок оказался с норовом: копировщицей не пойду, только художником, по специальности сразу. Утверждала себя во многом наивно, дерзко, но постепенно приходило понимание: было, есть и всегда будет одно-единственное, по-настоящему веское доказательство твоей правоты - работа. Творческая работа... И "защищаться" можно только ею!..

Сколько задаю себе этот вопрос: "почему она такая?", а ответить на него, чувствую, не удастся. Да ведь хорошо, когда люди различны, несхожи, друг друга не копируют и каждый - личность, причем самобытная!

Четверть века живет и работает Чернова в Будах:

"Красота тут сама под ноги стелется..." Всякое за эти годы бывало: радости и беды, успехи и неудачи - жнзнь человеческая сложна, не только из лучей солнца соткана.

Но когда есть творчество...

Оно - утешитель, оно - лекарь, оно - всему оправдание.

- Не люблю, не приемлю деления наших работ на "выставочные" и "производственные". Иные поборники "интересов производства" были, да и сейчас еще не прочь, отхлестать меня тем, что я, мол, игнорирую освоенную технику-технологии, отказываюсь от того, что "предприятию нужно" и что чуть ли вообще "завода не знаю и знать не желаю". А время показало, что те работы, которые причисляли к "выставочным", сделанным чуть не для "своего интереса", получили признание поку-пателя... Надо, всегда надо вперед заглядывать, на будущее ориентироваться, против "ремесленничества" в себе и товарищах своих бороться. Мы - художники. А художник, как понимаю я, не может, права не имеет сказать: "все сделал, всего достиг". Да, творчество для меня удовольствие, это мое, личное, даже интимное, но творю-то я не только ради самоутверждения - для людей, их радости работаю. И так обидно бывает, когда тебя не понимают...

Нет, ее понимают. Сама ведь признает: "Я горда друзьями, я богата друзьями. Это великодушные, щедрые, талантливые люди, большие граждане и прекрасные художники". Она встречает таких на всем пути жизни. Тепло вспоминает опытных художников-керамистов Гончаренко и Клювганг - приезжали в Буды из Конаково. Авторы сервизов, ваз, пластов, сувениров, супруги оставили в ней добрый след. Работали с увлечением, с радостью, не хныкали, искали, пробовали – многое от них почерпнула, многим они ее одарили... Мудрого друга-наставника обрела Чернова в Михаиле Зиновьевиче Фрадкине, большом, разностороннем харьковском художнике, известном своими замечательными гравюрами на дереве и линолеуме. Многие "чистые" живописцы, графики, скульпторы в Харькове откровенно удивлялись тому, что в Союз художников стали приходиться "какие-то ремесленники", даже вслух про то высказывались- одни вроде бы "в шутку", другие вполне серьезно. А он, Фрадкин, знал цену декоративному искусству, и знал давно. Какую коллекцию фарфора родному городу оставил!.. Так вот поверил этот человек в будян-ских художников фаянса, в их талант и их возможности. И не стало им от Михаила Зиновьевича покоя. За каждым шагом следил, день за днем будоражил: творчества! культуры творчества! творческого мышления! творческого дерзания! Активнее, гораздо активнее взялись они за дело, все чаще стали появляться их работы на выставках, все увереннее называли эти работы произведениями...

"Я буду самой несчастной, если перестану драться за свои убеждения, перестану сопротивляться тому, что не по душе мне, успокоюсь и остыну..." Для Черновой искусство фаянса - поле боя.

Много лет тому назад она была среди тех, кто вступил в борьбу за широкое внедрение в производство подглазурных росписей и объявил бой куда более популярной тогда надглазурной живописи. А сейчас уже каждому ясно: подглазурная роспись для фаянса более Органична, именно ей принадлежит сегодня - и будет принадлежать завтра - главенствующее положение в их искусстве.

"Фаянс может и должен сказать свое слово в художественной монументалистике", - утверждает Галина Денисовна, увлеченная работой над рельефным панно : размером в восемьдесят квадратных метров. Союз зем-и солнца и труда и искусства, буйство поля, леса, деда, радость свободной, устремленной в будущее жизни - вот что стремятся передать в этой своей работе Вестный советский живописец А. А. Хмельницкий, художница и искусствовед А. Н. Новоселова-Хмельницкая, и другие участники творческой группы. Чернова не жалея сил для того, чтобы до конца решить задачу, равной которой перед собою еще не ставила. И после трудового дня идет она в заброшенный пока старый цех, "где может уединиться и лепить, писать, дерзать. Потом это все увидят люди. Она ведь не для себя старается.

"...Самая большая печаль умирает, когда рождается настоящее искусство, способное пробудить в человеке любовь к прекрасному..."

Чернова в этом убеждена.

В заводском "табеле о рангах" Куц художницей не значится. Просто работница живописного цеха... Меж тем на выставках появляются ее работы - самостоятельные и в содружестве сделанные, доброе, похвальное слово говорят о ней искусствоведы. "Декоративной насыщенностью и условностью отличаются росписи В. Куц", - читаем в буклете, изданном к харьковской выставке "Будянский фаянс".

Лицом и обхождением она крестьянка. Простая, негромкая, скромная, до любого дела охочая и умелая. Как все землячки-полтавчанки ее, немолодого уже, возраста.

- Про наше Мелашенково чулы?

Нет, слышать о таком селе не приходилось.

- Коло Миргорода воно...

Упоминание о Миргороде объясняет многое.

На благословенной земле родилась она и росла. Росла в обычном сельском труде: сизмала на земле, потом общественный скот пасла, а уж по-домашности... все, что требовалось.

- Пасу коров, а меня просят-нарисуй да нарисуй, мы сами за скотиной доглядим... Рисовать любила - это во мне с малых лет. Разрисовывала все, что под руку попадалось. А в школе так и стенновки делала, и панно на сцену, и всякую всячину. Вот и пошла по художественной части: в Миргородский техникум поступила, закончила и сюда, на завод. Тридцать лет тут - всю жизнь...

Жизнью своей она довольна. Не художницей? Так места тогда в лаборатории не было. Позднее? За себя просить - последнее дело. Творчество? Да оно ж не от должности, а от человека зависит. Сколько работает в Будах, столько и придумывает свое. Придумает - в дело пускает. Нет, неудачницей себя не считает!..

С ней в пару очень любит работать Сень Иван Пор-фирьевич. И она с ним, разумеется.

- Що б, Варвара, нам зробити та чергу створити?- чешет напарник затылок, думая над непростим и нешуточным вопросом о том, как бы "создать очередь" покупателей за их, пока только в воображении существующим, сервизом.

В содружестве возник их столовый набор "Украинский", что многие выставки обошел и в магазинах никогда не задерживается. Так родился и "Вечерний холодильник".

В каталогах пишут: "Фаянс, подглазурная роспись красками и солями". А ведь для людей не то главное, в какой технике выполнено, а что из себя представляет. Хотят люди, чтоб если цветы, так броские, если краски, так живые. В их "Холодке" все тона, все оттенки синего, и как гармонируют они с белизной материала, какое настроение создают - светлое, немного грустное.

Настроение - это важно. Варвара Афанасьевна творит его искусно. Хлебницу с ее "хлебом-солью" и без каравая подносить можно - тут тебе и рушник, и хлеб аппетитный, от души испеченный и подаренный, тут само гостеприимство, которое так дорого каждому...

...- Письмо не от Юры? - полюбопытствовала, приоткрыв дверь, немолодая работница.

- От него... Солдатское... - живо откликнулась Куц, держа в руках конверт. И тут же пояснила: - Сын у меня в армии... В каждом письме про красоту волжской земли рассказывает. На тройке катался - рад-радехонек. Приезжай, зовет, тебе, мать, это пригодится. Как художнице, дескать, пригодится... Он у меня артист - что на баяне, что на гитаре. В институт искусств после десятилетки поступал - не прошел. Может, еще и по нашему делу учиться ему захочется...

"Наше дело" - это для нее искусство фаянса

Пиманкин

Пиманкин Юрий Тимофеевич живет в том же доме, что и другие будянские художники, но познакомились мы с ним на Харьковской фабрике монументальной скульптуры, где он тогда был одним из руководителей. Впрочем, говорили мы отнюдь не о монументах в граните.

Ю.Т. Пиманкин

На завод в Будах Пиманкин пришел в 1954-м, после Профтехучилища в Ростове. Уже работая тут, заочно прошел курс Миргородского керамического техникума, а дальше поступил в политехнический институт и, занимаясь, как говорится, без отрыва от производства, получил диплом о высшем образовании. Защищал он проект реконструкции цеха литья фаянсовых изделий. Оценили высоким балом: использовав достижения фаянсовой промышленности во внедрении поточных

механизированных линий дипломник гарантировал увеличение выпуска продукции на 72 процента.

Но должен ли он перестать художником? У него руки скульптора.

В 1970 году Юрию Тимофеевичу на X международной ярмарке довелось поработать в Дамаске.

Забыть такое нельзя...

...Многие годы завод выпускает изделия, формы которых делал Пиманкин.

О чем поет петушок

Петушка придумал Пянида.

"Что за невидаль, - пожмет плечами скептик. - Три-четыре штриха, и вся недолга..."

Оно, конечно, так, но... этот из всех петушков особый. Го-су-дарст-венный!

Ни одна из работ будянских художников - какой бы степенью новизны, изобретательности она ни отличалась - не переступала порог такого высокого правительственного учреждения, каким является Госкомитет Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий. А Петушок. входил туда - и, не смущаясь, пел свою песню - не однажды. Точнее, два раза. Причем во второй через десять лет после первого.

Что и говорить, долгожитель!

Поющий Петушок - товарный знак Буд, их фирменная, заводская марка.

Пянида - один из "молодых" художников завода; впрочем, молодость - понятие относительное. Но тогда он был молод без всяких оговорок. Просто молод... Закончил Миргородский техникум, начал работать самостоятельно, в заводскую жизнь окунулся. И посмотрел на эту самую жизнь своими глазами - достаточно зоркими...

На обратной стороне каждого изделия с давних пор припечатывали невыразительный, невесть что означающий, кружок. Что он символизирует? Какую идею выражает? Кружок - и все тут.

Иное дело - Петушок.

Пивныки были для Пяниды непременно элементом народного искусства. Что на расшитых рушниках и сорочках, что на расписных глечиках и куманцах - всюду видел он этих разноцветных, веселых, озорных петушков.

Из народной сокровищницы петушки вошли и в классику России. Пушкин... Римский-Корсаков... Кому не любы пушкинская поэма-сказка и ее музыкальная интерпретация?

Будянский фаянс, мечталось ему, должен быть таким же ладным, красочным, как легендарный украинский пивнык, и таким же, как он, громкоголосым.

В поющем петушке, которого он придумал, звучала идея.

Идея глубокая и - надолго...

Так в 1967 году появился в Будах свой Петушок. Он мигом вытеснил ничто не выражавший кружок, даже самую память о нем, и на правах законного хозяина вскочил на сотни миллионов заводских изделий.

Есть такой порядок: каждые десять лет товарный знак подлежит пересмотру. Однако и в 1977-м в Москве, в важном правительственном комитете, проголосовали за Поющего Петушка.

Пусть живет. Пусть поет.

Руки у Пяниды сильные, умелые, взгляд острый, прицельный, а душа... душа лирическая - нежная, мягкая.

Он любит песню, чувствует ее, на каждую нотку откликается, и поет в нем, кажется, все.

Поет, когда поет... и слушает... и работает...

Как не любит он песни вполголоса, так не признает и работы вполсилы.

А работает всегда. Художник, считает Борис Петрович, это больше, чем профессия, и даже больше, чем призвание, - сама жизнь, вся жизнь.

...Песня может быть не только бравурным маршем, но и вздохом печали, слезою горя. Сколько таких вздохов и слез прошло сквозь его детство, сквозь его отрочество!

На шестом году жизни ворвалась в судьбу Пяниды война, а с нею сразу такое раннее, совсем безвременное сиротство, и тут же голод, когда не каждый день кусочек хлеба, и тут же холод нетопленной хаты, и выстрелы... и виселицы... - лютовал фашист, лютовал.

- В памяти моей - село в огне. И тлеющие горы хлеба в амбарах, и крик сычей в обгоревших хатах, и лошади, бегущие в испуге через пламя, и блуждающие по дворам напуганные волки...

Такой запомнилась Борису война.

Тяжко было и в годы послевоенные - село в пепелищах, все порушено, кормильца нет, а их, как-никак, трое, и каждого накорми, одень, обуи, поставь на ноги. Становились сами. И пахарями, и хозяевами в хате, и кормильцами - матери помощниками. Он раньше других - старший. Никакого дела не чурался, любую работу на себя взваливал. Крестьянствовать - значит все уметь, от зари до зари трудиться.

Б.П. Пянида

Ну, а делать то, что есть красота, это какой же труд? Тут радость, удовольствие! Навсегда запомнилась мать, склонившаяся над полотном будущего рушника - иголка да нитка, стежок к стежку, а сдается, будто живые краски милой их Полтавщины переливаются в рукотворные узоры замысловатого орнамента, в котом все богатство тонов и полутонов, красок и оттенков родной природы, вся щедрость душевной народной песни. Сам он тоже, сколько себя помнит, не расставался с бумагой, с карандашом, рисуя то ставок у родного села, то вишни в цвету, то веселый подсолнух перед хатой, то старую-престарую мельницу на дальнем изгибе речки. Без этого не мог обойтись и дня.

Художник в нем с детства.

Пробудило его Дячковое - село возле Диканьки.

Дячковое и в Миргород благословило.

Оттуда все. Оттуда...

Миргород - на многих страницах книги. И объясняется это просто: история завода не только на заводе творится.

Как же не сказать подробнее о старейшем на Украине учебном заведении, деятельность которого оказывает прямое воздействие на развитие украинского фаянса в течение многих-многих лет?

Возраст техникума в Миргороде немногим меньше, чем возраст завода в Будах, но тоже солидный, почтенный. Он принял первых своих учащихся в ноябре 1896 года. "Полтавские губернские ведомости", сообщая о рождении необычной художественной школы, писали, что здесь намерены учить изготовлению гончарных, теракотовых, майоликовых, фаянсовых и фарфоровых изделий, распространяя среди кустарей Полтавской губернии художественные и технические знания в области керамического производства. Земство выделило для этого некоторые средства, и энтузиасты народного искусства взялись за дело. С любовью к вновь рожденному детищу нарекли его дорогим каждому именем Николая Васильевича Гоголя. И все чаще в разговорах, в официальных речах звучало непривычное прежде словосочетание: "гоголевская школа".

А она уверенно заявляла о своих возможностях. Художники и мастера смело брались за самые сложные работы. Серьезным экзаменом стало изготовление иконостаса для посольской церкви в Буэнос-Айресе. Он был выполнен из майолики и, говорили, посмотреть на это произведение приезжали со всей Америки. Миргородцы, как истинные патриоты своего города, сделали еще один такой иконостас - для собора, что высился неподалеку от их школы. Собора теперь нет, а чудо-иконостас живет, занимая почетное место в музее техникума.

В этом музее можно увидеть множество работ, выполненных на заводе в Будах. Во все годы существования учебного заведения его питомцы либо практику тут проходили, либо самостоятельную трудовую жизнь начинали, а то и навсегда талант свой с ним, Будянским фаянсовым, связали. С теплом душевным, как об отцовском доме, говорят о Миргородском техникуме Иван Сень, Раиса Вакула, Николай Николаев, Варвара Куц и другие художники. Добрыми словами поминают его А. и Л. Дибровы в Барановке, И. Вольский, А. Ми-кеева - в Каменном Броде, И. Вицко и Н. Луганько - в Полтаве. В общем, всюду на Украине, и не только на Украине.

История любимой "альма-матер" сотен художникои-керамистов, вышедших из ее стен, гладкой не была. Знала Миргородская школа и бурные подъемы, и относительные затишья, и спады. Но самые яркие страницы вписаны в летопись Миргорода Великим Октябрем. Тогда здесь появился художественно-промышленный институт. Просуществовал он всего три года, но дал огромный заряд для будущего.

Жизнь ставила новые задачи, и техникум на них откликался. Стало необходимым - на первый план выдвинулась подготовка кадров для строительной индустрии. Миргородские техники возглавили коллективыстроек - больших и малых, по всей республике, по всей стране. Но школа самобытного искусства продолжала жить, развиваться, радовать людей. Та школа, созданию которой отдали много лет жизни Н. Е. Сла-стион, В. Г. Кричевский, Ф. С. Красицкий, Ф. П. Бала-венский, И. И. Падалка, Е. С. Михайлов, Е. Я. Сагай-дачный, И. К. Украинец и другие известные

мастера-воспитатели. Та школа, которая дала путевки в жизнь многим талантливым художникам и скульпторам.

- Миргород это и Буды. А Буды, их история, их творчество это, конечно, и Миргород.

Так утверждает Борис Пячида.

Он совершенно прав.

Из Миргорода до Решетилки не слишком далеко. Но когда едешь на крыше, или на площадке между вагонами, да еще поздней осенью или зимой, да еще в худой, не греющей одежке... От Решетилки до Дячкова всего восемнадцать километров. Но если пешком и по бездорожью, а к вечеру тот же путь в обратном направлении...

Мать в селе нуждалась в его подмоге, а сам он дома мог хоть немного подхарчиться - потому-то "путешествовал" чуть ли не каждую неделю.

"Припутешествовал", однако, и к диплому.

Дипломная работа Пяниды выставлена в Музее истории Полтавской битвы. 250-летию той знаменитой битвы его ваза и посвящалась. Делал в Барановке, на фарфоровом заводе, в 1959-м.

Этот год стал для него первым в самостоятельном труде после техникума.

Художник рассказывает:

- Так вот в 1959-м приезжаю я в Буды. Зачисляют меня копировщиком и начинаю трудиться. По основному своему назначению - восемь часов рабочего времени, по творческому направлению - остальные шестнадцать. Езжу в Харьков, особенно в театры, музеи, на выставки, побольше читать стараюсь, библиотечку свою собираю. На первом плане в ней - поэзия, тут же - украинские думы, щедривки, казачьи и чумацкие песни, история. Увлекает история казачества - одного из самых драматических явлений в прошлом украинского народа. Накапливается материал, мысли обретают художественные очертания - на бумаге, на картоне, на фаянсе. Постигаю возможности материала, активнее ; пробую собственные силы...

Вскоре перевели Пяниду в художники. Ни времени, ни сил своих он не жалеет. С 1961-го участвует Борис Петрович в международных выставках-ярмарках - в Польше, Канаде, Югославии, Японии, Судане, Франции, других странах, куда направляются его работы. В 1965-м декоративное блюдо "Пожар в степи" экспонируется на выставках советского искусства в ГДР и Болгарии. В следующем году три работы Пяниды показывают на выставке произведений молодых художников Украины; еще год спустя уже четыре блюда участвуют в республиканской выставке в честь 50-летия Великого Октября. А дальше - новые поиски, новые встречи со зрителями; выставок республиканского и всесоюзного значения было немало - уж наверняка больше десятка. В 1966-м Бориса Петровича приняли в Союз художников СССР. Не раз выбирали его товарищи в руководство секции декоративно-прикладного искусства Харьковского отделения СХУ, не один год входит он в состав республиканской комиссии по этому виду искусства. И работает, работает - с охотой, с увлечением и, прямо скажем, все более влюбляясь в фаянс. Материал этот, убедился он, таит в себе неисчерпаемые для художника возможности.

б

Вслушайтесь, как звучат названия его работ, и вы ощутите певучую, поэтическую душу их автора.

"Чарующий сад"... "Щедрый вечер"... "Синее цветение"... "Спит дубрава"... "Голубые тополя"...

Это как оглавление в сборнике поэзии, только "жанровые определения" для такой книги необычны: набор посуды, декоративное блюдо, ваза, плита.

Столовый набор "Голубые тополя" - после того, как получил высокую оценку в республиканском совете - едва не вышел в... звезды кино. Заводские любители - уже знакомый нам Николай Борисович Николаев, а с ним вместе Григорий Тельный, механик в клубе, - надумали запечатлеть его на пленке, а заодно показать и автора, Пяниду, проследить "творческую историю" набора, раскрыть источники вдохновения художника.

Кому-кому, а Николаеву секреты этого искусства известны лучше, чем другому. То же самое можно сказать и насчет психологии творчества керамиста - творчества, их объединяющего.

Но работа застопорилась. Несложно передать внешнее, а вот как постигнуть внутреннее... Как точно сказал поэт: "Стихи не пишутся - случаются, как чувства или же закат. Душа - слепая соучастница. Не написал - случилось так". Это не только о стихах, но и о творчестве вообще.

Голубые тополя - из детства и поездок в детство. Мысль о наборе пришла к нему, помнится, в обсаженном красавцами тополями фруктовом саду соседнего села Надежда. Работал долго. Эскизы делал вечерами. Хотелось уединиться, остаться одному, с глазу на глаз с новыми своими "героями". Постепенно вырисовывалась общая композиция форм и росписей. Мечталось, чтобы все предметы, которые должны были войти в набор (а их двадцать!), гармонировали между собой, соединялись в едином ансамбле, подчинялись одному ритму, чтобы каждая вещь имела продолжение в соседней, не повторяла, но развивала тему, и все они вместе создавали прекрасный образ родной природы. Голубые тополя как символ любви к бесконечно дорогому - Родине...

Росписи выполнялись солями металлов. "Вообще" соль настолько с фаянсовым черепком органична, что как бы входит в него, создавая полное впечатление единства формы и цвета..." Высвеченные внутренним светом души художника, соли в "Голубых тополях" оказались поистине чудодейственными; деревья-символы заиграли будто волшебные.

Работа приобрела известность. Ее показывали на республиканской художественной выставке "30 лет Победы". Напоенные солнцем украинские тополя стали одной из примет нашей яви - мирной и радостной. Об этом можно рассказать и написать. Намного труднее снять на пленке, даже цветной.

Так вот снимали Пяниду и в художественной лаборатории, и за рабочим его столом, и среди природы (она вокруг Будчудо как хороша), и у голубых - действительно голубых - тополей, которые он увлеченно писал на холсте и бумаге, и у печей обжига, но... фильм не доснят, не окончен и, да не обидятся на меня заводские киноэнтузиасты, я не очень-то уверен в полном их успехе.

То есть снимут обязательно - они привыкли доводить начатое до конца. И показывать будут, и не раз прокатятся по залу аплодисменты: всегда интересно видеть на экране тех, с кем работаешь, кого встречаешь в будни и праздники.

Но поэзию искусства, вдохновение художника - как передать их, и передать изнутри?

- Замыслы мои похожи на сны, живу ими долго, пока не увижу осуществленными...

Это я вновь цитирую Пяниду.

Каждая работа хороша. Хороша по-своему. Дилетантское "красиво!", непосредственное "здорово!" истине соответствуют, но относятся они ко всему, что зритель видит, и относятся без всякого разбора, даже беч попыток такого разбора. Для непосвященного он, конечно, и труден.

Красота - понятие не статичное. Повторение уже запечатленного, уже достигнутого - чрасотт "под копирку" - ощущение, чувство красивого приглушает. Нет, надо, чтобы всякий раз она была новой, небывалой, непохожей.

Истинный художник настроен на это всегда. И новое - в каждом его дне и каждой работе.

...Накануне мы допоздна разговаривали с Пянидой о книгах, о писателях и поэтах. Увлеченно говорил он о Булгакове - "Мастер и Маргарита" взяли его за живое. Читал вслух Блока, Пастернака, Брюсова, Шевченко, Лесю Украинку, современных украинских мастеров стиха. За одними стихотворениями тянулся к книгам, другие помнил наизусть.

Сейчас, глядя на меня и думая о своем, Борис Петрович вернулся к Брюсову:

Великая радость - работа, В полях, за станком, за столом! Работай до жаркого пота, Работай без лишнего счета, - Все счастье земли - за трудом!

Сам он утвердился в этом сызмала...

Дальнейший наш разговор развернулся вокруг смолоду начатой и донныне продолжаемой им серии декоративных блюд "Комсомольцы".

...Комсомольский билет ему оставили на вечное хранение. Навсегда комсомолец - судьба завидная. Хоть и давно уже из возраста того вышел, часто вспоминает комсомольскую жизнь в техникуме, в армии, на заводе.

Его всегда брали за душу песни о молодости отцов, матерей. "Дан приказ ему на запад, ей в другую СТО-І рону, уходили комсомольцы на гражданскую войну..." И вот они ожили в росписях по фаянсу - "Им не было и двадцати", "В час тревожный", "Уходили комсомольцы", "Путь далекий"... Хотелось передать мужественное, трепетное благородство тех, кто воевал за власть Советов, кто, идя на смерть ради новой жизни, в полной мере ощущал, как прекрасен мир будущего, слышал возвышенно-величественную его музыку.

- Юноша-боец в буденовке и кавалерийской шинели, с винтовкой за спиной, обнял подругу-дивчину. Они молоды, они любят друг друга, расставаться выше всяких сил, но за будущее их счастье воевать надо, оно само собою не утвердится...

- Молодой боец с саблей в руке мчит на лошади в пекло боя. Фон - подсолнух, он ярк как солнце. "Там вдали за рекой засверкали огни, в небе ясном заря догорала, сотня юных бойцов из буденновских войск на разведку в поля поспешала..."

- Девушка глядит на лошадь - лошадь без седока. Голова верного коня опущена - его хозяин погиб в бою. Печаль гнетет подругу. А вокруг пылает огонь - битва продолжается...

Счесть ли, сколько раздумий вызывает в художнике каждый замысел? И серия - "Комсомольская серия" - продолжает жить в его воображении, в его мечтах.

...Девушка держит поводья коня. А у юного бойца в руках книжечка стихов. Блюдо будет называться "Стихи в дорогу".

...Красноармеец во время привала играет на скрипке, слушают его сельские ребята. Для них он играет, за них воюет...

Пока они в набросках, в эскизах, но вызревание замысла заканчивается, вот-вот он возьмет в руку кисть, и подглазурные краски, соли металлов помогут ему, художнику, сказать свое, сокровенное, людям.

Идеи обычно созревают не вдруг. Давно мечтал Пянида сделать декоративное панно "Памяти Гайдара". Несчетное количество набросков легло на бумагу, прежде чем прояснилось и оказалось осуществленным то, что так впечатляет сейчас. Знамя... цветы... лист бумаги... И ничего объяснять не надо - все понятно без слов...

А "Победа" - взметнувшаяся в нечеловеческом броске рука солдата Отечественной?

А "Заходит солнце" - без уходящего солнечного диска, зато с полнейшим ощущением заката и вызываемого им состояния?

А "Пожар в степи" - через испуг, смятение лошадей, через фантастическую игру красок, так динамично передающих буйство огня?

...Комсомольский билет для него святыня. Дух комсомольский - источник и спутник творчества. Так надо ли думать о возрасте? Молод в искусстве - молод в жизни!

Вы согласны с этим, художник Пянида?

7

Биография художника это, прежде всего, биография его произведений. Они в ней - главные строки.

Излагая, по моей просьбе, свою автобиографию, Пянида задержался на творческой истории трех работ - чем-то особенно для него значительных.

Послушаем же Бориса Петровича...

"Гвалт"

- Я люблю лес, часто бываю в нем, он рядом, за домом, в котором живу. Однажды, гуляя, услышал птичий крик. Поднял голову и увидел сорок, летающих по кругу и, как мне показалось, зовущих на помощь.

Ботаники насчитали сто видов тополей - "листопадных деревьев из семейства ивовых". У Пяниды свой ("вид"- может не сто первый, но для него главнейший:

Наверное, где-то рядом со мною были гнезда, и появление непрошеного гостя встревожило лесных старожилков. Они-то могли и не знать, что зверей и птиц я не просто рисую - люблю их...

Карандаш, бумага со мною всегда. Тут же сделал набросок: запечатлел сорок, летающих над верхушками деревьев. Верхушки можно не показывать: они угадываются и без того... А впечатление тревоги усилию две. том... Круглое блюдо и летающие по кругу сороки - здорово!..

Эскизы, которых было переделано довольно много, утвердили меня в желании поскорее взять в руки чистую форму. Так появилось блюдо "Гвалт". В цвете оно синевато-фиолетовое, сама цветовая гамма подчеркивает закономерность сорочьего крика о помощи.

(Конечно, не так все просто делается, как сейчас рассказывается. В описаниях технику этой работы определяют предельно лаконично: соли металлов, подглазурные краски. А для него в ней самым важным, решающим оказалось введение в цвет металлизации - именно она могла по-настоящему раскрыть драматический настрой

вещи. Предшественники Пяниды и старшие его коллеги применяли с этой целью окислы металлов. Он пошел по другому пути - подбора и смешения разных красок, разных солей. И достиг своего - рисунок стал мягче, даже "нежнее", драматизм же достиг высокого накала).

"Щедрый вечер"

- Есть такая народная щедривка: "Щедрий веч!р, добрый веч!р, добрим людям на здоров'я!" Простые строчки волнуют меня своей непосредственностью, лиричностью, песенностью. Тот, кто хоть однажды слышал их под Новый год в украинском селе, не забудет

уже никогда.

Щедривки - поэтический обряд, от давних времен идущий. В нем душа простого человека, его стремление к красоте, добру, счастью.

Я помню новогодние вечера в родном селе - заснеженные хаты, лихих парубков, веселых, трогательно нежных девчат, наши песни, наши пляски и... щедривки, поистине поэтические и мудрые.

Вот откуда "Щедрый вечер" - набор для молочных блюд, расписанный солями сине-серых оттенков. Работая над ними, я старался добиться единства формы и росписи, чтобы слились они в цельный художественный образ - мою щедривку добрым людям.

Набор экспонировался на выставках в Москве, в Киеве, в Харькове. Его видели тысячи людей. "Щедривка в фаянсе" вошла во многие дома...

"Северный цветок"

- Это попытка отойти от традиционной формы, от сложившихся о ней представлений. Набор декоративных сосудов... Всегда ли обязательна утилитарность каждого предмета? А "просто украсить" праздничный стол - разве это не важно? Так я пришел к тому, что на сосудах набора появилась лепка, что она свободно перешла и на стол, легла вокруг сосудов розетками в виде опавших лепестков. Солями металлов я подчеркнул настроение, углубил восприятие пластики форм. Форм, между прочим, народных - посуда, сделанная украинскими гончарами-умельцами, восхищала меня всегда... Законченная работа показалась и мне, и моим товарищам необычной. Вообще же была она в русле стилевых исканий создателей современного интерьера. Художникам фаянса в стороне от этого быть нельзя!

Три - всего три - строки из автобиографии художника Пяниды. "Каждый из нас что-то придумал", - говорит он и тут же деловито перечисляет свое:

- роспись солями металлов и ими же в смеси с красками,

- ...подглазурными карандашами и солями,

- ...ангобом и ангобом с солями,

- ...краской вместе с окислами... "Декорирование фаянсовых изделий керамическими подглазурными карандашами" - рационализаторское предложение Б. П. Пяниды. Украинский научно-исследовательский институт стекольной и фарфоро-фаянсовой промышленности описал его в специальном листке. "Керамические карандаши изготавливаются из глины Ча-сов-Яра, подглазурных красок и глицерина, - сказано тут. А далее, после сообщения методов изготовления и использования карандашей, делается вывод: - Фаянсовые изделия, оформленные таким способом, отличаются легкостью рисунка и подчеркивают благородство материала". Ради этого он ищет, он дерзает.

из детства на Полтавщине, из душевной привязанности к Харьковщине, из мечты о преобразении земли ("голубые тополя" сродни "голубым городам" в песне).

Луговые цветы растут всюду, где есть луга. Но ему всего дороже те, среди которых бегал босыми ногами в своем Дячковом, ходил в Диканьке, в Миргороде, в Будах - повсюду на родной украинской земле.

И щедрый вечер его, Пяниды, напоен ароматами этой земли... И колодезь этот - криница, к которой прильнешь будто к живительному источнику...

Из сокровенных закутков памяти и сердца - лошади в ночном, волы на дорогах, грачиний хоровод по весне, костры на большаке, смелые, озорные парубки, восходы и закаты, венки на головах полтавчанок и венки на воде в час гаданья, ласковые глаза матери и жилистые, натруженные руки отца.

Из глубин души - мелодии народные... и страшные сказки про чертей... и скрип телеги на поздневечерней дороге...

Теперь все это переливается в "Заходит солнце" и "Мою хату", в "Украли дивчину" и "Ноченьку", в "Любовь" и "Погибли козаченьки".

Корни, истоки, начала - там, и это навсегда. Но навсегда и то, что раскрывается перед ним каждый день, каждый час - в Будах, в Харькове, в поездках ближних и дальних. Дороги творческих командировок приводят его всюду, где побывать хочется, и памятны Литва, Латвия, Эстония, не забудутся Соловецкие острова, Кижы, Холмогоры, и Дагестан с удивительным путешествием в горный район Унцукуль, и Грузия с Тбилиси и Мцхетой, и Ереван, и Пермь, и Киров... Каждая поездка - постижение красоты земной, богатства национальных искусств, самобытности истинно народного творчества. Каждая - новые наблюдения, мысли, крупницы опыта. И все усиливающееся ощущение долга перед всем, о чем еще не "спел" в фаянсе.

Это как у Маяковского:

Время летит быстро. Гляди-ка, а Юрка - их с Людмилой единственный сын - уже студент! Рисовать-лепить начал чуть ли не с трех лет, и стало это его призванием - в художественном училище сейчас, по стопам отца идет.

А, собственно, почему только отца? У них в роду "то, так сказать, "наследственное". Цепочка тянется от прапрадеда - он занимался ковроделанием. С тех пор много было Пянид-художников - живописцев, рисовальщиков, "прикладников"...

В комнате сына - его картины и рисунки, его лепка и резьба. Видит, чувствует, понимает прекрасное... А ведь главное как раз в этом. И он, Борис Петрович, служит именно тому, чтобы красота пришла к людям и сопутствовала им на всех дорогах жизни.

В долгу перед Бродвейской лампией, перед вами, багдадские небеса, перед Красной Армией, перед вишнями Японии - перед всем, про что не успел написать...

Есть душа у фаянса

память о выставке - той самой, что была в Харьковском музее, - осталась книга отзывов. Ее хранит у себя Панасюк.

..."Вот и открылась выставка, которую мы так долго ждали. "Будянский фаянс" - это великолепно! Полны гордости за наших земляков..."

..."Эти работы по праву занимают место в Художественном музее. Они - истинные произведения искусства..."

..."С огромным восторгом, с благодарностью за талант, поиск и неистовую фантазию художников - мастеров Будянского фаянсового завода посмотрели мы выставку. Прекрасных работ так много..."

..."Сколько эмоциональной фантазии, такое перспективное искусство, выходящее за рамки прикладного..."

..."Дорогие будяне, чудесные мастера прекрасных изделий! Спасибо за то, что вы создали эти великолепные вещи..."

..."Удивляет смелость и новизна форм. Каждый художник завода выработал свой стиль. Радует самобытность, оригинальность работ..."

В книге отзывов названы все фамилии художников Буд. Реже других упоминается он, Панасюк. Но, представьте себе, его это не огорчает ничуть.

2

У старенькой мамы в Одессе с давних пор хранится декоративное блюдо с цветами по всему полю.

Цветы не потускнели, не "увяли", хоть и побывало блюдо в передрыгах. Трещина, прошедшая по самой середине, и сейчас как зарубцевавшаяся, но издалека видимая, все еще ноющая рана.

Блюдо памятное и напоминает о многом. Из обжига оно вышло в июне 1941-го, точнее - 22 июня, и сразу же из огня печи попало в полымя войны.

Практику Сергей Панасюк проходил на ленинградском заводе. Первая военная тревога настигла его в море близ Петергофа, первая бомбежка - в многотрудном пути обратно, в Одессу. И Ленинград, и Одесса, будущие города-герои, запомнились ему уже по тем дням, когда только-только надевали на себя солдатские шинели...

Всю оборону Одессы он служил на военном объекте - связистом. Одновременно изучил пулемет. Хорошо изучил, коль скоро именно его откомандировали учить других. Потом дали приказ сопровождать новое пополнение, Сопровождать на фронт... Выполнил. И снова учил, и снова препровождал. Однажды попытался там, на передовой, остаться, но был возвращен: "ваше место здесь". Приказ есть приказ - солдат места службы не выбирает.

Хлебнул за те годы много всякого. И в атаки ходил, и смертей повидал, и сам в иные моменты жив оставался только чудом. На войне как на войне. Про мирное свое занятие он почти забыл - разве что во сне приснится... Хотя рисовать не бросал. Тем паче, что художники нужны всюду - боевой листок выпустить, плакат поострее сообразить. Кое-что, понятно, рисовал "просто так".

Мечтая о будущем, Панасюк - если говорить начистоту - о красоте фарфора думал все меньше. До того ли государству и народу будет, когда такие повсюду ^ разрушения?

Вернувшись с войны, в училище идти не стал. Решил - незачем. Не сразу принял предложение работать в торговле, но убедили - участок важнейший, и отказаться не смог. Потом восстанавливал разрушенный | Клуб и, одновременно, налаживал жизнь в нем. Потом пошел на производство. Артель выпускала скатерти, дорожки, салфетки; люди в этом нуждались, им это требовалось, и он старался. "Достарался" до того, что... отравился ядовитыми красителями.

В это время и нашел его гонец из художественного i училища.

- Почему не учитесь? Не заканчиваете курс? - Спросил директор.

- Не время, думаю. Да и позабыл все.

- Думаете неправильно. А были, если не ошибаюсь, отличником.

- Был - только былшем поросло.

- Наверстаете... - И уже другим тоном, неких возражений не терпящим, директор училища закончил: - Оформляй, товарищ фронтовик, свое возвращение. Времени зря не теряй. Твои однокашники уже над ди. плонными работают - догонять надо.

Времени оставалось мало, а нужно было и блюдо расписать, и скульптуру сделать. Тему для себя выбрал "морскую". Может оттого, что вырос в Одессе, но, конечно, и потому, что видел море военное, лепить взялся морской десант, а на блюде писать основателей флота России. Комнату заполнили книги по истории флота, альбомы, открытки, вырезки с изображениями флотоводцев, собственные зарисовки, в войну сделанные. Оказывается, рисовал он и морской десант - будто предвидел тогда дипломное свое Задание.

Однокурсников догнал. На фарфоровый завод в Песочном - Первомайским называется - выехал вовремя: работу предстояло выполнить в материале. Трудностей встретилось немало, особенно в технологии, но тут ему подсобили волжские фарфористы-старички. Их уроки пошли впрок - и на будущее тоже...

Защитился отлично.

С тех пор он в Будах. Недолго - только поначалу - художником, потом - и уже четверть века - главным.

"Мэтром" он себя не считает. Не так уж часто удается выкроить время, чтобы сосредоточиться над материалом. И думает все больше над тем, что производству требуется. В положенные ему, как и другим, "творческие дни" сделал Панасюк за год образцов эдак с двадцать - тарелок, блюдец, чашек. С ангобной, преимущественно, росписью... разных рисунков, цветов и тонов... Рисунки незатейливы, цветовая гамма проста, но покупателю его посуда нравится: нарядна и дешева. На многих изделиях можно увидеть государственный Знак качества. А это миллионы всем известных, и каждым уважаемых, пятиугольников! "Творческие дни" - один в неделю (да и не каждую неделю) - дали ему возможность продумать проект оформления проходной, чтобы фаянс встречал заводских людей уже на пороге, "сочинить" для цехов мозаичные панно из боя... в общем, сделать многое. Что касается фаянса художественного, так в этом он не солист. Однако в профессиональном оркестре есть не только непревзойденные солисты. Есть -и всегда нужен - дирижер. Здесь, в ху? дожественной лаборатории завода, дирижером он - главный художник Панасюк.

Сергею Варфоломеевичу в высокой степени присуще это драгоценнейшее качество: слышать каждый голос в оркестре, чувствовать каждую человеческую индивидуальность, понимать неповторимость каждого дарования. Без этого, наверное, не сложился бы в Будах крепкий своим единомыслием коллектив влюбленных в фаянс энтузиастов. Сложился еще в послевоенные годы и сохраняется, живет, радуется. Большая у такого коллектива сила!..

Большая - если в развитии своем он не останавливается, не застревает и не остывает. Каждый год отмечен новым - что в выборе изобразительных средств и способов, что в форме и росписи изделий. Речь об этом в книге уже шла - повторяться не к чему. Но всего важнее, чтобы поиск не прекращался. Новых форм, красок, решений... новых путей к утверждению славы украинского фаянса - своего, самобытного, национального... И в то же время идущего в ногу с лучшими достижениями искусства - советского и мирового...

И кто измерит часы, затрачиваемые главным, когда, уединившись, думает он над заданиями, которые получит от него каждый художник - на год, на квартал, на месяц?

Задания Панасюк не придумывает, и тем паче не вымучивает. Их подсказывают хорошо известные ему мечты, планы товарищей. Ну и то, что имеем мы в виду, когда говорим об "интересах производства".

А не сужается ли это понятие порою? Не ограничивается наиболее распространенными, расхожими терминами из делового лексикона: "вал", "реализация", "ассортимент"?

А.В. Панасюк

Главный художник, конечно, над этим думает. Вместе со всеми он доволен, когда коллективу присуждают (или оставляют) переходящее Красное знамя Министерства легкой промышленности СССР и ЦК отраслевого профсоюза. Его радует (и может ли не радовать?) рост производительности труда, повышение сортности, снижение себестоимости. Как и другие главные специалисты, Панасюк держит под прицелом каждый показатель заводской работы.

Но интересы производства - это куда более широкий, чем многим поначалу кажется, комплекс дел и забот. В привычные столбики они часто не укладываются.

Вот, скажем, такое...

Буды невелики, и для большинства здесь центром притяжения является завод фаянса. А ежели так, то, по хорошему, каждый каждого знать в поселке должен наилучшим образом. И вдруг такая запись в книге отзывов посетителей:

"Здорово! Мы, ученики 6 "А" класса, даже и не подозревали, что рядом с нами живущие люди могут делать такие удивительные вещи!"

Шестиклассники "не подозревали" - эка важность. Мало ли чего они еще не видели и не знают... Придет время - придет и знание...

Да только тут - случай особый. Шестой-то "А" приехал в Харьков - на экскурсию - из... Буд, а учатся ребята в школе, которая находится в считанных метрах от заводской проходной. Есть над чем призадуматься!

...Кадры, кадры... Профессия художника-керамиста к массовым не относится. Объявлением "требуется..." не добьешься ничего - разве что явится в отдел кадров какой-нибудь человек со стороны, никакого представления об их деле не имеющий, а поэтому и уверенный, что всяк кисть-кисточку в руках держащий завод "осчастливить" способен. Заблуждение от незнания, если не сказать круче - от

невежества... А кто виноват в таком незнании, если не сами будянские художники и, прежде всего, он, Панасюк?

Говорят: "профориентация". Школы в этом направлении делают немало. Только ориентируют они опять же на профессии распространенные, для овладения которыми путь прямой: заканчивай школьный курс - осваивай любой другой. Иди в училище, техникум, институт, старательно занимайся науками и получай диплом, а с ним - широкую дорогу в жизни. Конечно, в любом деле нужны и склонности, и способности. Но если речь идет об искусстве... Певцом без гГлоса не станешь. И скрипачом без таланта к этому. И художником тоже. Во многие профессии можно прийти, приняв решение чуть ли не накануне окончания восьмого или десятого класса. А в художники? Или даже на производство, связанное с художественным творчеством? Пусть "просто" копированием? Нет, начинать тут надо сизмала. Вовремя заметить... вовремя заняться... вовремя на путь наставить...

И вот - "даже не подозревали"! Не потому ли живет в Панасюке, в других художниках завода тревога: кому развивать славу будянского фаянса дальше, кто их главное в жизни дело продолжит?

Годы идут. У большинства из них стаж уже под тридцать. Любовь к искусству не иссякла, и еще не раз удивят всех Кломбицкая, Николаев, Сень, Чернова, Рыбина, Вакула, Пянида... Ну, Пянида немного моложе других, стаж у него "всего" двадцать... А из молодых рядом только одна Валентина Сидак. Училась в Одессе, работала в мастерских Запорожья и Харькова, а с весны семьдесят девятого стала работать в Будах. Она делает успехи, и успехи заметные...

Вина в том, что среди художников завода почти нет молодежи, не только дирекции, которой, "по традиции", достается за все. Надо, чтобы школьники на завод приходили - за спиной стояли, вопросы задавать не стеснялись, мнение свое высказывали, и даже просили: "а дайте - попробую я сам". Надо, чтобы художники не случайными гостями в школу шли, всех ребятешек, что рисовать любят, наперечет знали, способных в ученики себе брали, в техникум готовили. Закончат - вернутся, тут ведь простор какой для творчества! И почему не подумать над созданием в Будах своего профессионально-технического училища? Какую пользу их искусству принесла в далекие уже двадцатые-тридцатые годы заводская школа ФЗУ!

...Запись учеников 6 "А" за живое задела. Панасюк читал ее всякий раз, когда собирал художников, копировщиков, модельмастеров. Она звучала как укор и напоминание. Сдвиги теперь есть - и школьники на завод ходят чаще, и заводские к ребятам поближе стали; контакт, что ни говори, покрепче. Но до неточных результатов далеченько - торжествовать оснований нет. А годы идут, жизнь и дело торопят...

И опять мысли о кадрах. Основа-то в них.

Коллектив художников на заводе сложился. "Текучести", о которой повсюду говорят как о "зле неминуемом", здесь нет. Конечно, за десятилетия - период достаточно долгий - кто-то приходил и уходил, но, между прочим, все они у будянцев на виду. В контакте работают, и это для общей пользы, а главное - для пользы их родного искусства.

Здесь умеют искренне радоваться успехам товарищей. Не подтрунивают, когда случается неудача. В таких условиях работа в тягость не бывает - напротив, она приносит удовольствие. И, может, потому так часто происходит "кооперирование", когда два-три художника с ярко выраженными индивидуальными почерками

объединяются для совместного решения творческой задачи и не делят потом успех на "мое" и "его".

Что и говорить, коллектив хороший. Только очень нужны ему новые силы. Новые - и обязательно молодые.

Не посетуйте на меня, Сергей Варфоломеевич, за то, что "выдаю тайну", но я видел, как повлажнели ваши глаза, когда пришла прощаться Оля Васькова. И вам нелегко дались напутственные слова о счастье в семейной жизни. Куда приятнее было бы наблюдать за расцветом этого счастья на протяжении многих лет работы рука об руку... Тем более, что недавняя выпускница Косовского художественного училища уже зарекомендовала себя на заводе наилучшим образом. И по работе живописца-копировщика, и по первым вполне самостоятельным, достаточно уверенным шагам в искусстве художественного фаянса. Вот эта ваза, что Харьковским историческим музеем облюбована, ею расписана-в честь двухсотлетия Квитки-Основьяненко. Есть у нее, Ольги, как говорят, "искра божья", и не погаснуть ей, где бы ни работала. Но хотелось, чтобы многообещающий молодой талант украсил со временем их "цех", их, будянскую, "фирму". Выходя замуж, Васькова сговорила с женихом - переедет он в Буды, где и ему дело по душе найдется. Работу молодому мужу предложили, только насчет жилья... даже обещаний не дали. А ведь это лишь в поговорке приемлемо: "С милым рай и в шалаше"...

Едва присмотрелись к Андрущенко Тане, что Миргородский техникум закончила, едва увидели художника с перспективой, а уже заявление и от нее. Уходят не потому, что жажда к перемене мест обуяла. Нет, нет и еще раз - нет! Татьяна круглая сирота, воспитали-вырастили ее дед с бабкой, старые уже, внучка у них единственная помощница, не могла она их на произвол судьбы бросить. А в общежитие старичков не возьмешь, да и что за жизнь им в молодежном "муравейнике"...

...Снова поговорка в голову лезет. На этот рчч другая: "Свято место пусто не бывает". Только речь-то идет не просто о "замещении" мест, а о том, чтобы на смену одним талантам приходили другие, не менее, а то и более, значительные. Таланты же растить надо, и требуются для этого не дни и не месяцы.

Мудра поговорка, да только и вредна порою - кое-кого убаюкивает.

Записей в книге отзывов сотни. И не все они восторга исполнены - есть другие.'
, "Выставка понравилась, спасибо. Но, кажется, нужно ?ыло бы - для контраста - оформить витрину под ' названием "Это можно приобрести в магазинах города I Харькова".

"Хочется, чтобы такие предметы украшали не только далы музеев, но и наши квартиры, чтобы они вышли

од массовое производство. Мы - за массовость! И наша Жизнь станет интересней, красивей!" ':., "Даже не подозревал о возможностях завода, его ' рабочих... Остается пожалеть, что большинство работниц технологично и не может быть запущено в серию...", "Жаль, что всего этого нет в продаже, чтобы мы .(легли себе купить свое, родное, украинское. А то гоня-лешься за импортом... Будет ли когда-нибудь такое на ррилавках наших магазинов?.."

Есть и пожестче - без прямых или косвенных оценок данного, с одним-единственным вопросом, вроде: Какова же цель этой выставки? Служить

человеку быть украшением выставочных залов?" Или о >М же, но по-другому: "Зачем дразнить нас, хозяек?" общем: "Ждем в продаже!"

Упреки законные? В определенной степени - да. Пожелания справедливые? Принять можно.

Вопросы? Небезосновательны и они. Желание людей владеть всем этим богатством Пана-понятно. Тем более, что у каждого ансамбля и его изделия есть то, что делает их полезными в . А уж насчет декоративности, в быту также не-ей, и говорить не приходится - все это вполне вписывается в современный интерьер, делая его краев, теплее, уютнее. Попросту говоря - делая рьер" домом, к тому же полным особой привле-тельности.

В магазинах - и Харькова, и других мест - купить 4;Что видят посетители выставок, трудно, даже не-!можно. Не уникальные работы в виду имеются. Не которые носят исключительно творческий характер) потому существуют в одном, авторском экземпляре. Говорим мы сейчас о других. Достаточно многих "других, которые пошли в производство и даже выпускают не один год.

Сейчас в производстве находятся сотни образцов фаянса. Среди них те, что часто - и с неизменной похвалой - вспоминаются в книге отзывов. Ну, скажем, фруктово-ягодный набор "Майские цветы" Сеня, столовый сервиз "Охристый" Рыбиной, кофейный - "Розовая лента"... да всего и не назвать, не перечислить. Проходишь по цехам и, хоть пригляделся ко всему этому, засматриваешься на удивительное разноцветье красок, обволакиваешься их вполне ощутимым, слышимым звучанием.

Сколько в сутки вырабатывается изделий? Четверть миллиона единиц! Все они идут в продажу - куда же еще? Часть на экспорт, но подавляющее большинство - в наши, советские магазины. А на полках их, действительно, нет. Не залеживается тут такое - быстро находит покупателя. Одному повезло-оказался в магазине вовремя. Другому не повезло - разобрали. Потребности огромны, тяга к прекрасному безмерна, ни с чем не сравнима. И не только в отношении красивой посуды, интересного декоративного фаянса. За нескромное сравнение извините, но какой тираж у юбилейного двадцатидвухтомника Льва Толстого? Миллион! А скольким желающим он не достался?

Выпуск надо расширять. И чтоб разнообразия было больше, и обретали новые работы художников свою "производственную судьбу" без обидно-длительных проволочек. Кто-то из посетителей насчет "технологичности» прошелся. Но это опасение не много касается. Возможности современного предприятия куда больше, чем представляют их себе те, кому нынешний, хорошо осна* щенный фаянсовый завод неведом.

"Мы - за массовость!"

И мы за нее, уважаемые друзья-критики... Каждый будянский художник теперь и технолог, и экономист. Не только образец создать - дорогу ему открыть! Отсюда внедрение печати и шелкографии, декора с помощью аэрографа, оригинальных штампов, способных воссоздать всю свежесть эталона, самых различных видов росписей - красками, ангобами, солями металлов, поливами, эмалевой глазурью, люстром.

В то же время Панаскж и его товарищи-художники ратуют за экспериментальный цех, или лабораторию уникальных изделий, или, для начала, "фирменные" бригады - чтобы скорее, шире шло в работу то, что сейчас только на

выставках и увидишь. По нынешним темпам в год осваивается десять-пятнадцать совершенно новых образцов художественного фаянса. А их сделано - и утверждено для производства - более двухсот. Каждый год этот резерв увеличивает... Нет, решения вопроса откладывать больше нельзя, не могут так долго ждать внедрения плоды упорнейших трудов и поисков - по-настоящему талантливые вещи.

- Это наша линия, наш путь, - говорит Панасюк, мысленно обращаясь к критикам.- С этого пути мы, товарищи поборники массовости, не сойдем.

...Но, если судить по тем же записям, иные "знатоки" в художнике фаянса художника-то видеть и не желают. Гони, мол, звонкое чудо по потребности. А чудо... чудо не всегда повторений требует.

Как на этот счет думаете? Что скажете?

"Приезжайте: музей открыт!"

Много лет мечтали на заводе о музее будянского фаянса. Не один год собирали экспонаты, продумывали экспозиции, оборудовали залы. Все - своими силами. Все - на энтузиазме людей: от директора и секретаря парткома до юного новичка-рабочего.

Но "ключи от музея" находились у Панасюка. Непосредственная организация лежала на нем. Взвалил хлопотное хозяйство себе на плечи и - нес без ропота, лишь иногда покрхтывал. Больше других ему помогали художники. Хотя, вообще-то, помощников оказалось много. Помните мой рассказ об Иване Ивановиче Бурко? Теперь собранное им - на стендах и в витринах, обозрению, изучению доступное.

В этот раз по музею меня водил Михаил Максимович Еременко - один из самых заслуженных будянских ветеранов, незадолго перед тем на пенсию вышедший. Лет тридцать на заводе проработал - поначалу мастером второго обжига, потом начальником цехов (капсуль-ного... формовочного... живописного...), наконец, главным технологом; с этого поста и на покой ушел. Мечтал об отдыхе. И правда - едва закончил семилетку как "впрягся" в бесконечную колхозную работу, из родных Петривцев в Миргород уехал, в керамическом техникуме учился, а по окончании получил назначение мастером массозаготовительного цеха на Городницком фарфоровом заводе. Там на действительную призвали. Как ушел в тридцать девятом, так до сорок девятого служил. В войну, конечно, воевал. Участвовал в обороне Севастополя, в боях под Новороссийском, в операциях на Северном Кавказе и Черноморском побережье. В 1942-м стал коммунистом. Довелось быть комсомольским, партийным секретарем дивизиона... в общем, много дорог прошел, прежде чем, уже демобилизованный, приехал в Буды. Работал на совесть. К наградам боевым здесь прибавились трудовые, и среди них.

Вместо заключения

Орден Октябрьской Революции. Проводили на отдых с почетом. Да только выдержал без дела всего три месяца. И вот - музей, гри с лишним тысячи экспонатов, бесконечное множество дел, пока еще непривычных, но, как уже понял, для завода необходимых.

Музей - фаянс Буд в его развитии.

Музей - свидетельство таланта, трудолюбия, упорства.

Музей - школа высокого, настоящего искусства, которому идти в гору, расти, радовать.

Любая школа существует для того, чтобы учить. Через школу-музей уже сейчас проходят те, кого в будущем - недалеком или отдаленном - люди нарекут гордым званием: Мастер. И это радует Сергея Варфо-ломеевича Панасюка, радует всех его друзей-единомышленников, пекущихся о Будах завтрашних, послезавтрашних, всегдашних - неувядаемых во веки веков.

Со всех, золотым орнаментом повитых, ярусов Большого театра навстречу блистательной Кармен-Архиповой несло разноголосое и слитное, поистине шквальное "браво"! Я тоже говорил ей "браво!", но думалось мне в удивительные минуты полного признания великого искусства о том, как двукратно повторила этот возглас одобрения, благодарности она, знаменитая певица.

Было то в Киеве. Выставочный зал магазина-салона на Крещатике не пустовал ни минуты. Шли и шли сюда люди, привлеченные искусством фаянсовых Буд. Зашла и народная артистка СССР - сегодняшняя изумительная Кармен. Мне не пришлось быть одновременно с нею в салоне, но ее впечатления, ее чувства навсегда сохранила книга отзывов.

Она записала:

"Спасибо, дорогие художники фаянса, за то удовольствие, которое мы получили от великолепных работ, увиденных на выставке. Это прекрасно, удивительно и неповторимо. Bravo, bravo!"

Кто-кто, а Ирина Архипова цену "браво" знает! И произнесла она его - притом дважды - потому, что увидела в будянском фаянсе настоящее, большое искусство, а в его создателях - своих коллег по общему, святому их делу служения музам. Музам и людям...

Декоративно-прикладное искусство - одна из важных отраслей художественной культуры народа. Каждого народа и всего человечества. Оно родилось в процессе трудовой деятельности и неотделимо от жизни людской на протяжении веков.

Украина славится им, этим искусством, со времен незапамятных. Гончарство, как установлено наукой, зародилось на ее территории еще в эпоху неолита - за тысячи лет до нашей эры. Керамика, вышивка, одежда, стекло, резьба по дереву, чеканка по металлу под-стать трудолюбию и таланту народа, песенно-плясочной искристости украинцев, их удалой, веселой стати. Да еще когда рядом - всегда рядом - такая сестра как Россия, когда столетие за столетием происходит меж ними обмен всем лучшим, всем прекрасным - к взаимному обогащению...

Только на самых подробных географических картах есть такая точка: Буды. Не город и даже не райцентр - всего-навсего поселок районного значения. Но это с позиций географической иерархии. На карте искусства, размещения его "производительных сил", будь такая составлена - в союзном ли, в мировом масштабе, - название скромного населенного пункта под Харьковом зазвучало бы громко и внушительно.

Герои этой книги - люди одной профессии. Одной из многих в сложном и многоликом фаянсовом производстве. В каждом цехе, на каждом участке завода работают люди вседневного трудового дерзания; у многих из них, как, например, у Героя Социалистического Труда печника-огнеупорщика Константина Федотовича Грищенко, у кавалеров высоких орденов Матрены Федоровны Бородавко, Варвары Тарасовны Ткаченко и других такой талант в деле и такие яркие судьбы, что так и просятся они в поэмы, в повести. Но законодатели в художественном фаянсе, прежде

всего и главным образом, художники... Книга - о них. Их путях в искусстве и поисках в нем, их мечтах и дерзаниях.

Перечитывая написанное, я вижу, сознаю и признаю: уязвимых мест немало, особенно там, где речь идет о психологии творчества, о - по словам Александра Блока - "подземном росте души", предшествующем каждому замыслу и каждому свершению. Но как уловить неуловимое и "замерить" то, что за меру не поддается? Поймите меня правильно - это не упреждающий со стороны автора отвод критики в его адрес. Нет, просто признаю - честное признание - бессилия зрителя, наблюдателя, даже "веда" перед таинством искусства - таинством, без которого искусства нет и быть не может, Ни поэзии, ни музыки, ни театра... И живописи, и архитектуры, и... художественного фаянса, о творцах которого дерзнул рассказать. Как сумел, так и рассказал. Настоящее искусство всегда талантливее слов о нем!

...Путь моего "будянского Петушка" к читателю пролегал через Харьков и Буди, Киев и Полтавщину, снова и снова - Буди, незаметно ставшие для меня родными, через милое сердцу Оренбуржье, в котором я, черниго-вец по рождению, живу с юности своей, четвертый десяток лет. А дописываю книгу в Москве, в Государственном Историческом музее, его Отделе керамики, собравшем лучшие образцы художественного фаянса всего мира. Есть и будянский; встреча с ним тут полна для меня особого смысла.

Фаянс в генеральном нашем музее Истории...

Фаянс на Красной площади, у стен Кремля и Мавзолея...

И с чувством глубоким, трепетным, в волнении постижения великого повторяю я давным-давно знакомые, простые и возвышенные ленинские слова:

"ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ". 1977-1979

Краткие биографические справки

о художниках, чье творчество связано с Будяйским фаянсовым заводом

Бидасюк Прокофий Яковлевич

Родился в 1895 г. в с. Деркачи на Волыни. Учился в Межигорском художественно-керамическом институте. В 1930-1934 гг. работал в Будах. Здесь им были созданы многие оригинальные формы - вазы, декоративные блюда, тарелки, куманцы, баранцы, игрушки. Один из старейших членов Союза художников СССР.

Вакула Раиса Саввична

Родилась в 1930 г. в с. Поповка на Полтавщине. Училась в Миргородском керамическом техникуме имени Н. В. Гоголя, где получила специальность художника-керамиста. На Будяйском фаянсовом заводе "Серп и молот" работает с 1951 г. Член Союза художников СССР. Участница всесоюзных и республиканских выставок, а также промышленных выставок в Нью-Йорке, Токио, Париже, Лондоне, выставок-ярмарок в Марселе, Дамаске, Познани, Загребе. Ее работы экспонируются в музеях Москвы, Киева, Харькова, Сум и других городов.

Гончаренко Иван Иванович

Родился в 1911 г. в с. Славгород на Сумщине. В 1936 г. закончил керамический факультет Одесского художественного института. Работал художником на Дмитровском и Первомайском фарфоровых заводах. В 1950-1955 гг. был главным художником Конаковского фаянсового завода имени Калинина. В конце 50-х годов

трудился на Будянском фаянсовом заводе. Член Союза художников СССР. Автор керамических, фарфоровых, и фаянсовых сервизов, декоративных ваз, сувениров, пластов. Многие из них выполнены совместно с Д. Э. Клювганг. Работы художника экспонируются в музеях страны, демонстрировались на выставках в нашей стране и за рубежом.

Губичев Павел Егорович

- Художник-гравер. Один из первых художников Будянского завода в советский период. Создал первую декоративную тарелку, посвященную памяти В. И. Ленина (1925).

Жежемский Владимир Михайлович

Родился в 1923 г. в Свердловске. Учился в Московском институте прикладного и декоративного искусства в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище имени Мухомовой. На Будянском фаянсовом Заводе им создано много форм и росписей. Член Союза художников СССР. Участник всесоюзных и республиканских выставок и выставок-ярмарок за рубежом.

Иванченко Павел Михайлович

Родился в 1898 г. в с. Андрияшевке на Сумщине. Закончил Глинскую керамическую школу и Киевский художественный институт. В Будах работал с начала 30-х годов. Автор многих декоративных изделий из фаянса, фарфора и майолики. Среди них - ваза с портретом Т. Г. Шевченко, керамические панно "Урожай", "Живи, Украина" и многие другие, находящиеся ныне в музеях страны. Один из старейших членов Союза художников СССР.

Крлущий Василий Егорович

родился в 1921 г. в Будах, в семье потомственных рабочих фаянсового завода. Росписи учился в заводской школе ФЗУ. С 1936 года - на "Серпе и молоте". В годы Великой Отечественной войны - на фронте. Автор многих изделий. Работая в живописном цехе, воспитал немало мастеров своего дела.

Кломбицкая Галина Ивановна

Родилась в 1933 г. в Одессе. Закончила Одесское художественное училище имени Грекова, получила специальность скульптора. С 1955 г. работает на Будянском фаянсовом заводе. Член Союза художников СССР. Автор многих форм и росписей производственного назначения, а также декоративных ваз, пластов и блюд.

Участница всесоюзных и республиканских выставок, выставок-ярмарок в Салониках, Токио, Дамаске и др. Многие ее произведения приобретены музеями Москвы, Киева, Харькова, Полтавы, Львова и других городов.

Клювганг Дина Эммануиловна

Родилась в 1913 г. в с. Доброе Николаевской области. Окончила керамический факультет Одесского художественного института. Работала на фарфоровых и фаянсовых заводах Украины и РСФСР. В конце 50-х годов трудилась в Будах. Вместе с И. И. Гончаренко художница внесла свой вклад в развитие искусства будянского-го фаянса (надглазурная и подглазурная роспись). Член Союза художников СССР. Участница выставок в нашей стране и за рубежом.

Кондратенко Елизавета Иосифовна

Родилась в 1906 г. в нос. Гуты на Харьковщине. После окончания школы ФЗУ при Будянском фаянсовом заводе работала в живописном цехе, сначала копировщицей, инструктором, затем на протяжении двадцати лет - в довоенные и

послевоенные годы - художницей. Автор множества образцов для производства посуды, декоративных блюд и других видов фаянсовых изделий.

Куц Варвара Афанасьевна

Родилась в 1926 г. в с. Мелашенково на Полтавщине. По окончании Миргородского керамического техникума работает на Будянском фаянсовом заводе. Участница многих выставок и выставок-ярмарок, в том числе международных.

Мусиенко Пантелеймон Никифорович

Родился в 1905 г. в гор. Ромны Сумской области. Окончил Межигорский художественно-керамический институт. С начала 30-х годов работал художником и начальником живописного цеха Будянского фаянсового завода. Автор сервизов и серий посуды, агитационно-декоративных росписей и других работ. Впоследствии переехал в Киев. Автор нескольких исследований по технике керамической росписи и истории украинского народного искусства. Член Союза художников СССР, кандидат искусствоведения.

Николаев Николай Борисович

Родился в 1925 г. в с. Барановка Полтавской области. После окончания в 1950 г. Миргородского керамического техникума работает на Будянском фаянсовом заводе. Член Союза художников СССР. Многие его произведения находятся в музеях Киева, Харькова и других городов. Постоянный участник всесоюзных и республиканских выставок, а также промышленных выставок и выставок-ярмарок во многих странах мира.

Панасюк Сергей Варфоломеевич

Родился в 1921 г. в Одессе в рабочей семье. Учился в Одесском художественном училище. Участник Великой Отечественной войны. С 1949 г. - главный художник Будянского фаянсового завода. Автор многих росписей, ряд из них удостоен государственного Знака отличия. Под его руководством создан заводской музей художественного фаянса.

Пешинский Владимир Иванович

Родился в 1924 г. Окончил Одесское художественное училище. В 1948-1951 гг. работал на Будянском фаянсовом заводе. Некоторое время был главным художником предприятия. Автор росписей посуды и других изделий послевоенного периода.

Пиманкин Юрий Тимофеевич

Родился в 1929 г. в гор. Красный Сулин Ростовской области в рабочей семье. Учился в Ростовском художественном профессионально-техническом училище, Миргородском керамическом техникуме, Украинском заочном политехническом институте. На Будянском заводе - с 1954 по 1975 г. и с 1979 г. по настоящее время. Член Союза художников СССР. Участник республиканских, всесоюзных и международных выставок.

Пянида Борис Петрович

Родился в 1935 г. в с. Дичковое на Полтавщине. Учился на художественном отделении Миргородского керамического техникума. С 1959 г. - на Будянском фаянсовом заводе. Член Союза художников СССР. Автор множества декоративных блюд и ваз, сервизов и наборов посуды, демонстрировавшихся на республиканских, всесоюзных и международных выставках-ярмарках в Польше, Канаде, Югославии, ГДР, Японии, Франции и других странах. Ряд его работ приобретен музеями.

Родионова Валентина Николаевна

Родилась в 1956 г. в Будах в семье специалистов фаянсового завода. После окончания в 1980 г. Харьковского художественно-промышленного института работает на "Серпе и молоте". Образцы художественного фаянса, созданные Родионовой, получили положительную оценку на выставках в Киеве и Харькове.

Рыбина-Конарева Александра Васильевна Родилась в 1927 г. в с. Александрова Тамбовской области. Училась в Одесском художественном училище, по окончании которого в 1950 году, приехала на Будянский фаянсовый завод. За три десятилетия работы здесь ею создано множество оригинальных образцов Художественного фаянса. Многие из них экспонируются музеями в Киеве, Харькове, Каневе и других городах, Демонстрировались на выставках в нашей стране и выставках-ярмарках за рубежом.

Сень Иван Порфирьевич

Родился в 1928 г. в с. Широкая Долина на Полтавщини. После окончания в 1949 г. Миргородского керамического техникума работает на Будянском фаянсовом заводе. Участник республиканских, всесоюзных выставок и международных выставок-ярмарок. Его произведения экспонируются в музеях Украины. Ряд работ удостоен государственного Знака качества.

Серафимов Петр Иванович

Родился в 1906 г. в Будах. В 1923-1929 гг. работал художником-гравером. Один из создателей агитационного фаянса первого десятилетия Советской власти. Ему же принадлежит честь воссоздания в фаянсе образа В. И. Ленина. По путевке комсомола был направлен в углехимический техникум, затем работал в черной металлургии. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенный период руководил газогенераторной станцией завода "Серп и молот".

Сидак Валентина Федоровна

Родилась в 1954 г. в Запорожье. Училась в Одесском художественном училище, по окончании которого работала в Запорожье и Харькове в мастерских Художественного фонда УССР. С 1979 г. - художница Будянского завода.

Федорова Нина Ивановна

Родилась в 1907 г. в с. Белкроровичи Житомирской области. В 1930 г. закончила Киевский институт керамики и стекла. С начала 30-х годов работала в Будах, готовя кадры для керамической промышленности, а с 1946 года, в течение более чем тридцати лет, возглавляла Киевскую экспериментальную мастерскую художественной керамики. Деятельность этой мастерской оказала значительное влияние на развитие искусства будянского фаянса.

Фрадкин Михаил Зиновьевич

Родился в 1904 г. в гор. Борзне на Черниговщине. В 1922-1929 гг. учился в Харьковском художественном институте. График, станковист, иллюстратор книг. Член Союза художников СССР. Преподавал в Харьковском художественно-промышленном институте. Ценитель и знаток керамики, М. З. Фрадкин был организатором первых выставок творческих работ мастеров будянского фаянса, конкурса на лучшее произведение прикладного искусства, посвященного Т. Г. Шевченко, заботился о росте художников Буд и, как один из руководителей секции декоративно-прикладного искусства, рекомендовал лучших из них в Союз.

Хмелевский Казимир Витальевич.

Профессиональный художник-керамист, работал на Будянском фаянсовом заводе в 1934-1937 гг. К числу наиболее интересных его произведений принадлежит

сервиз "Сказка о царе Салтане". Как главный художник предприятия, многое сделал для внедрения новых методов росписи и подготовки высококвалифицированных кадров.

Хрумало Иван Петрович

Воспитанник Одесского художественного училища. Работал на Будянском фаянсовом заводе в 1934-1941 гг. Автор многих орнаментальных, геометрических, тематических росписей, выполненных в художественной лаборатории предприятия.

Червоненко Мария Степановна

Родилась в 1926 г. в пос. Хорлы Одесской области. Окончила Одесское художественное училище. В 1948- 1951 гг. работала на Будянском фаянсовом заводе. Созданные ею образцы длительное время шли в производстве, занимая важное место среди изделий художественной керамики этого предприятия.

Чернова Галина Денисовна

Родилась в 1931 г. в гор. Умани Черкасской области. Окончила Одесское художественное училище и с 1955 г. работает на Будянском фаянсовом заводе. Член Союза художников СССР. Участница всесоюзных и республиканских выставок, а также выставок-ярмарок за рубежом. Работы Г. Д. Черновой экспонируются в музеях Киева, Харькова, Львова, Сум, Одессы и других городов нашей страны.

Щеглов Алексей Михайлович

Родился в 1908 г. в Томске. Учился в Харьковском художественном институте. Художник театра, график, монументалист, мастер декоративно-прикладного искусства. Член Союза художников СССР.

Краткий словарь специальных терминов

Ангоб - тонко растертая глина, белая или окрашен-ная земляными красками или окислами металлов.

Ангобирование, роспись ангобами - нанесение анго-бов на черепок сравнительно тонким слоем для грун-ки под последующую роспись или самостоятельной овой отделки.

Аэрография - декорирование керамических изделий применением краскораспылителя (пульверизатора); Рисунок чаще всего наносится посредством трафарета, "резанного в свинцовой или алюминиевой фольге.

Глазури - стекла, затвердевшие на поверхности керамического черепка в виде тонкой пленки; имеют всевозможные разновидности.

Глубокая гравировка - декорирование керамических изделий путем углубления контура рисунка в сыром, сушенном и ангобированном черепке с помощью деревянных палочек или металлического инструмента. Вп'о-,ствии, как правило, изделие покрывается цветной глазурью.

Глубокая печать - декорирование керамических изделий, при котором рисунок первоначально гравировается стальных, медных, цинковых пластинах или медных алах, печатается на тонкой филигранной бумаге керамическими красками специального состава, а затем наносится на поверхность глазурованного или негла-урованного черепка.

Декалькомания, деколь - декорирование с использо-анием переводных картинок, выполненных на гуммированной бумаге керамическими красками.

Декорирование штампом - разновидность высокой печати; печать осуществляется с помощью специальной формы, возвышающиеся элементы которой покрываются тонким слоем краски для последующего нанесения ее на декорируемую поверхность изделий.

Краски большого огня - разновидность подглазурных красок, наносимых на обожженную глазурь, после чего изделие подвергается обжигу при сильном огне, под действием которого глазурь размягчается, краски соединяются с нею и приобретают более мягкие тона.

Люстры - надглазурные краски, покрывающие поверхность тончайшим прозрачным слоем, создавая эффект нежных перламутровых переливов и металлических отблесков; люстры бывают бесцветными и цветными.

Надглазурная роспись - декорирование красками широкой палитры, отличающимися от подглазурных большей легкоплавкостью; краски наносятся на предварительно глазурованную поверхность.

Окиси металлов - материалы, используемые для создания разнообразных цветовых гамм; широко используются в керамике окиси кобальта, хрома, марганца, меди, железа, сурьмы и т.д.

Подглазурная роспись - декорирование, при котором огнестойкие подглазурные краски наносятся на неглазурованный обожженный черепок, покрываются глазурью и обжигаются вместе с нею.

Цветной пудраж - нанесение рисунка липкой мастикой посредством резинового штампа с последующей "припудровкой" сухой порошкообразной керамической краской.

Шелкография - нанесение рисунка с помощью капроновой или шелковой сетки и резинового шпателя.

Эмали - непрозрачные краски, которые при нанесении на керамические изделия образуют толстый слой, легко осязаемый и видимый, или "капли", заметно возвышающиеся над поверхностью глазури.